

~ Роман Галкин ~

СТОРАН

16+

Роман Галкин

Сторан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41132083

SelfPub; 2019

Аннотация

Благодаря вселившейся в Олега сущности-паразиту, его собственная сущность не исчезла , а после смерти физического тела получила возможность вселяться в другие тела...

Сторан

Паразит

Странник поселился в голове, когда моя жизнь перевалила за сорокалетний рубеж. Я не был ни алкоголиком, ни наркоманом, ни научным деятелем, ни бизнесменом. Это к тому, что предпосылок для сумасшествия не было.

Обычные рядовые строители с ума не сходят. А если не пьют, то и белочка их не посещает. Потому, почувствовав присутствие в собственной голове чужого разума, я отказался признавать казалось бы неоспоримый факт сползание крыши. Чужому сознанию это не понравилось и в течение года оно настойчиво пыталось завладеть телом единолично. Как это происходило? Нет, никаких посторонних потусторонних голосов я не слышал. Просто ощущал чужое присутствие. И это чужое постоянно давило на мою личность, пытаясь задвинуть ее в самый темный угол подсознания, пыталось управлять телом, идти не туда, куда я хочу, смотреть не туда, делать не то...

Когда, разговаривая с товарищем по телефону, я вдруг начал коверкать слова, словно маленький ребенок, то, положив трубку, понял, что если так будет продолжаться и дальше, то

мое сумасшествие станет вполне реальным. Обрадовавшийся таким мыслям чужак усилил натиск, заставляя меня лопотать какую-то белиберду. Выйди я в таком состоянии из дома, однозначно попал бы в дурку. Впрочем, я и дома уже ощущал себя на грани сумасшествия.

Не знаю, что заставило меня надеть наушники и врубить на всю громкость Владимира Семеновича Высоцкого. И под его нагсадную поэзия я вдруг ощутил, как чужая сущность отступила, сжалась в комочек и затихла. Прибив ее еще несколькими песнями народного классика, я выключил плеер, прислушался к ощущениям и злорадно ухмыльнулся. Вот она Сила Настоящей Русской Поэзии!

Однако вселившееся в меня нечто не сдалось и время от времени продолжало делать попытки вытеснить мой разум. В итоге пришлось постоянно ходить с плеером наготове. Чуть что, тык наушники в уши и: – «Ох я встречу того духа! Ух, отмечу его в ухо! ...»

Кстати, пробовал давить духа другой музыкой – не подействовала ни попса, ни классика, ни зарубежная эстрада всех стилей и направлений. Даже на Рамштайм дух презрительно усмехнулся. Кроме Владимира Семеновича помог только Кипелов, а вернее некоторые отдельные композиции «Арии». Например, «Штиль» и «Жанна».

Наконец чужой сдался и пошел на переговоры. И вот это уже точно походило на сумасшествие – нечто в моей голове обращалось ко мне, предлагая договориться о взаимовы-

годном сосуществовании. Я даже подошел к зеркалу, чтобы убедиться, что мой рот закрыт, и это не я произношу звучащие в голове слова.

– Ты кто? – спросил я у отражения.

– Я странник, – ответил голос в голове.

– Какой еще, в задницу, странник?

– Почему в задницу? – не понял тот.

– Потому что голова занята, – нашелся я и конкретизировал вопрос: – так откуда ты взялся?

Если признать меня условно нормальным человеком и не принимать за бред последующее повествование, озвученное прямо в моем мозгу, то я узнал следующее.

Странник – это некая сущность, вечно скитающаяся в межмировом пространстве. Целью его скитаний был поиск миров, проникновение и паразитирование в них.

Каждый мир являлся вотчиной семи Создателей, породивших его ради собственных прихотей.

Создатели – это некие сущности, периодически порождаемые межмировым пространством. Появлялись они всегда в количестве семи. Родившись, молодые сущности сразу начинали создавать собственный материальный мир, который населяли саморазмножающимися оболочками, наделенными примитивным разумом. Оболочки нужны Создателям для того, чтобы, вселяясь в них, познавать радости материального мира.

– Погоди, – прервал я повествование, – хочешь сказать,

что человечество – это всего лишь популяция оболочек для каких-то Создателей? Это я-то оболочка?

– Так и есть, – подтвердил паразит из моего сознания. – Странно, что тебя это удивляет. В этом мире, как и во всех остальных, где мне довелось побывать, существуют верованья, напрямую сообщающие о высшем разуме, сотворившем мир. И так же есть персонажи, в которых вселялись Создатели. Именно эти персонажи творят истории миров. Чего тут невероятного?

– Допустим. Но ты-то тут с какого боку?

Как я понял дальше, в меня вселилась какая-то ошибка меж мирового пространства, периодически проникающая в миры Создателей и беспредельничающая в них до тех пор, пока хозяева не замечали паразита и не изгоняли его. И вот этот самый Странник, проникнув в очередной мир, вселился в очередную оболочку и с удивлением обнаружил, что примитивная сущность аборигена категорически не желает уступать родное тело. Дальше больше, когда абориген начал долбить по паразиту шедеврами музыкальной поэзии, Странник попытался добровольно покинуть оболочку, да не тут-то было. По непонятным причинам он оказался заперт в злополучном теле. Решив, что попал в ловушку, пришелец с ужасом ждал проявления Создателей, готовых прервать его вечное существование. Однако никто по его сущность не явился, и он решил-таки снизойти до общения с примитивной сущностью оболочки. То есть, если кто не понял, со мной.

Из дальнейших расспросов я понял, что наш мир довольно стар,

И уставшие развлекаться Создатели основное время проводят в спячке, позволяя оболочкам развиваться самостоятельно. Это была основная причина, по которой Странник выбрал данный мир, ибо здесь вероятность его обнаружения хозяевами была не велика.

О самих Создателях удалось дополнительно выяснить только то, что они опасались рождения некоего Восьмого. Мол, Восьмой рождался в созданном ими мире для того, чтобы поглотить одного из них и занять его место. Понятно, что бессмертные сущности подобной участи не желали.

– Ну, и что мне теперь с тобой делать? – спросил я у паразита, решив, что для моей примитивной сущности на первый раз полученной информации хватит.

Далее последовали переговоры о сосуществовании. Странник пообещал сидеть тихо в уголке моего сознания и довольствоваться ролью стороннего наблюдателя до самой смерти нашей теперь общей оболочки. По его предположению, после моей смерти он обретет свободу. А подождать несколько десятков земных лет тому, кто существует вечно, проще, чем пара пустяков. Единственное, о чем паразит попросил, не глушить его музыкой.

– А зачем мне-то все это надо, а? – обратился к нему я. – Зачем мне в собственной голове чье-то присутствие? Я, между прочим, недавно второй раз развелся, и сейчас нахожусь

в поисках новой спутницы жизни. И каково мне будет с ней в постели, зная, что кто-то постоянно за мной наблюдает?

В конце концов, до меня дошло, что до смерти, скорее всего, не избавиться от вселенца, и придется как-то привыкать к его присутствию. Но тут выявились и положительные качества вынужденного симбиоза. Странник заявил, мол, ощущая мое тело на физическом уровне, он не доволен его состоянием и собирается заняться оздоровлением и модификацией оболочки. Услышав о модификации, я потянулся было к наушникам, чтобы вдарить по паразиту Владимиром Семеновичем, но вселенец поспешно заверил, что никаких нестандартных отклонений не произойдет. Я всего лишь стану идеально здоровым человеком. Таковым я и стал в течение последующего месяца.

Рассказывать об ощущениях идеально здорового человека не буду, ибо обычному человеку этого не понять, как слепому от рождения не понять, что такое радуга. Отмечу только, что идеальное здоровье отразилось и на умственных способностях. А может, сказался симбиоз с вселенцем. Но как бы то ни было, а дела мои пошли в гору. За год из простого шабашника я превратился в директора не самой маленькой в городе фирмы. А еще через двадцать два года я передал своему сыну одну из крупнейших в регионе корпораций, ибо мне необходимо было срочно умереть.

В шестьдесят четыре года я первый раз умер. У меня просто не было другого выхода. После того, как Странник по-

работал над нашим теперь общим телом, оно стало выглядеть лет на тридцать и категорически не спешило стареть. Понятно, что я не ужился и с третьей женой, край не нервно относящейся к подобному феномену. Да и окружающие не оставили без внимания мой неизменный тридцатилетний облик, когда мне перевалило сперва за пятьдесят, а потом и за шестьдесят. Как же достали меня местные элитные старушечки и старикашки своими попытками расколоть на предмет, в какой клинике я прохожу курсы омолаживающей терапии, и какой пластический хирург работает над моей внешностью? Ну что я мог им ответить, кроме как посоветовать вести здоровый образ жизни? Как итог, стал врагом для всей престарелой элиты.

В общем, умер я от инфаркта, порадовав массу завистливых недоброжелателей.

Умер и вздохнул свободно. Не скажу, что я по натуре такой уж аскет, но для чувства удовлетворенности мне нужно очень не много. И счета в банках различных стран позволяли обеспечить это небольшое на много лет вперед. Я везде побывал, все повидал, еще два раза оседал на одном месте, обзаведясь очередной семьей, после чего приходилось очередной раз умирать.

К концу второго столетия своего брэнного существования наконец-то тело состарилось. Как пояснил странник, оболочка выработала отпущенный ей ресурс. Я воспринял старость спокойно. Не то чтобы устал жить. Скорее, устал терять до-

рогих и любимых людей, устал от одиночества, устал от однообразия. Возможно, будь у меня прогрессорский склад ума, и за отпущенные две сотни лет я насвершал бы массу научных открытий, сделал бы пару-тройку оставивших глубокий след в истории политических карьер. Но, я такой, какой я есть. И потому ничего особо интересного, о чем стоило бы рассказать, за эти долгие годы не случилось.

Дух бесплотный

В четвертый раз я умер по-настоящему. Нет. Вру. По-настоящему умерла моя оболочка. Я же, не только к собственному удивлению, но и к удивлению Странника, продолжал себя осознавать как, если можно так выразиться, единицу сознания.

Я будто бы воспарил над умершей оболочкой и ошарашенно взирал на окружающее пространство. Взирал – не совсем правильное определение, ибо невозможно видеть все вокруг сразу на триста шестьдесят градусов.

– Вот я и свободен, – сообщил Странник, и я понял, что продолжаю ощущать его присутствие.

– А я? Я вроде бы тоже...

Не буду рассказывать о продолжительных всплесках эмоций пораженного моим присутствием Странника. Ведь он всегда уверял, что примитивная сущность оболочки должна исчезнуть сразу после смерти материального тела. В конце концов, мой бывший паразит предположил, что во время вынужденного симбиоза мне передалась часть его сущности, и я теперь стал таким же, как он. Придя к такому заключению, Странник успокоился и заявил, что отправляется на поиски новой более подходящей оболочки.

– Эй! А я? – только и успел крикнуть, боясь остаться бес-

помощно висеть над своим хладным трупом, как меня вдруг сорвало с места, протащило сквозь стены и потащило ввысь. Вот уже город превратился в маленькие кубики, обрамленные двумя линиями рек, в окружении полей и небольших лесных массивов.

– Ты чего ко мне прилип? – оторвал меня от созерцания раскинувшихся просторов Странник.

– Я? Да я вообще ничего не понимаю. Висел себе спокойно посреди комнаты, и вдруг поволокло куда-то... Нет, ты знаешь, а мне даже понравилось парить вот так бесплотным духом. Вот только научиться бы самому передвигаться. И вообще, куда ты собрался без меня. Полторы сотни лет просидел на халяву в моей черепушке. Вот давай теперь, учи быть духом бесплотным.

Странник согласился стать наставником без лишних раздумий. Возможно, ему надоело вечное одиночество, и перспектива занять товарища показалась привлекательной.

Передвигаться в пространстве оказалось несложно. Надо просто выбрать определенный предмет и мысленно от него отталкиваться или наоборот тянуться к нему. В общем-то, так и обычный человек ходит, визуально определяя цель движения. Только ему еще нужно выбирать путь, а в моем нынешнем состоянии преград не существовало.

И вот, забыв о времени, я парил в небесах, стремительно перемещался в любую точку планеты, проникал в самые потаенные уголки. Не могу найти слова, чтобы описать испы-

тываемые мною чувства. Как я мог столько лет потратить на заточение в какой-то жалкой оболочке? И что вообще эти странные сущности находят в существовании, ограниченном возможностями физических тел?

Иногда меня находил Странник и пытался что-то говорить. Но я отмахивался от него, ныряя в океанские глубины, или проникая в гарем какого-нибудь восточного правителя.

Когда, наконец, первая волна восторга и упоения абсолютной свободы схлынула, я сам разыскал Странника.

– Эй ты, жалкий узник физической оболочки, – завопил я, обнаружив его где-то в районе Кавказа, – объясни, что вы, неразумные сущности, по нелепой случайности, наделенные божественными возможностями, находите хорошего в добровольном заточении.

– О чем ты, Олег? В каком заточении? – на лице Странника выразилось искреннее непонимание. – Покушай этот отличный шашлык, запей изумительным белым вином. Потом спокойно объясни, что ты хочешь, да.

Только теперь обратил внимание на то, что он сидел за столом на террасе, расположенной на горной площадке. Прямо перед террасой простиралась морская гладь, на которой белели несколько треугольников парусов небольших яхт.

У странника тело солидного джентльмена явно кавказской национальности.

– Тофик Азизович, – по платановой аллее, ведущей от двухэтажного здания, к столику подбежала молоденькая

блондиночка. – Только что позвонил Фархад. Поставщики груз отправили. Завтра утром он должен быть у нас.

– Хорошо, Леночка. Свяжись с Константином, пусть встречает, – отечески улыбаясь симпатичной девушке, распорядился мой друг.

– Да ты, никак, в кавказские мафиози заделался? – поинтересовался я у бывшего соседа по оболочке.

– Не носиться же вслед за тобой по всей планете, – степенно ответил тот, отпивая из бокала. – Я честный бизнесмен с полностью легальным бизнесом, честно отжатым у одного зарвавшегося азиата.

Он что-то еще говорил, но я пропускал слова мимо не существующих ушей, ибо все мое внимание сосредоточилось на сочных ломтиках поджаренного на углях мяса и на горке искрящейся капельками воды свежей зелени. Как же вдруг захотелось ощутить аромат шашлыка, почувствовать во рту его сочный вкус, с хрустом зажевать веточки петрушки, укропа и острым цицмати...

– Вах, слушай, дарагой, научи меня вселяться в оболочку, да!

Наука вселения далась не сразу. Самым сложным оказалось проникновение. Страннику с трудом удалось научить меня пеленговать, если можно так выразиться, слабую человеческую сущность и, зацепившись за нее, пытаться овладеть телом. Тут еще влияла моя собственная человечность. Не мог я вот так вот взять и завладеть телом первого попав-

шегося ни в чем не повинного человека. Выбирал для вселения либо каких-нибудь мафиози, либо зажавшихся чиновников. Однако сущности таких особей, как и предупреждал Странник, оказывались довольно устойчивыми. Опыты с первыми клиентами закончились инсультами, что привело мозги оболочек в непригодность для вселения. И что мне было делать? Продолжая осознавать себя человеком, со всеми вытекающими из этого осознания нравственными критериями, я не мог отнять тело у простого ни в чем не повинного работяги.

Как-то, подыскивая очередного подопытного кролика, я посетил бильярдный клуб и увлекся наблюдением за игрой. Тут-то в голову и пришла мысль... Кстати, а куда приходят мысли бестелесному духу? Впрочем, не важно. Важно, что приходят. Так вот, я подумал, а что если не втискиваться в оболочку, постепенно вытесняя сущность хозяина, как учил Странник, а шарахнуть со всей дури, подобно бильярдному шару... Впрочем, чего тут долго размышлять? Вот толстяк с кием, степенно катая шары, рассказывает партнеру, как ловко втершись в доверие к лоху, отжал весьма прибыльное предприятие. Наш клиент! Беру дистанцию для разгона. Я бильярдный шар на идеально ровной покрытой зеленым сукном поверхности. Моя цель застыла перед лузой, лоснясь матовым блеском круглых боков. У-ух, я его... Бросок! Звонкий костяной щелчок! И шар сущности толстяка в глубокой лузе!

Бр-р-р... Теперь-то я понял, что чувствовал Странник, вселившись в мое тело. А ведь я старался поддерживать более-менее спортивную форму. Эта же пыхтящая оболочка страдала целым букетом прогрессирующих недугов, сопутствующих автомобильно-диванно-офисному образу жизни. А после свободы от брэнной плоти ощущение и вовсе такое, будто я вселился в труп. Не-е-ет, оставаться в этой тушке я не желаю! Но, прежде все же надо сделать кое-какое заявление.

– Господа! – подняв руку с кием, я призвал окружающую публику к вниманию. – Позвольте угостить всех присутствующих шампанским в честь моей очередной победы!

По поводу шампанского публика не сказать, чтобы вдохновилась, но вопросы по поводу победы последовали. Этого мне и было надо. Предложив желающим снять мое выступление на видео, я в особо извращенных красках описал подвиг хозяина тела по отжиму предприятия. Судя по появившимся на лицах презрительным гримасам, нужный эффект оказался достигнут. Даже партнер толстяка предпочел куда-то исчезнуть.

– Ну ты и чмо! – резюмировал общее отношение к рассказчику высокий парень.

Ну вот, дело сделано. Можно покинуть столь неприятную оболочку. Надеюсь, кроме клубных камер видео наблюдения, исповедь записал кто-нибудь еще, и завтра она попадет в сеть.

Вновь став свободным от физической оболочки, я поспешил к страннику. Хотелось поделиться с ним новой техникой овладения чужими телами. Ну, не столько поделиться, сколько похвастаться собственным открытием. Попутно еще несколько раз опробовал метод бильярдного шара на особях, по классификации странника, обладающих высокой сопротивляемостью к вселению. Эксперименты прошли, что называется, без сучка и задоринки.

Нашел странника все на той же горной террасе. Напротив него сидел какой-то неприятный тип и с явной угрозой махал перед лицом моего товарища растопыренными пальцами, сверкая набором крупных перстней. Бывший сосед по оболочке смотрел на агрессивного собеседника с усталой снисходительностью.

Ну что ж, прекрасный случай продемонстрировать мои возможности. Слету занимаю оболочку распальцованного, ожидаемо удивив странника.

– Вижу, у тебя проблемы, коллега.

– Да ну их, – пренебрежительно отмахнулся он. – Очередной местный мафиози желает поиметь мой бизнес. Ну что делать, если люди никак не желают учиться на чужих ошибках. Да Бог с ними. Лучше поведай, как тебе удалось так лихо занять эту оболочку?

После моего рассказа у него буквально засветились глаза. Оно и понятно. Вместо того, чтобы вселяться в оболочку слабовольной сущности и тратить долгие годы и без того ко-

роткой человеческой жизни на восхождение по социальной лестнице, теперь появилась возможность сразу занять тело крупного правителя и играть уже в по-настоящему серьезные игры.

Оставив мечтательно подкатившего глаза Странника строить планы мирового господства, я решил поразвлечься в новой оболочке. Для начала окинул ее оценивающим взглядом. Ого, какие большие брюлики в перстнях. Я-то с детства не любил вешать на себя всякие висячки, типа колец и цепочек. Цепь на шее, кстати, тоже присутствовала, вполне пригодная для выгула крупной собаки. Вещь, надо понимать, статусная. На верхней губе узенькие фраерские усики. Горбатый нос. Интересно, как меня зовут?

– Алик, – уловив мой вопрос, сообщил Странник. – Ты шашлык кушай, давай.

Аромат лежащих передо мной сочных кусочков жареного мяса заставил бурчать желудок. А от вида смачно жующего Тофика Азизовича начала обильно выделяться слюна. Я с рычанием набросился на шашлык, с наслаждением добавляя к мясу веточки разной ароматной зелени. А какой чудесный свежий хлеб! Не знал, что обычный хлеб может быть таким вкусным. Сколько же я не ел? И вообще, сколько времени я провел вне физической оболочки? Несколько лет? Десятков лет? Да какая разница, когда впереди вечность... М-м-м, чудесное вино!

– Вкусно, да? – подмигнул странник. – Вот тебе и ответ

на твой вопрос.

– Какой ответ? На какой вопрос? – не понял я, отправляя в рот очередной кусочек мяса.

– Ты, Олег, спрашивал, что хорошего в обладании физическими оболочками? Ты как впервые увидевший белый свет ребенок. Но разве можно бесконечно просто смотреть на мир? Рано или поздно каждый ребенок начинает испытывать непреодолимое желание потрогать все, что видит. Ты многое видел, находясь вне ограничений физического тела. Но, чем виденное тобой отличается от просмотра фильмов по стереовизору? Тот же эффект присутствия. По стереовизору даже можно больше увидеть, благодаря профессиональным операторам, знающим с какого ракурса и под каким освещением подать изображение.

Разве можно не обладая физическим телом почувствовать вкус изысканных яств? А прикоснуться к красивой женщине? А ощутить порыв свежего ветра? А почувствовать аромат цветущих трав?

Э-э-э, да что говорить. Ведь даже все те чувства, которые ты испытал, наконец-то оторвавшись от своего тела, ты испытал, созерцая физический мир. Понимаешь?

– Ладно. Убедил, – сдался я перед его доводами. – Но почему же тогда Создатели в конце концов покидают физический мир, удаляясь в спячку?

– Вопрос не совсем по адресу. Я, если ты не забыл, все-

го лишь странник. И до этого, покидал физические миры, только спасаясь от Создателей, и проводил время не в спячке, а в поисках нового мира. Однако могу предположить, что многовековое нахождение в рамках одного мира может быть утомительным, потому Создатели и устраивают себе своего рода отдых.

Посидев еще немного, я решил развеяться и заодно подумать над словами странника.

– Ладно, как там тебя, Азиз Тамбулатович?

– Тофик Азизович, – поправил странник.

– Ладно, Тофик Азизович, я, пожалуй, пока развеюсь немного. Наслажусь, как ты говоришь, прелестями брэнного существования. Заодно, немного поразмыслю. Кстати, – спросил, снова оглядев свою оболочку, – кто я и что я?

Далее узнал, что я подручный некоего Исы. Приехал к страннику с ультимативным предложением продать за бесценок бизнес, которым тот занимался.

– Вот и развлечение, как раз, – произнес я, слегка обдумав услышанное, и поднялся.

– погоди, – остановил меня Тофик, рассматривая пустой бокал, который крутил в руках.

Я вопросительно посмотрел на странника, но садится, снова не спешил.

– Пока ты отсутствовал, мне в голову пришла одна мысль, – после небольшой паузы сказал он и опять замолчал.

Я видел, что он не знает, как поточнее сформулировать

свою мысль, и понимал, что она не простая. А так как у меня сейчас не было абсолютно никакого желания грузиться какими-либо проблемами, предложил:

– Давай, ты свою мысль выскажешь при следующей встрече? Надеюсь, она терпит?

Странник неожиданно легко согласился, и тут же у столика появилась блондинка Леночка. Тофик Азизович, глядя на нее потеплевшим взглядом, распорядился проводить меня к машине.

Игра с оболочками

За высоким каменным забором стоял огромный бело-снежный внедорожник. Рядом находился коротко стриженный бугай, крутящий на указательном пальце цепочку с ключами.

– Э-э, Алик, эта дэвочка поедэт с нами, да? Пачему одна, а? Ты только себе взял, да? О Серго не подумал, э-э? – плотно улыбаясь, бугай буквально пожирал глазами Леночку.

Девушка, побледнев, поспешно попрощалась и скрылась за калиткой, которую тут же закрыл охранник.

– Э-э, зачем ушла, а? – в голосе Серго послышалось искреннее разочарование.

Интересно, как он так ухитрился крутить цепочку – палец торчал практически неподвижно, а цепочка с ключами шуршала вокруг как вентилятор. Мне показалось, что от нее даже дул легкий ветерок.

Я задумался, как мне с этим бугаем обращаться – как с подчиненным или как с равным? Может, попробовать взять под контроль и его оболочку? Когда то странник рассказывал, что при наличии сущностей с малым интеллектом можно держать под контролем сразу несколько оболочек, заставляя их действовать по своему усмотрению. Ну да ладно. Пока не буду экспериментировать, а там посмотрим.

– Поехали к шефу, – сказал я с командными нотками в голосе, заодно следя за реакцией бугая, как он отреагирует на мой приказной тон, и сел на заднее сиденье.

– К кому? – спросил тот оторопело.

– К Исе, – пояснил непонятливому товарищу.

Вероятно, у них как-то по другому принято называть главного мафиози. Может, боссом?

– Э-э, ты что, Алик? – удивился он, садясь за руль. – Разве можно сейчас беспокоить Ису Алиевича?

– А что с ним? – я машинально задал вопрос, лишь после, сообразив, что сам должен быть в курсе всех дел. Поймав еще более удивленный взгляд Серго, небрежно произнес: – А, ты об этом. Не баись. Мне можно беспокоить Ису когда угодно.

– Э-э, ты что такое говоришь, а? – собравшийся было трогаться бугай, снова повернулся ко мне. – Ты что там пил у этого ары?

– А в чем проблема?

– Ты вообще не такой, да. Ты как русский говоришь...

– Я и есть русский, – прервал я разговорчивого водилу. – Езжай давай куда сказано!

– Э-э! – возмущенно эйкнул Серго, но все же воткнул передачу, и мы, наконец, поехали.

Не менее часа кружили по горным дорогам. Обиженный громила молчал, лишь изредка зыркал на меня через зеркало заднего вида.

Через час, минуя тянувшиеся вдоль дороги ровные ряды мандариновых деревьев, мы въехали через кованые ворота за высокий каменный забор. Внутри среди нескольких невысоких строений суетились какие-то люди. Большинство из них одето в старое тряпье.

Серго остановил джип рядом с не менее крутыми тачками. Выйдя из машины, я с удивлением заметил среди других автомобилей старинный УАЗик со снятым верхом, вероятно, мой ровесник. Не предполагал, что такие машины еще где-то сохранились. А когда-то, помнится, полно приводные российские джипы пользовались некоторым авторитетом на Кавказе. По крайней мере, организаторы экскурсий по горам предпочитали использовать именно эти автомобили, нежели нежные импортные внедорожники.

– Фигасе, раритет! – я подошел к УАЗу и пнул его по колесу.

– Э-э! – раздался за спиной возмущенный вопль Серго.

– Ты зачем так сделал, а? – послышался еще один не менее возмущенный голос.

– В чем проблема, мужик? – спросил я у приближающегося индивидуума странной наружности – лицо без признаков кавказской национальности в большой кепке-аэродроме. Но, несмотря на рязанские черты физиономии в голосе слышался явно кавказский акцент. Джигит хотел сказать еще что-то и уже начал ввинчивать палец в небо, обозначая особую мудрость должной прозвучать фразы, но мой вопрос поче-

му-то огорошил его так, что он застыл с открытым ртом и воткнутым в небо пальцем.

– Э-э, Алик, – снова заэкал Серго. – Ты зачем Заурбека так назвал? Какой он тебе мужик, а?

– А? – поддержал его вопрос начавший выходить из ступора рязаноликий Заурбек.

– Так ты не мужик?

– Ты, Али, специально так говоришь, да? Скажи, чего ты хочешь? Зачем пнул машину Исы? Зачем меня мужиком называешь, а? Почему ты так себя ведешь?

– Так этот драндулет – машина Исы? – я окинул пошарпанный УАЗик более заинтересованным взглядом. – А где он сам?

– Что с ним, слушай? – обратился Заурбек к Серго.

– Сам не пойму, да, – пожал тот плечами. – Как вышел от этого ары, так как будто совсем другой стал.

– Али, ты же знаешь, что Иса может с тобой сделать, если ты накурился какой-нибудь дряни, да? – снова обратился ко мне встретивший нас джигит.

М-да, похоже сцена затянулась. Хорошо еще, что больше никто не подходил. Остальные, снующие по двору оборванцы, похоже, какие-то местные работяги. Чем они тут вообще занимаются? И чего странника занесло в эти горы? Надоело прозябать в цивилизованных государствах?

Ну что ж, развлекаться, так развлекаться. Пришло время проверить уверения странника в том, что можно брать под

контроль сразу несколько оболочек. Оставаясь в теле Алика я потянулся к оболочке Серго и у меня довольно легко получилось отодвинуть его сущность.

– Заурбек, скажи, где сейчас находится Иса? Спросил я голосом Серго и тут же подтвердил вопрос от имени Алика: – Да, Заурбек, где Иса?

С удовлетворением отметил, что держать под контролем оболочку не обремененного интеллектом громалы получается довольно легко.

– За-зачем вам Иса? – совершенно сбитый с толку джигит перевел взгляд с одной контролируемой мной оболочки на другую.

– Э-э, слушай, надо, да! – бросил я раздраженную реплику, стараясь эмитировать манеры Серго.

– Ты что, Серго, тоже курил вместе с Али? – похоже, Заурбек твердо решил игнорировать Алика и общаться только с Серго. Обиделся, наверное, на «мужика», или на «не мужика». – Ты забыл, да, что Иса в это время общается с Аллахом? До заката его нельзя беспокоить.

– Э-э, Заурбек, не тупи, да. Разве я спрашивал тебя, чем занимается Иса? Спрашивал? Нет. Я спросил тебя только лишь, где он сейчас находится. Почему ты не можешь мне просто ответить, а?

При взгляде на лицо джигита было понятно выражение «крайнее изумление». Открытый рот, выпученные глаза, съехавшая на затылок большая кепка, обрамляющая голову

темным ореолом, чуть ли не на темечко задранные брови и – такое я видел впервые – слегка шевелящиеся кончики мясистых ушей.

Подступив к Заурбеку с двух сторон я произнес сразу двумя голосами

– Веди нас к Исе. У нас для него есть новость, которую он должен узнать немедленно. В противном случае он выпотрошит тебя, как барана. Понял, да?

Вряд ли джигит что-то понял, но звучащие в унисон голоса подействовали на него гипнотически, и он, повернувшись, побрел в сторону одного из строений. На полпути наперерез нам вышел еще один джигит. Пнув пробегающего мимо оборванца, парень широко заулыбался, будто мы являлись его лучшими друзьями, которых он невероятно как рад видеть. Раскинув руки, новый встречный попытался было обнять оболочку Алика.

– Пшел вон, урод! – коротко пресекла эту попытку управляемая мной оболочка, и в окрестных горах стало еще на одного офигевшего джигита больше.

– Э-э... – только и смог он вымолвить нам вслед, оставшись стоять с вытаращенными глазами.

Дверной проем в строение, куда вел Заурбек, загородил дюжий детина, сверкающий гладко выбритым черепом. Строгий взгляд из-под густых бровей вопросительно уставился на нас. Можно было сотворить что-нибудь эдакое и с ним, но мне уже не терпелось увидеть наконец этого Ису, а

заодно и то, как он общается с Аллахом. Поэтому я решил продолжить эксперимент и потянулся к оболочкам лысого и Заурбека. Взять их под контроль получилось, но при этом я выпустил оболочку Серго. Однако, тут же вернул ее, потеряв контроль над оболочкой лысого. Пожанглировав таким образом пару минут, я все же приспособился управлять сразу всеми четверьмя. Но для этого с непривычки приходилось держать себя в напряжении. Так и вошел в помещение.

Внутри большая комната, застеленная коврами. На каменных стенах так же висят ковры. Из-за одного из ковров доносилось неясное бормотание. Откинув его, увидел, что метровый коридор оканчивался опять же занавесом из ковра. За ним снова коридор и снова ковер, из-за которого уже более ясно слышались голоса. Голоса явно женские. Откинув последний ковер, я ввалился всеми четверьмя телами в освещенную десятком свечей комнату. В центре стояла большая кровать, на которой среди трех обнаженных блондинок лежал волосатый мужичок. Лица его не было видно, потому что он, запрокинув голову, вливал в раскрытый рот шампанское прямо из бутылки.

М-да... Если это Иса, то, похоже, Аллах является к нему для общения в образе трех обнаженных красавиц. Интересно, он ко всем так приходит? А то, ради такого общения, можно и ислам принять. Хотя, нет, не смогу я общаться с женской оболочкой, зная, что ею владеет изначально мужская сущность.

Кстати, а ведь Аллах, как и другие его божественные собратья, наверняка является некогда воплощенной фантазией одного из создателей.

Впрочем, вернемся к нашему Исе, который выбрал хоть и не оригинальный, но вполне нескучный способ общения с Всевышним.

На всякий случай возвратил оболочки Серго и Заурбека владельцам. Пусть полюбуются на своего босса.

Иса тем временем, утолив жажду, откинул пустую бутылку в угол и уставился на нас. Блаженное выражение на его лице плавно перетекло в крайне изумленное. Честно говоря, внешне он никак не тянул на крутого мафиози. Среднего роста мужичок сейчас больше походил на мокрую курицу, чем-то очень удивленную. Его горбатый и остроконечный нос напоминал птичий клюв. А манера смотреть по-птичьи боком, дополняло это сходство. Как позже выяснилось, левый глаз у мафиози был стеклянным, потому он постоянно и поворачивал лицо вперед правой стороной.

– Ма-альчики пришли-и, – протянула одна блондинка, радостно глядя на нас осоловелыми глазами.

Ее подружки тоже растянули личики в улыбке, но сказать что либо были не в состоянии. Судя по их заторможенным движениям, они были под приличным кайфом.

– Э-э?! – Иса наконец-то надвинул на лицо маску негодования и попытался найти соответствующие слова.

– Ю. Я, – закончил я за него русский алфавит. Меня уже

начала раздражать привычка местной братвы экать по любому поводу.

– Э-э, – словно в ответ на мои мысли, произнес Серго.

Повернувшись к Заурбеку, который во все глаза созерцал картину общения Исы с Аллахом, я предупредил:

– Экнешь – убью.

– А? – он попытался сообразить, о чем это я ему говорю, но потрясение увиденным было столь велико, что джигит тут же забыл о моей реплике и снова сосредоточил внимание на хозяине помещения.

Ковер на входе резко откинулся и в комнату ворвался тот абрек, которого я только что послал куда подальше, дабы избежать радостных объятий. Его красное лицо прямо таки горело праведным негодованием.

– Э-э, Алик, ты зачем так сказал, а? Ты хочешь... Ты... Ты...

Так и не объяснив мне, что я хочу, вновь прибывший присоединился к общей немой миниатюре – «к нам приехал ре-визор».

– Пошли вон! – Иса наконец справился с потрясением и заорал на ворвавшихся подчиненных.

Джигиты, втянув головы в плечи, поспешно направились на выход.

– Стоять! – теперь я заорал на них голосами Алика и здорового охранника.

Джигиты остановились, переводя непонимающие взгляды

то на меня, то на своего шаловливого босса.

Я сделал попытку взять под контроль тело Исы. Однако наткнулся на довольно сильное сопротивление. Сущность этого мафиози относилась к тем, которых можно вышибить только бильярдным шаром. Но тогда я точно потеряю контроль над Аликом. Собственно ничего удивительного. Иначе он не был бы лидером.

Оставив неудачную попытку, я подошел и отвесил ему звонкую оплеуху открытой ладонью по потной макушке. Пока тот, задыхаясь от негодования, соображал, как реагировать на выходку подопечного, подошел к нему телом лысого громилы и отвесил еще одну затрещину. После чего возвратил оболочку владельцу и, поочередно беря под контроль остальных, продолжил экзекуцию. Напоследок приложился увесистым кулаком Заурбека, и Иса кубарем слетел с ложа.

Блондинки наблюдали за происходящим без особых эмоций.

– Упал, – равнодушным голосом сообщила о финале одна из них, та, через которую он перевалился, покидая кровать. После чего сползла следом и начала гладить мафиози по голове, словно собаку.

Остальные присутствующие затравленно заозирались, с опаской глядя друг на друга. Ведь каждый из них не знал, что и сам принимал участие в избиении авторитета, а думал, Будто оказался случайным свидетелем бунта.

Лысый вдруг отскочил в угол и, выхватив откуда-то здо-

ровенный нож, начал тараторить на непонятном наречии, изобилуя звуками «ч» и «х», делающими его речь похожей на непрерывный треск короткого замыкания в электрической проводке. Интересно, почему он схватился за нож, если в кобуре подмышкой висит что-то огнестрельное?

Теперь все взоры оказались прикованы к жавшемуся в угол громиле.

Я сел на лавку у противоположной стены и, закинув ногу на ногу, стал с интересом ждать развития событий. Мелькнула мысль освободить и тело Алика, но, изголодавшись по физическим ощущениям, решил пока оставить его себе.

– Э-э, Рамазан, ты зачем всех шакалами назвал, а? – обращаясь к лысому, первым заговорил тот джигит, который явился последним высказать мне свое возмущение. – Разве ты сам не бил Ису? Разве не ты привел к нему этих русских шлюх?

– А ты знал, что вместо общения с аллахом, Иса общается со шлюхами? – теперь уже я спросил у заговорившего.

– Э-э, зачем так говоришь, Али? Я не знал. Я видел. Все видели. Михмет каждый день привозил их. А он, – джигит кивнул на лысого, – провожал к Исе.

– Так вы все были в курсе, чем занимается этот извращенец? – я окинул суровым взглядом ошеломленных бандитов.

– Михмет привозил святых проводников, с чьей помощью Иса постигал путь, ведущий к Всевышнему, – подал голос

Заурбек и, уставившись на одурманенных блондинок, воскликнул: – Так вот почему они скрывали свои лица под башлыками, будто монахи неверных!

Из угла снова начал трещать лысый Рамазан, вставляя на этот раз между короткими замыканиями нечто похожее на «буги-вуги».

– Э-э, заткнись, да, чурка нерусский! – раздраженно бросил ему Заурбек.

Устав ждать от абреков каких-нибудь действий, способных меня развлечь, я поднялся и направился к выходу, кивнув кавказской братве на Ису:

– Заверните эту свинью в ковер и тащите в машину, теперь я буду его проводником на пути к Аллаху.

***

Через несколько минут мы уже ехали вверх по горной дороге. За рулем раритетного УАЗика сидел Серго. Я сидел рядом, по-прежнему оставаясь в оболочке Алика. Сзади на двух лавках друг напротив друга разместились Заурбек с обиженным на меня абреком, имя которого я так и не узнал, и Рамазан. В ногах у них валялся завернутый в ковер Иса. Он так и не пришел в себя. По крайней мере признаков жизни не подавал.

– Скажи куда ехать, Алик, да? Мы едем к этому аре? – спросил Серго, крутя баранку на очередном повороте серпантина.

Действительно, куда мы едем? Зачем мне эта шайка бан-

дитов? Я вдруг понял, что словно ребенок наигрался с новыми игрушками, и они теперь стали неинтересны. М-да, вероятно не ту оболочку выбрал для вселения. Еще раз окинув взглядом пассажиров, я оставил приютившую меня оболочку и переместился в тело Серго. Впервые очнувшийся Алик с недоумением посмотрел вокруг.

– Э-э, – обратился он к Серго.

Следующие слова застряли в открытом от ужаса рту мафиози. В его выпученных глазах отразился противоположный склон, поросший густой растительностью.

Я покинул летящую в пропасть машину и устремился ввысь. Мне было о чем подумать.

Бегство

В тот раз, сбросив машину с абреками в пропасть, я вернулся к страннику. Он ждал меня. На лице кавказца все еще сохранялось выражение озабоченности.

– Ну, ты сформировал ту мысль, которую хотел высказать мне? – подсел я к нему.

– Я собираюсь покинуть этот мир, Олег, – огорошил меня странник, вероятно не понимая, что при моем все еще человеческом мышлении подобное заявление воспринимается вполне однозначно.

– Ты же бессмертен... – последовало мое непонимающее.

– Олег, – Тофик прищурил глаза, и в устремленном в морскую даль взгляде вдруг вспыхнули искры азарта, – твой метод бильярдного шара, а я уже испытал его, открывает великолепные перспективы.

– Так в чем же дело, коллега? Я много раз слышал, что тебе надоело возиться в песочнице. Вот и вселяйся в оболочку какого-нибудь короля или президента, и веди нацию к процветанию, мировому господству, в Космос к другим планетам, и куда там еще твоя бессмертная душа пожелает.

Будь все так просто, ты бы, Олег, уже не застал меня в этом теле.

– И в чем сложность?

– В том, что проявился один из создателей этого мира. Пока бодрствует он один, и мы особо не шумим, то остаемся для него незаметны. Но если проявятся и остальные... В любом случае, нам теперь остается лишь тихо ковыряться в глухих уголках. Ибо если она заметит чужаков, то немедленно пробудит собратьев. А у создателей заложено на уровне инстинктов порвать и поглотить любую вторгшуюся извне сущность.

– Ты сказал она? Это женщина?

– Тана Ли, – кивнул Тофик Сидракович. – Я почувствовал ее тридцать лет назад во время поездки в Южную Корею. Ты тогда носился по миру в бестелесном состоянии и не желал откликаться на призывы. Мне повезло, что создатель в тот момент только-только вселился в оболочку юной кореянки и занимался ее освоением. Больше ничем я не могу объяснить тот факт, что он меня не заметил. Естественно, я сразу же покинул оболочку, которой тогда владел, и унесся как можно дальше. Поняв, что не обнаружен, вселился в этого армянина, – странник хлопнул себя по груди. – С той поры я особо пристально следил за событиями в Южной Корее, и вскоре заметил ту девочку в новостной ленте. Тана пошла своеобразным путем. Выйдя замуж за ничем непримечательного молодого корейца, она сделала ему громкое политическое имя, создала вокруг мужа партию «Единая Корея». В течение пяти лет эта партия приобрела небывалый авторитет в обеих Кореях и объединила их, в одночасье бескров-

но свергнув марионеточные правительства. Теперь Тана является Первой Леди Единой Кореи. Всюду следует за своим мужем, глупо улыбаясь и неся всякую светскую чушь в микрофоны и телекамеры назойливых журналистов.

А между тем намечается создание Азиатского союза, в центре которого будут Корея, Япония и Китай. И вряд ли кто-то кроме меня догадывается, что за всем этим движением стоит маленькая женщина. Впрочем, думаю, на следующем этапе она сменит оболочку.

Но мне уже не интересно следить за игрой местного создателя. Я хочу найти старенький мир, хозяева которого находятся в непробудной спячке, и самому порезвиться там как следует.

– Ты хочешь сбежать из нашего мира? – дошло до меня. – А я? Я тоже хочу повидать другие миры!

– Дело в том, Олег, что я не знаю, кто ты такой есть. Знаю только, что ты порождение этого мира. И не известно, получится ли у тебя его покинуть.

– А если не получится, то что?

– То рано или поздно создатели тебя обнаружат и уничтожат.

– Вот этого мне не надо, – решительно заявил я.

– Есть у меня одна мысль, – продолжил странник. – Помнишь, я рассказывал тебе, что в мирах иногда по неизвестным мне причинам рождается восьмой создатель. А так как миры по своей природе семизначны, то его появление при-

водит к дестабилизации. Но, опять же по непонятным причинам, никто из семерки не решается напасть на восьмого. Наоборот, они панически боятся его. Он же начинает азартную охоту, которая заканчивается поглощением одного из прежних. После чего создателей вновь становится семеро, и мир приходит к равновесию. Однажды, не знаю, что тогда на меня нашло, я пытался прикинуться восьмым. Однако еле унес ноги. Но у тебя, Олег, это может получиться. Ведь ты порождение этого мира. Так вот мой тебе совет, поймешь, что обнаружен – нападай без промедления. В этом будет твой единственный шанс.

– М-да, перспектива сомнительная, – я пожалел, что нахожусь в бестелесном состоянии, ибо очень захотелось почесать затылок. – Даже не представляю, как бесплотные духи могут нападать друг на друга. Но давай сперва попробуем сбежать к иным мирам вдвоем. Вдруг у меня легко получится последовать за тобой.

– Ты готов попробовать отправиться прямо сейчас? – поднял брови Тофик Азизович.

– Э-э-э, погоди, – ответил я после небольшой паузы, – хочу напоследок немного потусоваться в физической оболочке.

– Хорошо. Но не шуми и держись подальше от Кореи.

***

– Ты уверен, что готов покинуть этот мир?

– Я уверен, что готов отправиться к другим мирам. В кон-

це концов, сколько можно тянуть?

Под порывами штормового ветра мы стояли у парапета, огораживающего выступающую скальную площадку. Внизу, разбиваясь в пенной злобе о камни, бесновались морские волны. Где-то у горизонта из низких туч вырывались ветвистые молнии. Мир будто бы гневался на две непутевые сущности, собиравшиеся его покинуть.

– И все же, готов ли ты навсегда проститься со своим родным миром? – повторил вопрос странник.

– Я думал об этом, – ответил я, прикрыв глаза от хлестнувших в лицо струй дождя. – И возможно еще полвека назад подобная перспектива заставила бы меня отказаться от безумного шага. Однако за последний век мне от столького пришлось отказаться, столько потерять и со столькими родными и близкими людьми проститься... Да и потом, ты сам обрисовал мне альтернативу. Быть сожранным одним из создателей, или сожрать кого-то самому... Нет, перспектива посетить другие миры меня привлекает больше.

– Я никогда не был между мирами с кем-либо в компании, – снова заговорил странник, после продолжительной паузы.

И что?

– В физическом мире, удаляясь, мы перестаем ощущать друг друга. Сближаясь, снова встречаемся. Но там нет расстояний и направлений. Там нет вообще никаких физических величин и ощущений. Сможем ли мы там чувствовать

друг друга? Готов ли ты к тому, что мы можем потерять не только этот мир, но и друг друга?

Вот, блин, надо же было ему сообщить об этом в последний момент. Это все равно как человеку, перепрыгивающему через канаву, в то время, когда он уже отталкивается от ее края, сообщить, мол, если что, внизу вовсе не грязь, а дерьмо, сливающееся из санузла инфекционного отделения местной больницы.

– Мне будет недоставать твоего занудства, – я со злостью старался перекрыть шум бури. – Хватит тянуть! Поехали! А то я передумаю-у-у...

Бросив последний взгляд на сиротливо темнеющее слепыми окнами здание за спиной, странник вслед за мной шагнул за парашют.

В пустоте

Несмотря на то, что странник неоднократно втолковывал мне, будто в пространстве между мирами абсолютно ничего нет, я все же представлял наш исход подобно полету в космос – планета, уменьшаясь, превращается в голубой шарик, вращающийся вокруг огромного, ослепительно яркого, оранжевого солнца, которое, в свою очередь, также уменьшается и превращается в одну из миллионов звездочек, светящихся на черном фоне бескрайнего Космоса.

Однако переход был мгновенный. Только я потянулся за товарищем, оставляя летящее в морскую пучину тело, как тут же провалился в оглушающее ничто. Эффект был такой, будто находясь посреди шумного зала ресторана, вдруг резко лишаешься зрения и слуха. Пустота! Абсолютная! Ни с чем не сравнимая!

– Странник!

– Олег! Я не ощущал тебя. Думал, что уже потерял.

С невероятным облегчением я осознал присутствие странника. Остаться здесь в одиночестве не было ни малейшего желания.

– Вот видишь. А ты переживал, что мы потеряемся, – передал ему наигранно бодрое ментальное сообщение. – Ну давай, Сусанин, веди к неизведанным мирам. Оставим, так ска-

зять, на их пыльных тропинках следы нашей жизнедеятельности. Как, кстати, тут двигаться?

Я с удивлением обнаружил, что не понимаю, каким образом перемещаться в этой пустоте. А как я перемещался в своем мире? Да просто хотел двигаться и двигался. Так почему же здесь ничего не получается?

– Стоять! – странник буквально оглушил меня.

– Ты чего орешь как потерпевший?

– Не удаляйся от меня. Постоянно проверяй мое присутствие. Сейчас мы друг для друга являемся единственными ориентирами, определяющими как расстояние, так и время. Если выпустим друг друга из виду, скорее всего больше не найдем.

– Ясно. Держись тогда поближе. Только не поглоти меня невзначай. И все же, как тут двигаться? И, кстати, как я двигался в нашем мире, когда находился вне физической оболочки? Почему здесь у меня ничего не получается?

– Все очень просто, Олег. Сейчас попытаюсь тебе объяснить. Сущность, находящаяся вне физического тела, но в физическом мире, определяет движение по какому либо ощущаемому ею физическому ориентиру. Например, при визуальном контакте. Ты видишь, скажем, дерево и, изменяя расстояние, приближаешься к нему либо удаляешься. Здесь же нет никаких ориентиров, и потому ты, не обладая нужным опытом, выпав из материального мира, забарахтался как ребенок. Затем, ощутив меня, произвольно оттолкнулся и

едва не унесся по инерции неизвестно куда.

– Так как же двигаться, если нет ориентиров?

– Элементарно. Создаешь точку и удаляешься от нее.

– Мысленно?

– Ты сам есть подобие мысли, – после некоторой паузы ответил странник. – А значит все, что ты делаешь, делается мысленно.

– Как-то трудно мне все это осознать.

– Боюсь, теперь у тебя будет достаточно времени для осознания.

– Может, создадим эти самые точки и двинем уже? Разговаривать можно и по дороге.

– А мы давно уже двигаемся, Олег.

– Как это?

– Ну, ты-то относительно меня неподвижен. Но я относительно созданной мною точки давно уже нахожусь в пути. А значит, и ты движешься со мной.

– Хорошо, что в подобном состоянии у меня нет материального мозга. Иначе он закипел бы от твоих объяснений, коллега.

Жутковато все же находиться в этом междумирье. Меня-то хоть как-то ободряло присутствие странника, а каково находиться здесь в одиночестве? М-да.

– А мы можем здесь наткнуться на странствующего коллегу? – спросил я лишь бы нарушить тянущуюся невесть сколько тишину.

– Теоретически, наверное, можем. Но я ни разу никого не встречал.

– Жаль, – мое сожаление было искренним. – Втроем было бы веселее.

Интересно, сколько времени мы находимся в этой нереальной дыре? В памяти всплыли рассуждения странника об относительности ощущения времени.

Периодически, чтобы развеять гнетущие мысли, я заговаривал с товарищем обо всем, что приходило в голову. В голову? А головы-то и нет. Куда же тогда приходят мысли?

Казалось, будто мы висим в пустоте уже целую вечность. Может, странник заснул и прекратил движение?

– Ау, коллега!

– Чего орешь?

– Ты не уснул? Мы не остановились?

– Нет. Движемся, – односложно ответил спутник. Вероятно, пустота на него тоже действовала угнетающе.

М-да, не приведи Господь застрять в .той жутчайшей пустоте навечно.

От такой мысли создалось нереальное ощущение пробежавших по спине холодных мурашек. Я будто бы даже передернул плечами. Экая иллюзия физических ощущений.

Смертельный зародыш

Погрузившись в размышления, не сразу заметил появившееся новое ощущение. Теперь кроме странника, я чувствовал что-то еще. Это что-то было пока еще очень далекое и неясное. Казалось, будто оно проплывало мимо нас, ибо постепенно удалялось.

– Что это такое? – немедленно последовал мой вопрос спутнику. – Ты разве не чувствуешь?

– Что? – не понял странник.

– Я что-то ощущаю. Но оно от нас удаляется.

– Странно. Почему же я ничего не заметил? – удивился он. – Попробуй приблизиться к этому.

Я потянулся к удаляющейся цели и она начала вновь приближаться.

– Это мир, – наконец известил странник.

Мир? Ура! – обрадовавшись, я сделал стремительный рывок к долгожданному объекту наших поисков.

– Остановись! – донесся вслед панический посыл странника: – Этот мир только создается!

– И что? – только и успел я спросить, прежде чем ворваться в нечто, напоминающее вихрь, объединивший в себе семь подобных нам сущностей. Слившись в единое целое, они, тем не менее, не стали чем-то единым, а лишь гармонично

дополняли друг друга.

Создатели кружились в невероятном танце, излучая некую энергию, направленную в зарождающееся в центре их хоровода нечто материальное.

Успев ощутить все это за долю мгновения, в следующий миг я плюхнулся в центр ментального хоровода, неуклюже расплескав зарождающееся творение.

Окунувшись в эту так называемую первичную материю, испытал невероятное блаженство, сравнимое наверное с тем, которое испытывает припавший к источнику путник, долгое время находившийся без воды в жаркой пустыне.

Отдавшись невероятным чувствам и забыв обо всем на свете, какое-то время впитывал благодатную энергию. Однако некое некомфортное ощущение заставило обратить внимание на окружающий мир. Только теперь я осознал отсутствие странника. Где же он? Остался вне? Вспомнив его последний крик и окончательно очнувшись, я начал оценивать обстановку.

Вихрь вокруг меня по инерции продолжал кружиться, но исходящая из него энергия стремительно убывала и, вместе с тем, трансформировалась из созидательной в (как бы это объяснить?) нейтральную, что ли.

Я буквально физически ощутил на себе внимание семерых Создателей. И их эмоции. Удивление, изумление и непонимание, постепенно переходили в яростное негодование.

– Восьмой? Это Восьмой!

– Но почему? Почему так рано?

– Мы только вначале создания! Разве может сейчас прийти восьмой?

– Мы что-то сделали не так? Что теперь будет?

– Это не восьмой! Это чужак! Мы должны его уничтожить!

– Мы должны его поглотить!

– Э! Э! Ребята! Вы не за того меня приняли! Я просто проходил мимо и решил... Твою мать! Да что ж вы делаете, волки!

Мою волю, мой разум будто облачили в стальную оболочку, которая начала медленно, но неумолимо уменьшаться, сдавливая все сильнее и сильнее. Снова попытался обратиться к напавшим, но похоже мои послы оставались заперты вместе со мной и до них не доходили. Так же и я перестал слышать их. Мне вынесли приговор, не подлежащий обжалованию. Только что пополнившая меня энергия, потекла в обратном направлении семью тоненькими ручейками. Я инстинктивно постарался сдержать натиск и не дать этим злобным сущностям поглотить себя. Ведь я такой же, как они! Я еще ничего не успел, ничего не увидел! Я же хочу прожить вечность! Хотя бы одну!

Ценой невероятного напряжения удалось-таки истончить ручейки покидающей меня энергии. Однако силы продолжали убывать. Было понятно, что пройдет совсем немного времени, и мое сопротивление будет сломлено, а сущность по-

глощена. А силы все иссякали. Я больше не мог сопротивляться. Энергия начала покидать меня стремительными потоками. Если бы я не впитал ее с избытком, так неосторожно ворвавшись в зарождающийся мир, то, вероятно, давно уже был бы поглощен без остатка. Но и теперь существовать мне оставалось не долго.

Уже находясь на грани небытия, я вдруг начал ощущать себя неким подобием плода, с заключенным внутри семенем. И что-то подсказало – в этом семени спасение! Пришло понимание, что это семя есть моя человеческая сущность. А та сочная мякоть энергии, которая обволакивала его ранее и сейчас активно пожиралась семью злобными сущностями, была получена мной от симбиоза со странником. Благодаря ей я и стал подобен ему.

Еще не осознав до конца, что нашел путь к спасению, я начал действовать на уровне инстинктов – раскрыл семя и, как бы выворачивая себя наизнанку, накрыл им иссохшийся морщинистый плод.

Давление извне сразу же прекратилось, отток энергии остановился.

Чертовски неприятно чувствовать себя сморщенной высушенной вишенкой. Но чертовски приятно осознавать себя живым!

Создатели остановились в недоумении, соображая, куда я делся. До меня вновь стало доноситься их общение. Они были уверены, что не проглотили меня целиком, и даже как-

то слабо ощущали мое присутствие, но не могли пробиться.

Решив не испытывать судьбу, я поспешил удалиться. Однако решить не значит сделать. Попытка сбежать ни к чему не привела. Этот недомир еще настолько ничтожно мал, что удалиться в нем попросту некуда.

Но почему бы не убраться из этого мира совсем? Как мы покинули свой? Я просто держался рядом со странником, и он выкинул нас обоих в ту жуткую пустоту. Как же не догадался поинтересоваться способом такого перемещения? Вот влип. Это что ж мне теперь вечно прятаться от этих упырей? Вне миров конечно жутко, но там хоть никто не пытался меня сожрать. Я почувствовал себя аквалангистом, сидящим в клетке, вокруг которой рыщут голодные акулы. Нюхом они меня чувят, но зубами дотянуться не могут. Клетка пока прочная, но у акул в запасе вечность, и они могут дождаться неосторожно высунутой руки, а то и того момента, когда коррозия источит металлические прутья.

Ладно, нечего нагонять на себя жути. Лучше буду мыслить мысль о способе бегства. Странник объяснял принцип передвижения нематериальной сущности – это нечто ассоциативно напоминающее оптическое приближение и удаление объекта с помощью объектива видеокамеры. Единственно, вне миров этот объект необходимо создавать мысленно. Теперь оставалось понять, как перемещаться из мира во вне и наоборот? Хотя, как наоборот я уже знаю – видишь мир и несешься в него, аки мышшь в мышеловку.

Но как совершить прыжок в пустоту, если пустоты не видно? Мысленно ее представить? Или... Стоп! Кажется мелькнула какая-то разумная мыслишка. Куда же она спряталась, чертовка? Двигаться можно не только к чему-то, но и отталкиваясь от чего-то...

Я пытался скрыться от Создателей в созданном ими мире. Так и надо выбрать объектом, от которого стоит удаляться, не Создателей, а весь их мир...

Охватив ощущениями чуть не убивший меня зародыш, я сделал рывок прочь.

И снова вокруг простиралось спасительное, ненавистное, абсолютное ничто.

Но теперь рядом отсутствовал странник. Понимание потери друга и обреченности на одиночество перевесило радость спасения и обрушило на меня угнетающую тоску. Парализованный ощущением безнадеги, я неопределенное время находился без движения. Наконец, осознав, что печаль довольно нудное и непродуктивное занятие, создал воображаемую точку и начал стремительно от нее удаляться. Иногда, для большей уверенности в собственном движении, создавал новые точки и отталкивался уже от них. Периодически, для разнообразия, двигался не от воображаемых точек, а к ним, воображая их впереди.

Будучи вдвоем со странником, можно было отвлекаться на разговоры. Теперь же я чувствовал себя глухослепым идиотом, который, благодаря съехавшей крыше, вообразил себе

невесь какой бред.

Но что это?

Или я невероятно везучий, или время в моих ощущениях летит довольно быстро. А может, я просто быстро передвигался и успел за короткий срок покрыть значительное расстояние, если такое понятие, как расстояние, существует в пространстве между миров. В любом случае, вспоминая рассказы странника, я был настроен скитаться невероятно долго, прежде чем мне мог повстречаться новый мир. Потому ощущение приближения этого мира оказалось несколько неожиданным.

На этот раз, наученный горьким опытом, я приближался не спеша, попутно соображая, как прошлый раз странник определил, что тот мир только создавался? Вскоре понял это и сам.

По мере приближения, ощущениями охватывалось все большее нечто. Наконец, оно стало настолько всеобъемлющим, что буквально подавляло своей необъятностью. Вероятно, подобные чувства мог бы испытывать космонавт, находящийся в открытом Космосе и взирающий на огромную планету, заслонившую от него большую часть пространства. Разница лишь в том, что здесь отсутствовало визуальное восприятие. Я по прежнему находился в крошечном междумирье. Однако настолько сильно ощущал это огромное нечто, что казалось, будто оно находится за тончайшей непроницаемо-черной пленкой. Пришло понимание, что пе-

редо мной самый настоящий, полноценный, давно сформированный Мир. Осталось сделать один шаг, и я смогу оказаться там, куда изначально стремился. Ощутил себя опрометчиво забравшимся на десятиметровую вышку посетителем бассейна, который и плавать-то толком не умеет.

Стик

Стик сидел на поваленном дереве, подперев двумя руками голову и держа в другой паре рук два огромных топора. Сегодня утром Хаам, осмотрев его сына, сказал, что тот вряд ли доживет до заката, и Стику необходимо поспешить вырубить похоронную капсулу.

Как же они с Натой радовались рождению долгожданного ребенка. В нем был весь смысл их жизни. Да и зачем еще жить стору, как не для продолжения рода? Стик и так слишком много времени провел на порубежных заставах. Когда вернулся в родной поселок, некоторые ровесники уже нянчили внуков. И не познать бы воину радости отцовства, не наткнись он однажды в лесу на логово стахов.

В тот день охота была неудачной. За весь день лишь раз поднял дротик, услышав шум в кустах, но змея так и не увидела.

Посетовав на свою невезучесть, Стик уже повернул домой, когда краем глаза заметил неестественно блестящую траву за стволами деревьев. Почувствовав неладное, охотник подошел ближе и убедился, что трава была обильно смазана слизью. Значит где-то совсем рядом находится логово стахов. Стор невольно передернул плечами и, опасливо оглядываясь вокруг, достал из-за спины еще один дротик и вы-

нул из-за пояса оба метательных топорика. Лесные стахи конечно не чета пустынным. Но зато они жили не парами, а каждая самка держала при себе от трех и, если взрослая, до десятка самцов. Встретить такую ораву восьминогих тварей, не имея серьезного оружия, вовсе не хотелось. Нужно спешить в поселок, предупредить жителей о появившейся напасти. А утром, вооружившись боевыми топорами, вместе с остальными сторами вернуться сюда и убить тварей.

Неплохо бы точнее разведать, где стахи выкопали свою нору, но если ступить на слизь, то потом восьминогие пройдут по его следу к селению и ночью запросто вломятся к кому-нибудь в дом.

Очень осторожно, внимательно глядя под ноги и стараясь не наступать на сухие ветки, охотник начал удаляться от обнаруженного логова. Не пройдя и десяти шагов, услышал топот многочисленных ног. Отпрянув за ближайшее дерево, он внимательно всматривался в то направление, откуда слышался топот.

Из зарослей, невероятно быстро перебирая многочисленными конечностями, выбежала самка стаха. Она оказалась совсем молодой. Ее тело не превышало размерами тело взрослого стора. Корона немигающих глаз обозревала окрестности. Хобот развернулся, и из него вырвался трубный звук. Протрубив, самка скрылась в кустах, и теперь Стик видел лишь поднятый кверху конец хвоста, увенчанный смертоносным шипом.

Охотник перевел дыхание и поблагодарил Создателей за то, что ветерок дул в его сторону. Иначе зверюга наверняка учуяла бы запах.

С той стороны, откуда выбежала самка стаха, снова приближался топот. Вот на поляну выбежал тоже некрупный, размером с молодую самку, самец и, не останавливаясь, проследовал за своей подругой. Тут же появился другой самец, еще более мелкий. Судя по всему, в этой семье лесных монстров одни только первогодки. Значи с сторам будет легко с ними справиться или, в крайнем случае прогнать из окрестного леса. В хоботе последний стах нес упакованную в кокон крупную добычу. Вот передняя лапа чудовища провалилась в нору снарка и застряла в ней. Не успев остановиться, монстр завалился на правый бок, выронив кокон.

Еще как только появился последний стах, охотник понял по форме кокона, что тот несет замотанного в паутину стора. Нити были намотаны неплотно, вероятно в спешке, и кое-где проглядывало бирюзовое платье. Когда же кокон выпал и откатился ближе, Стик увидел женское лицо. Невероятно красивая сторанка смотрела в небо большими карими глазами. Расширенные зрачки говорили о том, что она получила изрядную дозу парализующего яда.

Освободив лапу, стах потянулся к жертве хоботом, наклонив голову и повернув к охотнику бледно-розовое пятно в центре короны.

Не осознавая, что делает, стор взмахнул верхней парой

рук, и в центр короны полетели два охотничьих топорика. Мгновенно среагировавший монстр попытался защититься хоботом, вскинув его над головой и подставив его нижнюю не защищенную хитиновой чешуей сторону. Один топорик с чавкающим звуком вонзился в хобот, и из-под него брызнула желто-зеленая жижа. Второй, с криком, врубился в сочленение одной из ног, что заставило тварь слегка наклониться на бок, вновь подставив центр короны. Новый взмах рук стора, и два дротика пробили нежную мембрану, не успевшую затянута жестким хитином после недавней линьки.

Однако уже с торчащими из головы дротиками монстр снова поднялся, и из отверстия под хоботом в сторону охотника выстрелила серая нить, увенчанная липким сгустком. Стик не успел скрыться за деревом, и был сбит сильным ударом в бок. Тут же его дернуло и поволокло к стаху. Но в этот миг корона глаз монстра погасла. Нить, тянущая стора, ослабла. Сам стах остался стоять, переступая на месте всеми восемью ногами и безвольно опустив на траву хобот, с воткнутым в него топориком. Хвост же продолжал торчать вверх, поблескивая крупинками яда на жале.

Стик вскочил на ноги и, поспешно сняв ремень и заплечный чехол с дротиками, сбросил куртку. Он знал, что паутину стаха ножом не взять, а рубить топором не было времени. Да и оба топорика торчали в теле твари. Можно было попробовать выдернуть тот, что торчал в хоботе, благодаря которому монстр не протрубил зов о помощи своим родичам.

Однако зверь хоть и считался убитым, но все же оставался на ногах, и неизвестно, как среагирует на прикосновение к хоботу смертоносный хвост.

Решив не трогать топорик, стор вынул из чехла оставшуюся пару дротиков и, подхватив легкое тело женщины, бросился прочь. Он понимал, что стахи, обнаружив убитого члена семьи, непременно отправятся по следу. А если они придут ночью в поселок, то в темноте смогут натворить немало бед. Поэтому охотник двинулся не домой, а к лесному озеру.

В прибрежных зарослях у Стика был привязан небольшой плот. На нем переплыл водоем, оборвав тем самым след, по которому пойдут восьминогие твари, и уже в сумерках отправился вдоль впадавшего в озеро ручья к поселку.

С наступлением ночи змеи, на которых охотились сторы, сами превращались в охотников и могли напасть из темноты. Из-за подобной перспективы Стик даже хотел провести ночь на плоту, посреди озера. Но, во-первых – девушку необходимо как можно быстрее доставить к целителю. Во-вторых – озеро небольшое и просматривается все. Стахи до утра обязательно появятся и увидят его. В воду они, конечно, не полезут, но и высадиться на берег возможности не будет.

В густом лесу темнота наступает быстро, но пока было хоть что-то видно, охотник бежал изо всех сил. Отбросив церемонии, он перебрросил ношу через плечо – вряд ли в том состоянии, в котором девушка находилась, это могло доставить ей хоть какой-то дискомфорт. Зато так передвигаться

стало гораздо удобнее. Оба оставшихся дротика держал наготове, хоть и понимал, что для схватки со змеем они мало пригодны. Однако о застрявших в теле монстра топориках оставалось только сожалеть.

Похоже, компенсируя неудачную охоту, Создатели решили далее помогать Стику, и он благополучно добрался до селения, преодолевая последние метры лесной тропы уже в крошечной темноте.

Вместе с явившимся в дом Хаамом они аккуратно распутали стягивающие тело девушки нити. После чего целитель принялся за свое дело, а Стика отправил к собравшимся возле крыльца сторам, желающим узнать подробности о появившихся близ селения тварях.

На следующий день, как и предполагал Стик, стахов застали на берегу озера. Было их всего двое – самка и оставшийся самец. Сразу истыкали их дротиками так, что те стали похожи на гигантских боолов. Спасаясь от многочисленного противника, монстры унеслись в направлении логова.

Вчерашний, пораженный охотником стах продолжал переминаться с ноги на ногу на том же самом месте. Осторожно подойдя сзади, Стик сильным ударом срубил все еще торчащий кверху хвост и сразу отскочил в сторону. Рухнув на траву, хвост принялся конвульсивно скручиваться и снова выпрямляться, словно пытаясь поразить кого-нибудь наудачу ядовитым шипом. Обойдя тварь, стор отрубил и часть хобота, в которой торчал топорик, и, выдернув его, направился

к кричащим односельчанам, обнаружившим нору.

Каждый из охотников собрал и забросил в отвесно опускающийся лаз охапку сухих веток. После чего поселковый старшина откупорил бочонок с жидким пламенем и вылил туда же тягучую янтарную жидкость. Сторы отошли подальше от норы, и старшина швырнул в нее зажженный факел. Взметнувшееся из-под земли пламя сопровождалось гулким ревом. Охотники подняли топоры и дротики, словно ожидая, что стахи прорвутся сквозь огонь и вылезут наружу. Но ревших стих. Пламя опустилось вниз и потрескивало там то ли сухими ветками, то ли хитином сгорающих заживо монстров.

Часть сельчан еще несколько раз подкармливали пламя новыми порциями сушняка. Остальные принялись разделять оставшегося на поверхности стаха. У этой твари много всего ценного, начиная от выпускаемых ей прочных нитей и заканчивая особо ценным целителями ядом, выделяемым железой, находящейся внутри смертоносного шипа, которым и без всякого яда стах мог убить довольно крупное животное. Обо всех этих ценностях, погибших в норе, как и о сгоревших там же дротиках, оставалось только сожалеть. Но спускаться в логово монстров желающих еще ни разу не находилось. Обнаруженную нору обычно поджигали даже тогда, когда не было уверенности, что в ней кто-то есть. А после того, как она тщательно выгорала, засыпали грунтом и камнями. Так поступили и на этот раз.

В поселок вернулись далеко за полдень.

Подойдя к дому, Стик встретил околачивающегося возле крыльца толстого Гоата. Тот сразу же пристал к нему с предложением купить всю нить, которую сняли со спасенной. Отмахнувшись от назойливого торгаша, охотник прошел в дом.

Девушка лежала на его ложе и, казалось, мирно спала. Сидевший у ее изголовья Хаам поднялся и, поманив хозяина дома жестом, вышел в соседнюю комнату. Он поведал, что сделал все возможное, чтобы вывести яд из ее организма, и дальнейшая судьба спасенной полностью находится в руках Создателей. После чего предложил поговорить со старшиной, чтобы девушку забрали из дома Стика – дабы не обременять живущего в одиночестве охотника. Стик ответил, что если не справится с уходом за больной, то сам обратится к старшине. На прощание он вручил целителю лист кувшинного дерева, на который специально для него соскрёб пару капель яда с шипа стаха. Обрадовавшись неожиданному дару, Хаам принял его трясущимися от волнения руками и, пообещав наведаться завтра утром, поспешно удалился.

Четверо суток спасенная лежала абсолютно неподвижно. Лишь еле заметно вздымающаяся при дыхании грудь говорила о том, что девушка жива. Стик часами сидел у ложа, глядя на незнакомку. Судя по нежным чертам лица и такой же нежной коже на руках, девушка была не из простых сторов. Дорогие ткани одежды тоже говорили об этом же. Например в селении Стика женщины могли позволить себе лишь одежду из змеиной шкуры. Даже у жены старшины, рыжей Фии-

ки, было всего одно платье из ткани, которое та одевала раз в год на День Сотворения Мира. В общем, все говорило о том, что спасенная девушка принадлежит если не к знатному роду, то к довольно богатому сословию.

Как же она попала в их глухие края?

***

После того, как спасенная очнулась, она довольно быстро встала на ноги. Однако, при том что все понимала, сама говорить отказывалась. А может, и до этого случая была немой. На вопрос об имени показала Стику маленькую фигурку Создательницы Наты, висевшую на золотой нитке на груди. Кроме имени ничего больше узнать не удалось. Когда стор пытался хоть что-то выведать у Наты, взгляд той становился вдруг каким-то отрешенным, словно девушка пыталась отгородиться от чего-то очень неприятного. В такие моменты охотнику казалось, что ей гораздо больше лет, чем представлялось до этого.

Оправившись от болезни, девушка принялась помогать Стику по хозяйству. Несмотря на непривычно хрупкую для сельских жителей фигурку, она могла целый день прибираться в доме, наводить порядок во дворе, готовить еду. Было заметно, что особой сноровки в этих делах у девушки нет, но в то же время, довольное личико говорило о том, что эти хлопоты доставляли ей удовольствие. Стику теперь не было необходимости постоянно находиться дома, и он снова начал ходить на охоту.

Так прошло пять седмиц. Сельчане уже начали шушукаться за спиной охотника. Женщины хихикали, прикрыв рот всеми четырьмя ладонями и указывая друг другу глазами на проходящего мимо Стика. Старшина, судя по всему, был недоволен и давно бы уже призвал стора к порядку, если бы сам знал выход из сложившейся ситуации. А именно, если бы знал, куда определить прижившуюся у Стика немую девушку. Желающих взять ее к себе во всем селении не было. Впрочем, наверняка кто-нибудь из сторов и согласился бы принять под свой кров несчастную красотку, однако, благодаря суровому нраву сельчанок, никто из них не посмел бы об этом даже заикнуться.

Стика самого начинало тяготить сложившееся положение, и однажды, вернувшись после неудачной охоты, он объяснил ситуацию Нате и предложил проводить ее в те края, где живут ее родичи, как бы далеко они не находились.

Увидев, как после его слов девушка снова будто бы впала в ступор, стор посетовал на себя за бесцеремонное обращение с гостьей и вышел на крыльцо. Он долго сидел там, прислонившись к стене дома и глядя на усыпанное звездами небо, безрезультатно пытаясь придумать выход из сложившейся ситуации. Постепенно на него начала наваливаться дрема, и он уснул, убаюкиваемый кваканьем мохнатых ночных чиков.

Проснулся Стик от того, что кто-то требовательно тряс его за плечо. Перед ним стояла Ната и жестом звала его в дом. В конце концов, ухватив двумя правыми ладошками за

указательные пальцы правых же рук стора, девушка буквально втащила его в комнату, где после появления гостя спал хозяин. Затем скинула с себя всю одежду и забралась в его постель, прикрывшись змеиной шкурой и выжидательно глядя на него. Ошарашенный охотник еще какое-то время неподвижным изваянием стоял посреди комнаты...

На следующий день Стик вышел из дома, когда светило уже проделало почти половину пути по небесному своду. Окликнув играющих у околицы детишек, попросил их разыскать и пригласить в его дом целителя Хаама и поселкового старшину Дооба.

Когда явились приглашенные, хозяин дома и гостя встали перед ними и попросили засвидетельствовать их союз перед Создателями. Говорил, естественно, только Стик. Ната лишь утвердительно кивала, крепко держась за его предплечье, будто боясь, что у нее могут забрать любимого.

***

Теперь Ната жила в доме охотника на правах хозяйки, и все ненужные пересуды, к радости старшины, смолкли. Однако через год сельчанки вновь зашушукались, обсуждая то бесплодность немой девушки, то мужскую неполноценность Стика. Охотника и самого тяготило отсутствие в доме детей. Когда в его жизни появилась женщина, в нем вновь возродились угасшие было мечты о полноценной семье с маленькими детишками, из которых он воспитает достойных продолжателей рода. Но прошел год, а Ната так и не понесла.

Пересилив стеснение, охотник даже обратился к Хааму. Тот, обследовав обоих, только пожал плечами, сославшись на волю Создателей.

Прошел еще один год, заставивший окончательно угаснуть надежду. Несмотря на это, Стик продолжал испытывать к Нате самые глубокие и нежные чувства, и девушка отвечала ему тем же.

И, наконец, благодать Создателей снизошла на них.

Удача в тот день сопутствовала стору с самого утра. Со всем недалеко от селения ему удалось убить довольно крупного змея. Разделав и сдав мясо и шкуру в лавку толстого Гота, Стик раньше обычного вернулся домой. Там его встретила необычайно веселая супруга. Лицо ее буквально лучилось светлой радостью.

Подойдя к мужу, она прижалась к нему спиной, взяла его ладони и прислонила к своему животу. После чего подняла кверху счастливое личико, вопросительно глядя ему в глаза, мол, все ли он понял?

Радости стора не было предела. Она буквально разрывала его. Казалось, бешено бьющееся сердце вот-вот выскочит из груди и, воспарив над миром, превратится в самую яркую звезду на небосводе, делящую радость счастливого Стика со всеми, взглянувшими на нее.

Когда, спустя еще год, Ната родила сына, счастливый отец отправился на Священный Остров и привез семя зуха. На

кожуре семени было написано имя «Леег».

Прошло пятнадцать лет, и из посаженного семени вырос огромный плод. Пока внутренняя мякоть плода не затвердела, молодому стору предстояло вырубить в нем собственный дом и отвезти извлеченное изнутри семя обратно на Священный Остров.

Стик хорошо обучил сына владеть топорами, как и любым другим оружием. В селении никто из сверстников Леega не мог так ловко метать топоры и дротики сразу из четырех рук, отправляя каждый снаряд в центр отдельной мишени. Да и среди взрослых таким искусством владел только Стик, некогда оттачивавший его в многолетних военных походах.

Теперь, обняв любимую супругу, отец с гордостью наблюдал как ловко, в четыре руки, отпрыск вырубает дверной проем своего будущего жилища.

Ровно через седмицу весь поселок собрался посмотреть на небывалое чудо – Леег достал из центра своего зуха сразу два семени. Никто ранее даже не слышал о таком. Старый Вуул поведал, что очень давно был случай, когда из одного семени выросли два сросшихся плода. Но чтобы в одном зухе находили два семени, такого не помнил даже он.

Рыжая Фиика вдруг предположила, что это какой-то нехороший знак. Старшина тут же велел ей замолчать, обозвав глупой самкой чика.

Хаам, пресекая пересуды и беспочвенные предположения, заявил, что жрецы Священного Острова наверняка объ-

яснят этот феномен. Однако он уверен, что никакой беды рождение двух семян предрекать не может. Скорее наоборот. Вот если бы в плоде не оказалось ни одного семени...

***

Светило уже наполовину скрылось под кронами деревьев. Они сидели на крыльце, обнявшись и глядя на возвышающийся невдалеке дом уже взрослого сына, мечтали о том, что пройдет совсем немного времени и в этом доме зазвучат звонкие детские голоса. Стик говорил Нате, как он будет баловать внучат, приносить им из леса сладкие плоды, как сделает им деревянные топорики, чтобы те привыкали чувствовать себя воинами. Ната время от времени прикрывала его рот ладошкой и жестами выражала предположение, что у них могут появиться не внуки, а внучки, и тогда она научит их, как правильно держать в узде грубых мужчин, вроде ее любимого Стика.

В это время на опушку окружающего поселок леса вышли несколько человек. Двое из них несли носилки. Присмотревшись, супруги узнали в путниках ровесников Леега, отправившихся вместе с ним на Священный Остров. Но почему они вернулись так рано? И почему с ними нет их сына? И кого молодые сторы несут на носилках?

Еще мгновение назад счастливое лицо Наты исказила маска отчаяния. Она, вырвавшись из объятий мужа, бросилась навстречу приближающейся группе.

Теперь Леег лежал на том же ложе, на котором более во-

семнадцать лет назад лежала парализованная ядом стаха его мать. Над ним так же колдовал Хаам. Ната сидела рядом и, прикрыв рот ладонями, смотрела на неподвижного сына полными слез глазами.

Стик стоял на крыльце и смотрел застывшим взглядом куда-то поверх деревьев, в сторону уже скрывшегося за ними светила.

Собравшиеся возле дома охотника селяне слушали рассказ вернувшихся молодых сторов о том, как по прибытии на Остров, спрыгнувшего с лодки в воду Леега, атаковал маленький водяной стах. Эти мелкие твари обычно не нападают на людей, но, вероятно, спрыгнувший в воду юноша придавил одну из конечностей сидевшего там стаха, и тот ударил стора в бедро своим шипастым хвостом. Выдернув шип из ноги, Леег за хвост извлек тварь из-под воды и, размахнувшись, разможил ее о высокий борт лодки.

Однако яд уже начал действовать, и у юноши хватило сил только дойти до берега.

Узнав о печальной участи юноши, привезшего два семени из одного плода, жрецы объявили, что этот молодой стор выбран Создателями, и никто не вправе вмешиваться в их промысел. Почитавшие Создателей, но привыкшие не ждать от них благодати, а во всем полагаться только на себя и верных товарищей, друзья Леега меж собой посетовали на жрецов за то, что те даже не сделали попытки излечить их друга. Посоветавшись, они решили отправиться домой сразу после

того, как жрецы примут привезенные ими семена, а не остаться, как было принято, на седмицу празднования совершеннолетия. Благодаря этому решению Леег был еще жив, когда его доставили в родное селение.

***

И вот теперь Хаам сказал, что его сын умирает, и ничто, кроме воли Создателей, не сможет ему помочь.

Стик поднялся и принялся вырубать в поваленном стволе ложе, в котором его сын отправится в свой последний путь.

Эх, если бы только он мог отправиться туда вместо Леега. Он бы высказал Создателям все, что накопело на душе. И пусть бы после этого его обрели на вечное небытие. Лучше небытие, чем та боль, которая заполняет душу – боль за умирающего сына, боль за в одночасье постаревшую Нату.

Леер

Возможно Создатели, да и Странники тоже – потомки некой цивилизации, не справившейся с собственным величием и буквально утонувшей в нем. Потому-то и миры, созданные ими, похожи. По крайней мере, мир, в который я попал, принципиально не отличался от моего родного.

Возникший передо мной мир – планета, размерами примерно равная Земле. Вот только вода здесь в явном дефиците. Два океана, равные по площади Северному Ледовитому, находились на полюсах. В отличие от земного аналога, они были совершенно свободны ото льдов. Судя по всему, климат здесь гораздо теплее.

Океаны обрамляла широкая зеленая полоса. Опять же, если сравнивать с Землей, то зеленая полоса граничила со сплошным кольцом гор примерно в том районе, где у нас начинаются субтропики. За горной грядой находилась пустыня. Пустыня опоясывала этот мир сплошным серым поясом.

Я опустился ниже, чтобы лучше рассмотреть этот удивительно симметричный мир. Вопреки моим ожиданиям при приближении в пустыне не обнаружилось ни одного зеленого оазиса. Интересно, какая температура на экваторе, если ни на полюсах, ни на вершинах довольно высоких гор не было даже признаков льда или снега?

Я опустился ниже, и теперь все обозримое пространство занимал угнетающе безжизненный серый песок. Начала ощущаться непонятная слабость. Прислушавшись к себе, понял, что встреча с создателями предыдущего мира не прошла даром. Та часть меня, что досталась от симбиоза с паразитом, истощена почти до предела. Вот не догадался же я заново хапнуть халявной энергии, прежде чем сбежать от вампиров. Ну, да не до того было. Радовался и тому, что вообще жив остался. Бр-р-р, страху-то натерпелся.

Однако в душу закрались подозрения, что человеческая составляющая моей сущности существует вне тела лишь благодаря той части, которой вольно или невольно поделился странник. Как только она истощится окончательно – мне конец. А эти серые пески все высасывали и высасывали из меня энергию подобно тем создателям, что хотели меня поглотить.

Спасение могло быть во вселении в физическую оболочку. В любую. Как можно быстрее!

Поняв, что в этом пекле никого не найти, я двинулся к северу. К северу, вероятно потому, что произвольно провел аналогию с родным миром, двигаясь, вроде бы как, к родным краям.

Меж тем ослаб уже настолько, что не осталось сил подняться ввысь. Я кое-как перемещался словно в междумирье – цеплялся за линию горизонта и подтягивался к ней.

Когда передо мной возникли горы, мир воспринимал-

ся уже будто сквозь мутную завесу. Краем сознания отметил какие-то паукообразные силуэты, снующие по пустыне вблизи горной гряды. Мелькнула мысль о том, что это могут быть представители местной разумной жизни. Однако от попытки вселиться в одного из них я сразу отказался – слишком уж чужда мне подобная оболочка.

Подтянувшись к ближайшей вершине, увидел впереди еще более высокие горы. Но из-за них повеяло чем-то положительным, сравнимым в физических ощущениях с приятной прохладой. Собрав последние силы, я заставил горы провалиться вниз, тем самым вознося себя над ними. Впереди появилась серо-зеленая степь. Еще севернее – небольшие пятна лесов. И наконец, сплошная масса то ли тайги, то ли джунглей. Заметил несколько пятен, иссеченных правильными линиями – так выглядят города с большой высоты. Кто же их заселяет? Неужели те паукообразные твари?

Я продолжал подниматься, пока хватало сил. Лишь узрев голубую полосу воды на заметно округлившемся горизонте и ощутив исходящую оттуда свежесть, зацепился за нее и устремился вниз, стараясь подтянуться как можно ближе к северному океану. Меня тянуло пришедшее неведь откуда осознание, что в том направлении находится нечто, способное восполнить мои силы.

Последние силы оставили, когда до спасительного нечто осталось совсем близко. Я просто потерял способность ощущать мир на расстоянии большем, чем может узреть обыч-

ный человек. Попытался осознать себя, как сделал это в миг отчаяния, сопротивляясь семерке вампиров, но ничего не получилось. Вероятно, все сверхчеловеческое в моей сущности окончательно закончилось. Долго ли продержится человеческое?

Появилось смутное ощущение присутствия оболочек. Я сходу попытался зацепиться за одну из них, но получил мощный отпор. Попытка вселиться в другое тело закончилась с тем же результатом. Значит, без потерянных возможностей я стал всего лишь привидением, человеческой душой, отделенной от тела. Скорее всего, такое состояние нестабильно, и я должен вот-вот окончательно раствориться в окружающем мире. С тоской подумал о приятном междумирье, не кажущемся теперь жутким. Пусть там не было абсолютно ничего, зато никто и ничто не высасывало тебя, словно сладкое желе из креманки, норовя слизнуть даже последнюю каплю.

В очередной попытке я без всякой надежды прикоснулся к еще одной оболочке и обнаружил ее совершенно пустой. Будто кто-то специально освободил ее для меня. Опешив от такого везения, завис над ней, не веря в спасение.

Вдруг, это какая-то ловушка?

Да кому я тут нужен, чтобы меня ловить?!

Поспешно нырнув в свободное тело, я с невероятным облегчением разместил в нем собственную сущность.

Мир наполнился звуками и запахами. Я ощутил, что лежу на чем-то мягком. Мои глаза оставались закрыты. В те-

ле присутствовало ощущение слабости, как после долгой болезни.

Занятая оболочка по ощущениям почти соответствовала привычным людским, однако было в ней как будто что-то лишнее.

– Ты должен спешить, Стик, – услышал я густой бас над собой. – Твоему сыну возможно еще до заката понадобится похоронная капсула.

Несмотря на ускользящий окончательный смысл сказанного, незнакомая речь была мне понятна. Хотя язык не напоминал ни один из земных. Разве что, из-за обилия звуков «жю», он отдаленно походил на французский.

Я попытался открыть глаза, но из-за невероятной слабости не смог этого сделать, а попытка лишь привела к провалу моего сознания в вязкое небытие.

Проснулся я от того, что рядом кто-то рыдал. Ощущение болезненной слабости почти прошло. На этот раз удалось легко открыть глаза.

Рядом сидела женщина и горько плакала, уткнувшись лицом в ладони. Ясно, что я являлся причиной ее расстройства. Вернее, оболочка, в которую меня занесло. А еще вернее, тот, кто так вовремя покинул брненное тело, позволив мне спастись от верной гибели.

Так это что получается – я вселился в труп? Не в гробу ли лежу? Слегка приподнял голову, оглядывая свое ложе – широкая кровать с деревянными спинками ничуть не напо-

минала гроб. К тому же подо мной было что-то мягкое, наверняка матрас или перина. Сверху меня укрывала чем-то похожим на звериную шкуру с непривычно зеленой окраской короткой шерсти.

Вспомнились слова человека, услышанные сразу после вселения в это тело. Он говорил какому-то Стику, что его сыну вскоре должна понадобится похоронная капсула. Все ясно – я вселился в пока еще не труп, но в уже конкретно претендента на захоронение. Иначе, зачем бы мне мог понадобиться гроб, именуемый здесь капсулой? Или разговор был не обо мне? Да нет, судя по тем болезненным ощущениям, которые испытывал при вселении, а так же по рыдающей у изголовья женщине, хоронить собирались именно меня. Возможно, я и занял оболочку в тот момент, когда сущность прежнего хозяина отлетела, как говорится, в мир иной.

Ну что ж, придется обломать любителей погулять на похоронах. По крайней мере, я очень постараюсь это сделать.

Тихо кашлянул, чтобы привлечь внимание плачущей женщины. Она убрала от лица ладошки, и я увидел хоть и заплаканное, но все равно приятное лицо с довольно правильными, я бы даже сказал, отдающими некой аристократичностью чертами.

Перестав плакать, женщина несколько секунд неподвижно смотрела на меня большими карими глазами. Кто она мне? Мать или сестра?

Хотелось сказать что-нибудь успокаивающее, но в голову

ничего не приходило, и я просто улыбнулся. Моя улыбка вывела ее из оцепенения. Радостно улыбнувшись в ответ, она потянулась ко мне руками...

Четырьмя руками!

Я непроизвольно отстранился от нее, сбросив с себя шкуру и пытаюсь заслониться тоже четырьмя руками...

Вот ни хрена себе попал! Что еще за племя людей-пауков? Опустив взгляд на ноги, увидел, что хоть их всего две, как у нормального человека.

А женщина смотрела с явным непониманием моего испуга. Пришлось смущенно улыбнуться.

Ко мне снова потянулись четыре руки. Одной ладонью женщина ласково погладила по щеке. Другими нежно сжала мои ладони. Мне приятны ее прикосновения.

– Леег, как ты себя чувствуешь? – прозвучал ее вопрос прямо в моей голове.

Похоже, я попал к телепатам. Но вроде бы тот мужик говорил реальным голосом. Ведь на телепатическом уровне тембр не различается, а я слышал явный бас. Или это только показалось?

Леег, надо полагать, мое имя. Мне даже показалось, что прозвучало – Олег. Ну что ж, такое созвучие даже к лучшему – не надо будет долго привыкать к новому имени.

– Мне значительно лучше, – неожиданно для самого себя я ответил вслух, с удивлением обнаружив, что прекрасно не только понимаю язык этого мира, но и могу говорить на

нем. – Только голова слегка кружится и очень хочется спать.

Последнее добавил, решив несколько отсрочить общение и притвориться спящим. Возможно, подойдет еще кто-нибудь, и из их общения с женщиной удастся узнать мой статус в этом доме. Пока ясно только, что я сын некоего Стика, который сейчас, вероятно, занят приготовлением похоронной капсулы.

– Отдыхай, сынок, – снова прозвучало в моей голове. Женщина заботливо накрыла меня шкуркой и добавила: – Тебе необходимо восстанавливать силы. А я пока позову Хаама.

Стало ясно, что это моя мать. Заодно прояснилось, что она прекрасно понимает обычную речь. Почему же тогда сама не говорит вслух? Или все же и меня она не слышит, а лишь читает мои мысли? Ладно, постепенно разберемся.

Из-под слегка приоткрытых век я видел, как женщина поднялась, и некоторое время стояла надо мной, потом бесшумно вышла из помещения.

Приподняв голову, я осмотрелся. Мое ложе находилось у глухой стены довольно просторной комнаты. Сразу бросились в глаза закругленные примерно с полуметровым радиусом углы. Причина таких закруглений мне виделась только одна – монолит, залитый в своеобразную опалубку. Кроме той двери в противоположной стене, в которую вышла женщина, слева еще одна дверь. На стене справа небольшое окошко. Вернее, просто оконный проем без рам, заделанный

то ли мутным стеклом, то ли какой-то пленкой.

С мебелью в комнате бедновато. По периметру прямо из стены выступала неширокая полка, уставленная всякой утварью, типа глиняных с виду горшков, плосек и ковшиков. Там же лежали подушки из такой же зеленой шкуры, что накрывали меня, вероятно предназначенные для того, чтобы на них сидеть.

Рядом с кроватью стояли два стула с высокими спинками и небольшой, типа журнального, столик. Вот и вся мебель. Не было никакого подобия платяных шкафов или комодов. Пол застилала все та же зеленая шкура. Она же висела в качестве ковра на глухой стене.

Слегка отстранившись от стены, рассмотрел предметы, висящее на ней. Их я сразу определил как оружие. Предназначение надетых на длинные тонкие рукоятки металлических шаров мне было не известно, но вряд ли кто-то в любом мире стал бы вешать на стену какие-либо другие предметы, кроме оружия. Да и полукруглые лезвия двух топоров явно не предназначались для рубки дров. А четыре маленьких топорика на длинных рукоятках напомнили виденные некогда в фильмах индейские томагавки.

Снова перевел взгляд на большие топоры, затем посмотрел на свои руки – неужели я способен рубить сразу двумя такими огромными топорами... Монстр, блин. Жертва радиации. Судя по рыдавшей надо мной женщине, я такой не единственный. Надо будет узнать потом – не взрывалась ли

здесь поблизости какая-нибудь АЭС?

Внимательно осмотрел новое тело. Кроме лишней пары рук все остальное вполне соответствовало земным стандартам. Даже весьма высоким стандартам, судя по атлетическому сложению.

Заметил еще одно, правыми и левыми конечностями я двигал синхронно. Сперва, одновременно двумя правыми руками откинул край шкуры, чтобы осмотреть свое тело. Затем, одновременно двумя левыми оперся о ложе, чтобы подняться. А вот женщина, я это точно помнил, двигала каждой рукой независимо друг от друга. Попробовал развести правые руки в стороны. Ощущение было такое, будто попытался расщепить одну руку. Вспомнился опыт владения одновременно двумя оболочками, и я попытался действовать по тому же принципу. Не задумываясь о том, как я буду это делать, просто оперся верхней правой о спинку стула и, поднимаясь с кровати, подхватил верхней левой подушку. Одновременно нижней парой подтянул некое подобие подштанников, обтягивающих мои ноги и бедра, словно колготки балеруна (или как там называются эти балетные плясуны?)

Ладно, скажем так, принцип действия четырьмя конечностями оказался понятен. Теперь надо было разобраться с окружающей обстановкой. Для начала хотелось бы найти что-нибудь из одежды. Не ходить же в этих стремных лосинах. Кстати, непонятно из чего они сшиты – нечто типа тончайшей, почти прозрачной светлой кожи. Однако ничего из

предметов одежды я нигде не заметил.

Лишь отойдя к противоположной стене и бросив взгляд на кровать, обратил внимание на два короба, находившиеся под ней. Подошел и, отставив стулья, выдвинул сразу оба. Каждый из коробов оказался разделен на две части. Сами они как будто вырезаны из единого куска дерева, или же отлиты из какого-то материала, очень напоминающего древесину.

Одно из отделений левого короба заполняли различные кожаные ремни, напоминавшие то ли портупею, то ли еще какую то сбрую. Отложив эти непонятные изделия, я достал из соседнего отделения нечто напоминающее женские сапоги-чулки на толстой кожаной подошве. Кожа на самом чулке с тем же зеленым мехом, повернутым внутрь. Прикинул подошву к ступне – размер явно мой. Перебрал содержимое в поисках какой-нибудь короткой обуви, но нашел только сапоги из более тонкой кожи без меха.

Из следующего короба я достал коротенькие штанишки, наподобие бриджей, пошитые все из той же шкуры с зеленым мехом. Из нее же курточка-безрукавка и длинный плащ-накидка. Что за странное зеленообразие? Ладно, с этим тоже разберемся, как говорится, по ходу пьесы.

Удивляло отсутствие одежды с рукавами. Хотелось бы посмотреть, как выглядит рубашка для четырехруких мутантов. Что-то не припоминалось, как была одета женщина, слишком уж поражен был в тот момент ее, да и своей, многорукостью. Помнил только длинное, до пят платье.

Кстати, как вести себя с ней? Ведь, судя по всему, она моя мать. И что вообще случилось с ее сыном? Вроде бы никаких смертельных ран на теле не имелось. Да и вообще никаких ран не имелось. Разве что на правом бедре чесался какой-то крупный прыщ, но не думаю, что он смертельно опасен. Короче, выход был один – банальная амнезия. Вполне логично, кстати, после болезни, чуть не окончившейся фатально.

Несколько секунд раздумывал – стоит ли одеться, или забраться обратно в кровать и, когда кто-нибудь придет, прикинуться спящим. Однако любопытство взяло верх, потому я натянул коротенькие штанишки и направился к одной из дверей. Собственно, двери как таковой не было, был лишь дверной проем, закрытый занавесом из светло-бежевой кожи, сходной по цвету со стенами и потолком.

По широкой кровати, находящейся в соседней комнате, понял, что это спальня родителей. Теперь моих родителей. Обстановка в их комнате не богаче. Разве что различного оружия на стенах гораздо больше. Да и прочих вещей, разложенных по окаймляющей комнату лавке, тоже.

Странник

После гибели Олега я неопределенно долгое время находился в прострации. Инстинктивно оттолкнувшись от агрессивного зарождающегося мира, поглотившего сущность друга, какое-то время в панике удалялся от него, пока с ужасом не ощутил обрушившееся одиночество.

Я всегда был один. Я целую вечность был один. Я избегал встреч с другими сущностями, ибо они, как правило, были врагами, стремящимися поглотить меня. Населяющими миры оболочками пользовался как игрушками, воплощая с их помощью свои фантазии.

Естественно, убегая от Создателей, покидал миры с сожалением, но никогда не сожалел о расставании, с какой-либо оболочкой.

После встречи с Олегом мои понятия о мироустройстве изменились коренным образом. Я так и не смог понять, кем был этот землянин. Иногда даже мелькала мысль, что он являлся одним из земных создателей. А я по какой-то нелепой случайности ворвался в занятую им оболочку. После чего создатель попросту играл со мной, как кошка с мышонком. Такое предположение могло бы многое объяснить, но... Ни один создатель не способен покинуть свой мир, и, тем более, так глупо погибнуть. Но теперь этого уже не узнать и надо

привыкать к мысли, что я вновь стал одиноким странником, не желанным ни в одном из миров.

Однако, познав радость общения с равным себе, я не хотел вновь обрекать себя на вечное одиночество. Потому решил найти обратный путь к земному миру, тихонечко, дабы не попасть в поле восприятия создателей, проникнуть в него и попытаться отыскать оболочку, смертная сущность которой воспримет меня так же, как воспринял Олег. Решение это было вызвано новым предположением, что необычностью своей сущности Олег обязан симбиозу со мной. Странно, что такое явное предположение не пришло на ум раньше.

До сих пор мне приходилось только убегать из миров, и ни разу не возникало мысли о возвращении. Однако думаю, что для возвращения необходимо произвести действие обратное тому, которое делается, покидая мир.

Но, отталкиваясь от мира, я ощущаю его. Соответственно, чтобы приблизиться к нему, мне необходимо так же его ощутить. Как это сделать? Попробовать вернуться к миру, где погиб Олег? Собственно, чего мне бояться? Пока я не нарушу границ создаваемого мира, создатели не смогут меня заметить. А если бы и смогли, какое им дело до неизвестной сущности, бродящей за пределами их пространства?

Как ни странно, но молодой мир мне удалось отыскать довольно быстро. Почувствовав нечто почти на грани ощущений, двинулся к нему и вскоре понял, что не ошибся.

Что дальше? Как определить направление там, где нет ни-

каких направлений, где отсутствует само понятие направления?

Я попытался уловить присутствие другого мира, но тот, рядом с которым находился, буквально заглушал все остальные ощущения. Пришлось отдалиться настолько, чтобы не потерять его, но и чтобы он был еле «слышен». Для этого пришлось двигаться по спирали. Наконец, уловил нечто знакомое. Нет, это не ощущение мира. Это, скорее всего, ощущение какого-то подобие следа. Раньше неоднократно наткнулся на подобные «следы», но всегда спешил пересечь их, не задумываясь о сути этого явления. И вот сейчас почувал что-то знакомое. Неужели это наш след, оставленный по пути сюда? Ну что ж, сейчас проверю.

Впервые я передвигался в пустоте подобным образом – не создавая точку и отталкиваясь от нее, а, словно бы, двигаясь по тропе. А от тропы веяло сущностью Олега, что укрепляло мою уверенность в том, что двигаюсь в нужном направлении.

И вот появилось ощущение мира. Я устремился к нему со всей скоростью, которую могу вообразить, не задумываясь о том, что здесь нет таких понятий, как скорость и расстояние.

Но что это? Когда обнаруженный мир заполнил собой все находящееся передо мной пространство, я понял, что это не Земля. Но ведь я явно ощущал след сущности Олега... Вероятно, это тот мир, который я не заметил, а он пропустил по незнанию и рассказал о нем только тогда, когда заметил тот другой, оказавшийся для него роковым.

Стоит ли продолжить поиски Земли, или попытаться устроиться в этом. Во всяком случае, стоит заглянуть внутрь. Хотя бы для отдыха.

Проникнув в мир, я стремглав бросился вниз, максимально ограничив способность ощущать окружающую среду. Чем больший участок смогу охватить своими чувствами, тем больше шансов у здешних Создателей обнаружить меня. Хоть этот мир не менее стар, чем Земля, но все же, может статься, хоть один из его хозяев бодрствует. Поэтому вслепую плюхнулся почти к самой поверхности и только здесь начал осторожно осматриваться.

Вокруг простиралась выжженная солнцем равнина, поросшая пожелтевшей от зноя травой. Подобная картина наблюдалась во все стороны до самого горизонта, и лишь на юге виднелась горная гряда.

Поборов желание подняться выше, чтобы осмотреться, я двинулся к северу, рассудив, что в более прохладном климате наверняка встречу аборигенов, играющих роль оболочек для местных Создателей.

Вскоре подо мной оказались руины древнего города. Большинство строений разрушены до основания. Будь здесь более благоприятный для растительности климат, остатки былых зданий давно превратились бы в поросшие зеленую холмики.

Приблизившись к северной окраине древнего города, я заметил движение. В руинах металась оболочка земного типа,

только с двумя парами рук. Хотя после недавно покинутого мира подобное телосложение и казалось непривычным, но прежде случалось бывать в мирах, где оболочки обладали шестью верхними конечностями.

Осмотрев развалины внимательнее, я заметил двух гигантских пауков, обходящих аборигена с разных сторон, неумолимо загоняя того в тупик.

Тела у монстров вытянуты, как у земных скорпионов. Однако отсутствовали клешни, и задранные кверху хвосты вовсе не скорпионьи, а скорее напоминали крысиные. Да и лапы несколько длиннее скорпионьих.

Интересно, пауки являются представителями местной фауны или разновидностью оболочек?

Снова осторожно ощупав ближайшее пространство, чтобы убедиться в отсутствии местных хозяев, я прикоснулся к наиболее крупному монстру.

Неудача. Монстр оказался обычным зверем, не подходящим для вселения сущности. Его примитивная сущность тут же сгорела от моего прикосновения. Тело продолжило бессознательно метаться, натываясь на стены и издавая пронзительные высокие звуки. Откуда-то из-под головы паука развернулся хобот, поднялся кверху и бессильно опал на землю, да так и остался таскаться по ней, путаясь между лап.

Собрат монстра, услышав визг, бросил преследование аборигена и побежал на звуки, перемахивая через груды развалин.

Я тем временем приблизился к оболочке. Это особь мужского пола. На ногах мешковатые штаны зеленовато-грязного цвета – то ли зеленым цвет был изначально, то ли абориген просто извозился в чем-то, наподобие свежей сочной травы, которой поблизости не наблюдается. Смуглый мускулистый торс, затянутый в портупею из толстой зеленоватой кожи, буквально испещрен шрамами. На спине колчан, из которого торчал одинокий дротик. В каждой руке оружие, напоминающее булаву – металлический шар, диаметром сантиметров десять, надетый на длинную деревянную рукоять. Через абсолютно лысую, возможно гладковыбритую, почти дочерна загоревшую голову тоже проходил неприятного вида рваный шрам, будто по макушке деранули острым когтем.

В глазах аборигена плескалась паника. Свернув в очередной поворот, он оказался перед высокой стеной, преграждающей дальнейшую дорогу. Остановившись перед препятствием и прислушавшись к все еще раздающемуся визгу, бедолага бросился взбираться на крутую гору обломков обрушенной стены справа. Две булавы он вставил в петли на портупее, так как приходилось цепляться руками за обломки. Вот он взобрался на самый верх и осмотрелся. Тут же в ужасе отскочил, увидев преследующих его монстров.

Лишенный сущности паук продолжал слепо тыкаться в развалины. Но его собрат заметил оказавшегося на груде обломков аборигена и немедленно плюнул в него каким-то серебристым сгустком с тянущейся за ним такой же серебри-

сто-серой нитью.

Четверорукого спасло то, что, испуганно отпрянув, он не глядя ступил на шаткую глыбу и с криком сорвался вниз. В следующее мгновение серебристый сгусток с мокрым шлепком впечатался в кусок торчащей из обломков стены в том месте, где только что стоял абориген. Тот уже скатился кубарем вниз и, несмотря на многочисленные кровоточащие ссадины, шустро нырнул в узкий проход между очередных развалин.

Промахнувшийся монстр недовольно запищал и начал пятиться задом, натягивая выпущенную нить. Я решил, что таким образом он пытается оторвать прилипший сгусток, но вот, натянув нить до нужного предела, паук высоко подскочил и, вбирая ее в себя, мгновенно перенесся на вершину развалин. Всосав в себя сгусток, он бросился по следу аборигена.

Довольно долго жертве удавалось уходить от грозного охотника, потерявшего, благодаря моему случайному вмешательству, напарника. И все же паук на своих восьми конечностях передвигался гораздо быстрее, и у преследуемого не было шансов. Вот очередной плевком серебристым сгустком, попав в колчан, сбил аборигена с ног. Растеряв булавы тот надрывно хрипя и извиваясь всем телом, пытался хвататься за попадающиеся под руки обломки, но все они оказывались слишком мелкими, и паук, стоя на месте и вбирая в себя нить, неумолимо подтаскивал жертву к себе. Крыси-

ный хвост изогнулся, направляя увенчивающий его острый шип в сторону пойманной дичи.

Леег. Знакомство с новым миром

Я услышал приближающиеся голоса и вернулся в свою комнату. Не успел дойти до кровати, как занавес в проеме противоположной стены откинулся, и в помещение, пригнувшись, вошел высокий худой человек с остроносым лицом и седыми до плеч волосами. Его несоразмерно крупные глаза с удивлением смотрели на меня.

Следом зашла женщина. Увидев меня, стоящего перед кроватью, она прикрыла рот верхней парой ладошек, и я отчетливо услышал ее мысленный вопрос:

– Леег, ты уже встал?

Нет, блин. Я все еще лежу, но стоя. Черт, если она передает мне мысли, значит, вероятно, может слышать мои. Надо бы быть вежливее в мыслях. А то обижу ненароком. Мысль она, как говорится, не воробей. Вылетит – фиг догонишь.

Мужчина, продолжая стоять у входа, сложил верхнюю пару рук на груди, вторую сцепил за спиной. Удивление во взгляде прошло, и теперь он просто оценивающе осматривал меня.

Интересно, кто это такой? Отец? Вряд ли. Женщина говорила, что позовет какого-то Хама. Вряд ли она так стала бы называть моего отца. Надеюсь, это имя, или прозвище означает не то же, что в нашем мире? А то хамов с детства не

люблю.

И долго они так будут смотреть на меня?

Я чувствовал себя воришкой, которого застали врасплох. Надо было не вылезать из постели. Щас бы притворился спящим беспробудным сном. Заодно послушал бы, о чем говорят эти люди. Ну, да ладно, буду изображать потерявшего память. Что, собственно, не сложно, ибо я ее в этом мире, можно сказать, и не имел.

– Здравсте, – попытался коротко приветствовать седого и с удивлением услышал, как вместо одного слова, я произнес целую тираду в каком-то японском стиле, типа, я рад видеть Вас на пороге этого дома и т.д.

Мужчина подошел и, положив две конечности мне на плечи, ощупал другими мои руки, грудь. Зачем-то приподнял мне веки, подергал за мочки ушей. Ну, точно – местный Айболит.

– Ты совершенно здоров, Леег, произнес он, после чего обратился к женщине: – Сказано же было, что жрецы Священного Острова нарекли твоего сына избранным Создателями. А я, ничтожный деревенский лекарь, усомнился и пытался лечить его от предначертания, принимая оно за болезнь. Возможно, это я своим невежеством чуть не погубил Леega.

Женщина подошла к седому и, приложив пару рук к груди, другими нежно взяла его за одно из предплечий, мысленно успокаивая и говоря, что он лишь исполнял свой долг.

Лекарь, похоже, не слышал ее мыслей, но жесты и мимику понял правильно.

– Нет, Ната. Как иначе объяснить, что Леег полностью оправился после того, как я прекратил лечение, посчитав его умирающим? Ведь я был абсолютно уверен в том, что он не доживет до заката. Я немедленно отправляюсь на Остров. Пусть Жрецы оценят мою компетентность. Возможно, они решат прислать вам нового, более сведущего лекаря. А я стану простым охотником и заведу собственную семью.

Мужчина отстранил Нату и решительно вышел. Та с сожалением посмотрела вслед, но тут же, как только обернулась ко мне, глаза ее наполнились радостью.

– Надо немедленно сообщить Стику, – услышал я ее мысль.

– Стик – это мой отец?

– Что? – тонкие брови женщины поднялись в удивлении, и следом она задала сразу два вопроса: – Ты слышишь мои мысли? Ты не помнишь своего отца?

Вот те раз. Так телепатические возможности вовсе не являются нормой для этого мира? Значит, мои мысли никому не доступны? Не сказал бы, что это мне не нравится. Но почему тогда я слышал ее? Кстати, о чем думал Айболит, я не слышал. Да и о чем думает эта женщина, мне, похоже, тоже не совсем доступно. Понятны только посылы, обращенные непосредственно ко мне.

– Извините, – я смущенно развел руки. – Я вообще ничего

не помню. Даже не знаю, кто я такой. Я, вероятно, чем-то тяжело болел? Вы моя мать?

– Бедное мое дитя, – красивые глаза женщины наполнились слезами.

Мне стало искренне жаль ее.

– Но зато я чувствую себя физически вполне здоровым, – сказал, чтобы успокоить Нату.

Она снова улыбнулась и погладила меня по плечу.

– Это самое главное, сынок. А память вернется, – и, спохватившись, воскликнула: – Надо скорее сообщить отцу радостную весть!

– Я пойду с тобой, – принял я неожиданное решение. – Только подскажи, во что мне одеться.

Раз уж попал в новый мир, то нужно скорее в него влиться, ибо нет смысла оттягивать.

Мать подала сапоги-чулки из тонкой кожи и одну из безрукавок. После того, как я надел все это, она протянула какую-то сбрую с вдетыми в нее четыремя маленькими топориками на длинных ручках. Вот и нафига мне эти томагавки? Задал этот вопрос мысленно. Однако она не услышала.

– Зачем мне это? – спросил уже вслух.

– Ты вырубил собственное жилище и отвез семя зуха на Священный остров. Даже целых два семени. Теперь ты полноценный мужчина, – вероятно, посчитав объяснение достаточным, Ната вложила сбрую мне в ладони.

Покрутив полученное снаряжение, накинул два ремня,

соединенных сзади чем-то наподобие патронташа, на плечи. Подвешенный на них широкий ремень застегнул на животе с помощью большой бляхи, сделанной то ли из кости, то ли еще из какого-то непонятого материала. Все подогнано точно по мне. По бокам в небольшие петли на ремне вставлены топорики. На мой вопрос для чего нужен патронташ на спине, Ната пояснила, что он нужен для дровиков, которые постоянно носить вовсе не обязательно.

Я покосился на висящие, на стене большие топоры. Хорошо, что и их не нужно постоянно таскать с собой.

Пройдя через большую комнату, на обстановку которой впопыхах не обратил внимание, мы вышли на высокое крыльцо. Увиденное снаружи не то чтобы поразило меня, но удивило довольно-таки сильно. Представьте себе гибрид груши с тыквой размером с дом. Именно такие желто-песочные плоды-монстры, тянувшиеся двумя рядами, образовывали довольно широкую улицу. Каждая тыквогруша была обнесена невысоким плетеным заборчиком, как обычные земные деревенские хаты. В стенах плодов прорезаны окна и двери. Сбежав с крыльца, я задрал голову, и окинул взглядом дом, из которого вышел – такой же гигантский плод. Интересно, дома действительно растительного происхождения, или здесь такой причудливый архитектурный дизайн? Просто страшно представить дерево, на котором растут подобные груши...

Наше жильё от околицы отделяло всего два двора. У со-

седнего плетня копошилась парочка обнаженных по пояс малышей. Непривычно видеть на их голых спинах по четыре шевелящиеся лопатки. Увидев нас, они подскочили, какое-то время молча смотрели, а как только мы прошли мимо, понеслись по улице с криками:

– Леег не умер! Леег живой!

Ната, оглянувшись на них, улыбнулась и взялась за мою руку, будто проверяя, не мерещусь ли я.

Сразу за околицей простирался широкий луг. За ним поднималась стена леса. По законам земного мира на таком лугу просто обязаны были пастись гуси или коровы. Однако здесь было пусто. До меня дошло, что и в самой деревне не хватало обычных земных звуков, таких как лай собак, кудахтанье кур петушинные крики.

Пройдя половину луга, я обратил внимание на рощу интересных деревьев, резко отличающихся от остальной лесной массы. Эти деревья напоминали земные баобабы, только карликового размера. Бочкообразные стволы возвышались не более чем на три метра. Широкие кроны буквально смыкались друг с другом. Видно, что деревья не одного возраста – ближе к лесу стволы повыше и потолще, ближе к деревне попадались совсем маленькие, вплоть до еле показавшихся ростков.

– Что это за роща? – поинтересовался у идущей рядом женщины.

– Поселковое кладбище, – ответила та после некоторой

паузы, на протяжении которой, замедлив шаг, пристально смотрела на меня.

От дальнего конца рощи доносились звуки частых ударов топора по дереву. Мы прошли между деревьев в ту сторону и вышли к просеке между рощей и лесом. Широкие пеньки разной степени замшелости указывали на места, где некогда росли мини-баобабы.

Картину, которую увидел далее, не могу назвать иначе, как деревообрабатывающий комбайн или машина по производству щепы. Коренастый коротко стриженный мужик с такой скоростью работал одновременно четырьмя топорами, что ему позавидовала бы машина по измельчению пеньков, которую я когда-то видел в городах моего мира. Шаолиньские монахи, увидев такое искусство владения оружием, или в данном случае орудием труда, моментально эмигрировали бы в Японию, записались там, в самураи и сделали б себе харакири. Ибо нет смысла жить, зная, что не способен даже приблизиться к совершенству.

Остановившись, я заморожено смотрел, как в поваленном дереве, с которого уже срублена крона, буквально на моих глазах появлялось углубление длиною с человеческое тело. Концы срубленного ствола закруглены и обработаны довольно гладко, словно их и не топорами обтесывали. Но никакого другого инструмента рядом не наблюдалось.

Я непроизвольно бросил взгляд на свои ладони. Неужели и я смогу также лихо орудовать топорами? Или уже умел?

Нет, так конечно не умел, ибо молод еще слишком. А сколько, кстати, мне лет? М-да, сколько ж еще предстояло выяснить, и в первую очередь о себе. Ну что ж поделывать, таков результат скоропостижного вселения в первую попавшуюся оболочку.

Мужчина бросил на нас короткий взгляд, не прекращая работы. Секунд пять он продолжал врубаться вглубь ствола, одновременно ровняя края получающегося углубления, затем остановился и еще несколько секунд смотрел в лес. Наконец медленно, словно боясь кого-то спугнуть, повернулся. Четыре топора одновременно выпали из ослабших рук. Широкие плечи опустились, и здоровяк, приоткрыв в изумлении рот, сел на поваленный ствол.

– Думаю, тебе стоит повременить с этой работой, отец, – я обратился к мужчине, будучи уверенным, что это и есть мой родитель. – У тебя наверняка найдется немало более приятных дел, чем строгать эту деревяшку.

– Леег?

Нет, блин, Сьюзи Кватра прилетела в этот мир, чтобы подарить первому попавшемуся дровосеку свою четырехструнную балалайку. Кхым, надо бы даже в мыслях постараться быть вежливым с этими людьми. Все же родители, как-никак.

– Леег здоров, – радостно улыбаясь, Ната подошла к все еще сидящему дровосеку и, обняв за голову, прижалась к нему. – Создатели вернули нам сына.

Какое-то время мужчина сидел неподвижно, уткнувшись лицом в живот супруги. Но вот, мягко отстранив ее, встал и подошел ко мне. Огромные ладони опустились на плечи, сдавили предплечья. Я чувствовал себя несколько жутковато рядом с этим, буквально пышущим жаром, гигантом. Он был выше меня, пожалуй, всего на полголовы, а вот шириной плеч и объемом стальных с виду мышц превосходил как минимум вдвое. Что если этот четырехрукий монстр сейчас разозлится на своего непутевого сына за то, что зря добрую половину дня махал топорами, пропитывая ядреным потом одежду, которую теперь придется стирать его любимой Натой? И сжал же меня в своих клешнях так, что не вырвешься.

– Сынок, – в голосе здоровяка было столько любви и нежности, что мне стало стыдно за свои мысли. Две крупные слезинки одновременно сорвались из лучащихся отцовской любовью серо-голубых глаз и, оставляя влажные дорожки, скатились к уголкам рта. – Сынок...

Черт возьми, никогда не любил мелодрамы, но тут у самого глаза наполнились слезами.

– Отец, – произнес я еле слышным сиплым голосом и, почувствовав, что его хватка ослабла, припал к широкой груди, обхватив могучую шею.

– Сынок, – отец крепко обнял меня.

Рядом, прижав руки к груди, плакала счастливая Ната.

В этот миг я чувствовал себя почти счастливым от того, что оказался в этом мире предельно истощенным. Что было

бы с этими чудесными людьми, если бы я решил сотню-другую лет приглядеться к местным реалиям, прежде чем в кого-нибудь вселиться? Может, над нами действительно есть воля неких Создателей? По крайней мере, в такие минуты хочется благодарить кого-то всемогущего...

***

Следующие несколько дней, сославшись на почти полную амнезию, расспрашивал всех о реалиях приютившего меня мира. А желающих помочь нашлось немало. В первый день даже слишком много, что несколько утомляло, и я, сославшись на слабость после болезни, завалился якобы спать. Поднялся лишь, когда в доме остались одни родители. Они-то, как собственно и положено родителям, и дали первые знания.

В общем, зовут меня Леег. Мне пятнадцать лет, по здешним меркам – совершеннолетие. Я уже вырубил собственный дом внутри гигантского плода зуха.

Семя зуха отец привез со Священного Острова, после того, как у него родился сын. Растение представляет собой некое подобие капусты кольраби, если можно представить себе кочан диаметром от двенадцати до пятнадцати метров, высотой до четырех и увенчанный двухметровым куполом с закругленной макушкой, делающей плод похожим на приплюснутую грушу. После первого года все листья отваливаются, и в течении следующих четырнадцати лет плод увеличивается в размерах. Как только кожура приобретает желтый

цвет и верхний ее слой делается прозрачным, будто толстое покрытие лаком, необходимо приступить к вырубке внутренних помещений. Если не поспешить, то через несколько седмиц – так здесь называются недели, исчисляемые, как и в земном мире, семью днями – внутренность плода приобретает каменную твердость, не поддающуюся топору. Но такое случается редко, лишь когда ребенок умирает или, что случается еще реже, вырастает больным и немощным. Окаменевший плод подкапывают, отжигают корень и усилиями всех жителей откатывают за пределы селения. Там он разрушается в течении долгих лет, оставляя после себя невысокий холмик, который постепенно зарастает подлеском. Семя в окаменевшем плоде разрушается вместе с ним, не прорастая новым растением.

Юноши, вырубая внутри зуха собственное жилище, извлекают семя и отвозят на Священный Остров. Именно на этом острове на меня, вернее тогда еще на моего предшественника, занимавшего эту оболочку, напало какое-то странное существо, по описанию похожее на скорпиона, только живущее в воде, как краб, и размером превышающее самых крупных земных крабов. Называется жуткий зверь стахом. Этот самый стах и ужалил меня своим скорпионьим хвостом в ногу. Жрецы Священного Острова не захотели лечить, оправдав свою безответственную лень волей неких Создателей. Дело в том, что я выковырял из зуха сразу два семени вместо одного, что было невиданным делом, пример-

но как рождение двухголового теленка. Вот жрецы, чтобы не заморачиваться объяснением подобного феномена, обозвали меня Избранным Создателями, а значит все, что теперь со мной произойдет, будет являться волей этих самых Создателей. Короче, теперь на мне нечто типа божественного клейма. Буду тонуть в болоте, никто и руки не подаст, ибо побоится противиться воле Всевышних. Хотя, похоже, здесь далеко не все слепо следуют указаниям жрецов. Взять хотя бы моих товарищей, которые, отказавшись от празднования совершеннолетия, являющегося одним из самых значимых праздников в жизни местного мужчины, доставили меня домой. Да и местный знахарь Хаам, который до конца боролся за мою жизнь. Он, правда, после воскрешения пациента ушел к Священному Острову типа каяться в своем грехе. В чем грех – понять не могу, ну да я тут еще много чего не понимаю.

Да, кстати, местный мир называется Стораном, а люди кличут себя сторами. По их мнению, Вселенная представляет собой раскаленную пустыню, населенную огромными стадами. В отличие от водяных собратьев, пустынные, если верить тому, что тут нарасказывали, размером чуть ли не со слона. Ассоциация со слоном возникла из-за наличия хобота у этих гигантских пауков. Похоже, именно их я и видел, когда на грани полного истощения пробирался к горной гряде.

Так вот, из возникшей однажды капли росы, неизвестно как появившейся среди раскаленных песков, вышли семе-

ро молодых божественных созданий. Они принялись играть друг с другом, строя из песка причудливые фигуры. Однако пустынные стахи постоянно разрушали ненадежные строения молодых богов. Тогда те отгородились от вредных животных кольцом песчаных гор. Быстро убедившись в ненадежности подобной преграды, объединили свою волю и превратили песок в камень.

Ну, дальше все предсказуемо. Насоздавали лесов-зверей-людей. Вернее, не людей, а сторов. Устали и ушли отдыхать в каплю росы, из которой некогда вышли. Собственно, океан в центре мира – это и есть та самая капля росы.

Кстати, о том, что на южном полушарии существует такой же мир, окруженный горной грядой, и с океаном в центре, никто здесь не подозревает.

Какого-то подобия деления времени на часы и минуты местные жители не знают. Для них существует лишь утро, день, вечер и ночь с примерным делением их на до или после полуночи, полудня, ближе к утру или к вечеру.

Понять насколько отличается длина сторанских суток от земных по собственным ощущениям я не смог. Вероятно из-за того, что физиология моей оболочки привычно следовала местному распорядку, который является для нее единственно верным.

Сторанский год длится семьдесят седмиц и не делится на месяцы.

Стор в среднем живет полторы сотни лет, что не может

не радовать после почти втрое меньших жизненных циклов земных оболочек. И что еще примечательно, стариками здесь становятся только на последнем году жизни, резко увядая, словно в организме сработал какой-то ограничитель. До этого же момента живут полноценной жизнью, отличаясь от молодых соотечественников только количеством жизненного опыта и, если мужчина, количеством шрамов.

Шрамы сторы получают либо в войнах со степными племенами, если выпадает участь солдата, или в схватках со змеем, если становятся охотниками.

Змей – это основная здешняя промысловая порода, дающая сторам мясо и кожу. Именно зеленая змеиная кожа используется здесь в очень широком диапазоне: от постельного белья и одежды до ковров, ремней и обуви. Эти животные, как я понял, бывают лесные и озерные. Некоторые разновидности лесных змеев достигают гигантских размеров и могут сами охотиться на сторов. По уверениям Стика, змеи никогда не спят. Но если днем они ленивы и неповоротливы, а потому предпочитают прятаться в густых зарослях, то ночью становятся крайне активными и двигаются настолько стремительно, что уследить за их движениями порой не может даже опытный охотник.

Мелкие змеи питаются чиками, мелкими существами, чье кваканье я слышал каждую ночь, но самих увидеть ни разу не смог. Собственно и самих змеев тоже пока ни разу не видел. И вообще не видел ни одного представителя местной фауны.

Почему-то местные жители не занимаются животноводством и не держат каких-либо зверьков в качестве домашних любимцев.

Крупные змеи охотятся на более крупную дичь – хитов, по описанию напоминающих гигантских слизней, а так же нападают друг на друга. Ну, и самые крупные нередко нападают на сторов, если кто-нибудь из них осмеливается бродить по ночному лесу.

Но самые опасные звери в этом мире стахи. Кроме морских и пустынных, оказывается, водятся еще и лесные.

Лесные стахи живут семьями – одна самка может держать при себе до десяти самцов. Но чаще встречаются семьи, где самцов не более трех. По описаниям рассказчиков – это гигантские пауки со скорпионьим хвостом и слоновьим хоботом. Лесные монстры уступают размерами пустынным, но все же способны легко поднять хоботом взрослого стора. Стахи не плетут ловчих сетей, как земные пауки, но способны выстреливать в жертву липкой нитью. Замотанная в кокон жертва словно бы консервируется и при необходимости хранится сколько угодно долго. Нить, вырабатываемая специальной железой, попав на воздух, мгновенно приобретает невероятную прочность, хоть и сохраняет достаточную гибкость. Когда приходит время вскрыть кокон, стах выпрыскивает на него жидкость из другой железы, от которой нить быстро разрушается.

И нить, и клейкая масса, содержащаяся на ее конце, стоят

очень дорого. Целый кокон и вовсе может обеспечить семье охотника год безбедного существования.

Яд, выделяемый железами, находящимися в жале на конце хвоста, имеет большую ценность у лекарей. Из хитина, покрывающего зверя, изготавливаются особо прочные доспехи, а так же различные инструменты и украшения. Чешуйки, покрывающие хобот, часто используются в роли монет. Как таковых денег здесь нет, по крайней мере, я не смог ничего о них узнать, но их роль выполняют особо ценные мелкие предметы, такие как чешуйки с хобота стаха, драгоценные камни и любые металлические предметы.

В общем стах представляет собой настоящее богатство. Проблема в том, что добыть его не под силу не только одному стору, но и целой группе охотников. Убить зверя можно только попав в центр короны глаз, да и то лишь в период линьки. Основной панцирь отвердевает прямо под старым, после чего старый разрушается и буквально осыпается мелкими крупинками. Зато место в центре короны глаз отвердевает в течении пары седмиц.

Можно конечно закидать зверя дротиками и топорами, метясь в сочленения конечностей в глаза и в более уязвимый хобот, но в таких случаях зверь, прежде чем потерять подвижность, наверняка убьет как минимум половину охотников. А если учитывать, что стахи всегда держатся семьями, то идти на такой риск стору не решаются. Обычно, если вблизи селения появляется семейство монстров, жители вы-

слеживают их и сообща загоняют в логово – вертикальную нору в земле. После чего забрасывают нору сухими ветками, заливают горючей жидкостью и поджигают.

Однако отцу удалось однажды в одиночку убить стаха, именно попав в центр короны. Таким образом, он освободил из лап монстра мою мать. Вероятно, с тех пор она и потеряла дар речи.

Крик

Весь вчерашний день женщины племени собирали в степи камни и отсыпали ими круглую площадку диаметром в двадцать шагов. Глядя на это каменное татами, я начал сожалеть о своем поспешном решении, вызвать вождя на поединок. Не хотелось увечить ставшую привычной оболочку Крика. К тому же этот воин, которого мне довелось спасти от стахов, правда, лишь для того, чтобы через несколько дней самому занять его оболочку, подходил мне больше любого другого представителя племени сартуков. Крик был прижившимся здесь воином из другого племени, полностью уничтоженного во время нашествия пустынных стахов. Вел он замкнутый образ жизни, не имея ни собственной женщины, ни близких друзей, а потому никто особо не обратил внимания на те перемены, которые возможно произошли в поведении после того, как я завладел его оболочкой. Правда обрушившаяся слава воина побеждающего стахов, естественно мгновенно привлекла к нему общее чрезмерное внимание, но тогда Крик еще был самим собой.

В тот раз я спас аборигена, в последний момент, уничтожив сущность монстра, готового вонзить смертоносный шип в тело жертвы. Спас лишь для того, чтобы с его помощью скорее отыскать какое бы то ни было сообщество местных

оболочек, и приступить к его изучению.

Монстром, кстати, был степной представитель местных паука-крабов, являющихся самыми опасными врагами аборигенов.

Лишившись сущности, монстр, как и его собрат, не утратил способность двигаться. Безвольно опустив на землю хвост и раскатав хобот, который был скатан в рулон, наподобие как у земных бабочек, паук принялся ходить кругами, пронзительно вереща. Абориген таскался за ним, тоже издавая панические крики и чудом уворачиваясь от огромных лап.

Поняв, что, в конце концов, монстр все же затопчет аборигена, или тот попросту сойдет с ума от ужаса, гуманно – сказалось длительное пребывание на Земле в обществе Олега – я отодвинул сущность хозяина оболочки в дальний угол и завладел ею сам. Оценив новое тело, сразу признал его несомненное превосходство перед земными. Дело не в дополнительной паре конечностей, хотя это тоже весьма значимое преимущество. И скелет и мышечный каркас гораздо прочнее земных, суставы подвижнее.

Мне не составило труда скинуть с себя сбрую с колчаном, к которому прилепилась ловчая нить. После чего я выскользнул из под кружащегося монстра и некоторое время разглядывал его – паучок действительно внушительный.

Если сразу вернуть оболочку владельцу, то вряд ли он сообразит, что монстр больше не опасен, и, скорее всего, убе-

жит. Все же интересно посмотреть, как он отнесется к поверженному пауку?

Потому, подобрав увесистый булыжник, размером с человеческую голову, я подбежал и с силой опустил его на корону паучьих глаз, мигающих слабым оранжевым свечением. Затрещал проламываемый хитин, и паук, суча ногами, опрокинулся на спину. Для надежности я еще обрушил камень на чудовищные расположенные вертикально челюсти и тут же упал, подсеченный дернувшимся хоботом. Вероятно, от удара сократилась какая-то мышца, и хобот свернулся в рулон.

Поднявшись, сразу обратил внимание на ерзающий из стороны в сторону хвост. Выхватив нож из валяющейся под ногами сбруи, попытался с одного взмаха отхватить кончик хвоста с острым шипом. Не тут-то было. Пришлось, крепко ухватив под основание шипа тремя руками, долго елозить лезвием. Наконец трофей оказался в руках. Внимание привлекли выступившие на шипе янтарные капельки. Наверняка они ядовиты. Потому, не притронувшись к трофею, я решил предоставить разбираться с ним хозяину оболочки.

Очнувшийся абориген уставился на поверженного монстра широко открытыми глазами, и начал оглядываться вокруг, вероятно, в поисках того, кто сокрушил ужасного зверя. Отскочив от дернувшегося хвоста, он совершенно обалдев, обнаружил в своей руке отрезанный шип. Взглянув на нож, зажатый в одной из правых рук, бедолага сделал соответственные логические выводы.

– А-а-а! – разнесся по степи его торжествующий крик. – Я убил стаха! Я убил стаха! А-а-а!

Откромсав хобот, счастливчик вложил в него шип и начал забрасывать камнями все еще дергающегося монстра. Как оказалось, он просто прятал добычу от случайных халявщиков. Удовлетворился только тогда, когда получился холм, полностью скрывающий гигантского паука. После чего натянул на себя португею, от которой пришлось отрезать заплечный колчан с насмерть пристывшей к нему нитью, не поддающейся лезвию ножа, вложил в петли подобранные булавы и, подхватив хобот, легкой трусцой побежал прочь от руин в северо-западном направлении.

Пробежав по степи целый день, ни разу не остановившись и не сбавляя темпа, абориген лишь на закате достиг своего селения. Я, обследуя местность вокруг, заметил становище за долго до того, как мой подопечный добежал до него. Сперва увидел бродящие среди редких, раскиданных по степи деревьев оболочки. Приблизившись, понял, что это не что иное, как поселение. Несколько сотен человек занимались всевозможными делами. Половину из них составляла ребятня различного возраста – от ползающих на четвереньках, а по-здешнему, скорее, на шестеренках, голозадых малышей, до упражняющихся в метании дротиков подростков. Женщины готовили еду на плоских камнях, под которыми был разведен огонь. Мужчины что-то мастерили, но в основном прохлаждались, собравшись в небольшие группы и об-

суждая нечто их волнующее.

Жильем для аборигенов служили вырытые в земле норы, где полностью отсутствовала какая либо мебель. Домашней утвари также минимум – сосуды и миски, сделанные, судя по внешнему виду, из какого-то плода, типа тыквы. Похоже, что норами местные жители пользовались только во время ненастья. Как оказалось позже, что еще и во время дневного зноя.

Отсутствие скарба тоже позже объяснилось тем, что племя ведет кочевой образ жизни. Вьючных животных в этом мире не знали. До рабского труда тоже не додумались, поэтому имущества имели ровно столько, сколько могли легко унести на себе женщины и дети. Мужчины во время переходов двигались налегке, чтобы в любую минуту ринуться на встреченного врага. Врагами в основном являлись стахи, редко недружественные племена, а в сезон дождей еще и гигантские зуулы. Зуул – нечто среднее между змеем и червяком, имеет острые челюсти, достигает пятнадцати шагов в длину и полтора в ширину. Мясо зуула пригодно в пищу, по вкусу напоминает нежирную свинину.

В основном же кочевники питались дикорастущим корнеплодом – аналогом земного картофеля. Называлось растение клодом. Именно клод и заставлял их перекочевывать с места на место, выкапывая его в дне пути вокруг очередного становища. Но, надо отдать должное этим диким бульбашам – самая крупная картофелина из каждого выкопанного куста

обязательно закапывалось обратно.

Однако все это и еще многое другое я узнал позже.

А сейчас Крик вбежал в становище, держа над головой хобот и шип стаха и громко крича:

– Я убил стаха! Я убил стаха! Я отомстил за своих родичей!

Вокруг сразу собралось почти все племя. Сартуки недоверчиво расспрашивали воина о подробностях и рассматривали трофеи. Крик на ходу придумывал, как его переполнила священная ярость и он набросился на стаха, двумя взмахами ножа отсек тому шип и хобот, потом размозжил глаза зверя булавами и закидал дергающуюся тушу грудой камней.

Расталкивая толпу, к рассказчику подошел высокий кочевник. Кроме роста, от остальных мужчин он отличался еще и наличием волос на голове, спускающихся на плечи длинными грязными локонами. Бесцеремонно забрав трофеи из рук Крика, осмотрел их и вернул обратно.

– Завтра на рассвете ты поведешь нас туда, где лежит этот стах. Если он там, мы заберем его. Если стаха не окажется, ты уйдешь из племени. Степной воин не должен марать свой язык грязным враньем, подобно лесным дикарям.

Закончив говорить, длинноволосый развернулся и пошел прочь. Толпа расступилась, давая ему дорогу. Несколько кочевников направились следом.

Начали расходиться и остальные сартуки. Лишь ребятня все еще крутилась возле Крика, разглядывая трофеи и вос-

хищенно цокая языками.

– Завтра ты, Иракий, увидишь, что я сказал правду! Крик никогда не врет! – наконец выкрикнул кочевник вслед давно уже ушедшему вождю и широким шагом двинулся к своей норе.

С наступлением темноты сартуки утихомирились. Спать улеглись на брошенные прямо на землю подстилки из зеленоватой кожи. Женщины и дети расположились возле своих нор, мужчины по периметру селения. Крик, забросив трофеи в нору, в несколько укусов с хрустом поглотил сырую картофелину и тоже занял свое место в храпящем оцеплении. Вскоре захрапел и сам.

Чуть только заалела полоска горизонта на востоке, к победителю стаха подошел длинноволосый Иракий и бесцеремонно толкнул того ногой в бок.

– Вставай, Крик. До древнего города далеко, а нам нужно успеть сегодня же вернуться обратно.

– Тогда придется бежать очень быстро, – невозмутимо ответил, поднявшийся сартук.

Бежали действительно быстро. Впереди Крик и вождь. За ними еще десять воинов, взятые в качестве носильщиков, если Крик не соврал и поверженный стах окажется на месте.

Одежда на всех мужчинах была одинаковая – кожаные мокасины, из той же кожи просторные штаны, голый торс затянут в кожаную же портупею, к которой сзади крепился колчан с десятком дротиков, с каждого бока по две булавы в пет-

лях, в ножнах клинок размером с локоть. В небольшой сумке, прикрепленной к той же сбруе, лежало несколько сырых картофелин. Плоды клада в сыром виде достаточно сочные, чтобы утолять не только голод, но и жажду.

К древним развалинам прибежали когда солнце находилось в зените. Разбросав камни, убедились, что мертвый стах на месте. Иракий лишь бросил короткий взгляд на Крика, но ничего не сказал. Остальные воины восхищенно зацокали языками, оценивая неожиданно свалившееся на племя богатство. Теперь будет на что сменять у горных марыков новые наконечники для дротиков, набалдашники для булав и другие металлические изделия их мастеров. Да за панцирь такого огромного зверя пожалуй даже можно нанять погонщиков стахов и пожить в пограничных лесах, разорив поселения трусливых сквиллов, что прячутся там, не пропуская благородных сартуков к большому соленому озеру, на дне которого до поры спят Создатели.

Пока кочевники расчленили паука, я рассмотрел окрестные развалины и нашел труп второго стаха. Он стоял неподвижным изваянием, безвольно свесив хвост и хобот.

Ну что ж, пора и мне включаться в игру.

Завладев оболочкой Крика и не обращая внимания на удивленные возгласы, я побежал по лабиринту улиц к тому месту, где торчал второй стах. Крикнув что-то остальным, за мной устремился Иракий. Пару раз приходилось перебираться через завалы, рискуя самому быть погребенными

под ними. Вождь следовал, не отставая, но и приблизиться вплотную я ему не давал. Обогнув очередную грудку обломков, мы выбежали к застывшему, словно статуя пауку.

Обычно невозмутимый Иракий испуганно вскрикнул и, резко затормозив, дернулся назад, готовый к паническому бегству.

Ухмыльнувшись, я подошел к монстру и по-хозяйски похлопал по панцирю. Тело стаха, благодаря вытянутым лапам, возвышалось в двух метрах над землей, и мне приходилось тянуться.

Обернувшись, я с удовлетворением хмыкнул, видя, как отвисла челюсть на вытянувшемся лице вождя.

– Не бойся, – крикнул я миролюбиво. – Этот стах мертв. Я ударил его вон той глыбой и, похоже, перебил ему что-то внутри.

– Ты хочешь сказать, что убил стаха этим камнем? – спросил Иракий издалека, так и не решившись приблизиться.

– Нет, не хочу. Я это уже сказал, – пожал плечами я, размышляя, стоит ли возвращать оболочку владельцу. Крик ничего не знает об этом стахе и, очнувшись и обнаружив себя рядом с монстром, наверняка наделает каких-нибудь глупостей.

М-да, никогда еще я не вселялся в первую попавшуюся оболочку так скоро и бездумно, не изучив мир и особенности местного социума. Хорошо еще, что Крик из другого племени и, судя по всему, особо здесь ни с кем не общается.

Впрочем, в случае чего, сменить оболочку не долго.

Несмотря на внушительные размеры, весили стахи немногим больше взрослого аборигена. Иракий хотел было отправиться за частью соплеменников, чтобы те помогли разделить второго монстра, но я предложил оттащить тушу волоком. А увидев, что вождь готов возразить, толкнул стаха, и тот опрокинулся кверху лапами, гулко стукнувшись о каменный грунт панцирем. Схватив за хобот, я потянул. Округлый панцирь легко заскользил по каменному крошеву. Иракий следовал за мной будто конвоир. Однако, дойдя до первого тупика, пришлось признать, что перетаскать тушу через завал будет трудновато.

– Помогай, – я кивнул Иракию на мертвого монстра.

– Я вождь! – возмущенно воскликнул тот.

– Да? Тогда на, перетаскивай стаха через эти руины сам.

Сбитый с толку такой логикой, вождь долгую минуту бурлил меня взглядом и, наконец, все же взялся за хвост монстра под основанием шипа.

В обратный путь наш отряд двинулся далеко за полдень. Стало понятно, что вернуться в становище до заката не получится.

Бежали, пока солнце не скрылось за горизонтом, после чего, несмотря на достаточное освещение, исходящее от усеявших небосвод ярких звезд, остановились на ночлег на том месте, где застала ночь.

***

Не знаю, как до сих пор относились мои новые соплеменники к Крику, но после нашего возвращения сразу почувствовал себя объектом общего внимания и уважения. Внимание не было назойливым, но ощущалось практически во всем, начиная от восхищенного шепота детворы, когда проходил мимо. Женщины приносили к моей норе блюда из жареного клода с кусочками мяса. И это при том, что многие из кочевников питались одним только Клодом, разнообразя меню лишь способами его приготовления – в сыром виде, запеченном в золе и зажаренном на плоском камне. Молодым девушкам зачем-то постоянно нужно было пройти рядом с моей норой, при этом они как бы случайно встречались друг с другом и останавливались поболтать. Воины почтительно уступали дорогу, а иногда пытались завести разговор, спрашивая моего мнения по поводу разных важных вопросов – удачный ли будет обмен с марыками, стоит ли объединяться с племенем Айрика для набега на сквиллов и еще многое другое, о чем я не имел ни малейшего понятия. Волей-неволей приходилось играть роль замкнутого в себе буки. А что еще оставалось делать? Не объяснять же, что я новичок в этом мире и абсолютно ничего не смыслю в местных реалиях? Однако это не отталкивало соплеменников, и они продолжали относиться ко мне с почтением, которого в племени кроме меня достаивался только вождь. Возможно, я даже мог бы отпустить волосы подобно ему, которые раз в трое суток тщательно уничтожал с помощью наносимой на голову

кашицы, неизвестно из чего приготавливаемой женщинами. Но, глядя на немытые локоны Ирамия, под которыми наверняка зудит от грязи кожа, предпочитал оставаться лысым.

Вождь с момента возвращения из развалин древнего города ни разу со мной не общался. Казалось, будто он намеренно избегает встреч.

Выкопав весь клад в ближайших окрестностях, племя, прикрыв пирамидой из камней скудный колодец, снялось и двинулось на новое место. Обычный переход составлял двое суток. Племена сартуков перемещались по своим территориям зигзагами – с запада на восток от границы одного соседа, до границы другого, затем смещались на двухдневный переход к северу или югу и двигались в обратном направлении. Чем дольше продолжался ежегодный сезон дождей, тем обильнее был урожай степного клада, тем дольше проводило племя на одном месте. В засушливые годы случалось пройти всю территорию задолго до нового сезона дождей. Тогда для племени наступали голодные времена. Еще хуже было в те годы, когда дождей не было вовсе. Единственным спасением в таких случаях были набеги на лесные территории, где можно было грабить приграничные селения сквиллов и охотиться на лесную дичь. Как правило, половина мужчин погибали в таких набегах, но зато остальные получали возможность дожить до следующего урожая клада.

В этом году дожди длились всего три седмицы, и если ближе к северу урожай клада был нормальный, то чем южнее

уходило племя, тем больше появлялось сомнений, что еды хватит на оставшиеся полгода. Все меньше и меньше попадалось деревьев, в кронах которых можно было обнаружить худосочных степных деревьев. Редкие степные озера, питающиеся родниками, ближе к югу почти не встречались. Да и те, что попадались, обычно пересыхали во второй половине года, потому в них не водились примы.

Именно из-за ожидаемого голода, племя с энтузиазмом приняло предложение вождя двигаться не на восток, куда перемещалось до этого, а напрямик к горам. Наличие двух добытых мной стахов давало возможность не только выменять у горного племени различные металлические предметы, но и нанять погонщиков стахов, с которыми набег на лесные селения обещал быть удачным.

Кто такие погонщики стахов мне удалось выяснить, заводя с соплеменниками разговоры, позволяющие задавать наводящие вопросы. Спросить напрямик не решался, чтобы не вызвать подозрение, или недоумение.

Жители гор, малорослые марыки – племя не воинственное. Им попросту нечего и не с кем делить. Впрочем, что делить, возможно и есть. Вот только не найдется в степи племени, способного решиться полезть в горы, кишачие стахами. Каким образом в этих горах живут маленькие марыки – неизвестно. Самостоятельно охотиться на, обладающих ценным панцирем монстров, они не могут, но зато владеют волшебными трубами, способными издавать звуки, от которых

стахи ударяются в паническое бегство. При этом горцы могут не просто разгонять монстров, а еще и гнать их в нужном направлении, что делает любые попытки напасть на их владения абсолютно бесперспективными и самоубийственными. Странно, что при таких возможностях, марыки до сих пор не заставили степные племена платить им дань. Возможно, маленькие горцы слишком миролюбивы, а может, на это есть другие причины.

Если задержусь в этом мире надолго, то как-нибудь вселюсь в оболочку марыка и узнаю подробнее о жизни местной разновидности гномов.

***

Итак, мы двинулись на юг. Женщины и дети бежали тесной группой, навьючив на себя пожитки. Воины двигались широким кольцом, охраняя племя. Бежали без дневных привалов, останавливаясь только на ночлег незадолго до заката. Гор рассчитывали достичь за две седмицы.

Вождь с двумя десятками воинов ежедневно отправлялся охотиться на стахов, намереваясь добыть еще один панцирь для торговли с марыками, но одиночки не встречались, а на двух степняки никогда не нападали – слишком чреватые могли быть последствия. Даже для того, чтобы забить одного зверя, требовалось не менее десятка-полтора воинов. А пара голодных стахов вполне могли решиться напасть на такую группу, и все шансы были бы на стороне гигантских пауков.

Возглавляемые Ираимом охотники присоединялись к

племени после того, как оно уже располагалось на ночлег. С каждым днем они выглядели все более изможденными, ведь приходилось оббегать огромную территорию в поисках одинокой добычи, и при этом не отставать от преодолевающего немалый путь племени.

Как-то услышав, что вернувшиеся охотники разговаривают на повышенных тонах, я взял под контроль оболочку молодого сартука, сидевшего молча, и послушал о чем разговор. Молок, самый могучий из воинов, с возмущением высказывал Ирамию, что тот из-за своей гордыни может принести зло племени.

– Почему ты не хочешь взять Крика на охоту? Ты боишься, что воины пойдут за ним, а не за тобой? Но это не так. Крик чужак. Но он удачливый охотник. Разве будет плохо, если Крик поможет добыть еще хотя бы одного стаха?

– Тогда мы сможем нанять у марыков погонщиков, не обращаясь за помощью к Айрику, и его племя пойдет в набег под твоим началом и за меньшую долю, – поддержали Молока другие кочевники. – Пусть Крик охотится с нами.

– Крик не охотник, – ответил вождь после того, как все замолчали. – Прошло больше года с тех пор, как он попросился в наше племя. Разве за все время он хоть раз принес достойную добычу? Даже у границы северных лесов он добывал только жалких деревьев. А в сезон дождей, когда мы охотились на большого змея, Крик всегда старался держаться за спинами остальных. Я уверен, что этих стахов он нашел

уже мертвыми. Когда я это докажу, он уйдет из племени. И другие племена не примут его.

– Но как ты это докажешь, если не хочешь взять его на охоту? – пожал плечами Молок. – Пусть пойдет с нами, и мы все увидим – лжет ли он.

– Завтра мы добудем стаха, – заявил Иракий после минутного молчания и решительно поднялся, давая понять, что разговор закончен. – И нам для этого не понадобится помощь лживого Крика.

М-да. Я подозревал, что вождь меня недолюбливает, но не знал, что настолько сильно. Ну да не очень-то мне и хотелось носиться по степи, добывая для этих туземцев громадных пауков. Честно говоря, после насыщенной земной жизни прозябание в этом первобытном племени начало тяготить. Пора бы уже что-то поменять. Вот посмотрю на горных марыков...

– Эй, Гурик, ты так устал, что заснул сидя и с открытыми глазами? – весело крикнул кто-то, толкая в плечо молодого воина, оболочкой которого я воспользовался.

Пришлось срочно оставить временно занятую оболочку хозяину и уже издалека наблюдать, как кочевники потешаются над ничего не понимающим молодым товарищем.

Леег. Познание себя

Никогда не был склонен к авантюрам, но, вероятно, осталось во мне от прошлой жизни стремление к предпринимательству. Вот тут и засела вдруг мысль о промысле стахов. Этой мыслью поделился со своими новыми друзьями – Боатом и Ваалом. Вообще-то, они считались моими друзьями детства.

– Ты потерял не только память, но и рассудок! – возмутился Боат. – Чудом выжил после нападения маленького морского стаха и теперь собираешься охотиться на лесных!

– Но смог же отец убить одну такую зверюку.

– Твой отец великий воин и опытный охотник, – положил руку на мое плечо здоровяк Ваал. – Но он сам всегда говорит, что ему в тот раз невероятно повезло. Такое везение бывает раз в жизни. И еще раз выходить на стаха он никогда бы не осмелился.

Спорить с товарищами не имело смысла. Ведь я пока еще не только почти ничего не знал о новом мире, но и не в полной мере владел своим телом.

Судя по рассказам, до болезни я был один из первых во владении топорами и метании дротиков. Теперь всему приходилось учиться заново. Видя мое неловкое обращение с оружием, отец отвел меня к опушке и начал терпеливо объ-

яснять и показывать искусство владения топорами. Первый день, как ни старался, но воткнуть в высокий пенёк одновременно два топорика с достаточной силой, так и не смог. О том, чтобы рубить одновременно четырьмя не могло быть и речи. Хорошо еще, что доставшееся тело, несмотря на недавнюю болезнь, осталось достаточно развитым и привычным для подобных упражнений.

Тренируясь по несколько часов в день, через седмицу начал довольно сносно владеть топориками. По крайней мере, мог теперь махать одновременно четырьмя, без риска отрубить что-нибудь себе или кому-либо из присутствующих рядом.

Еще через седмицу научился довольно метко метать в мишень с двадцати шагов. Естественно, кидал только по одному, но зато по очереди с каждой руки одинаково метко, как с правых, так и с левых. Однажды даже увидел одобрительную ухмылку на лице отца, когда, заметив краем глаза падающий с дерева лист, машинально пригвоздил его к стволу, метнув топорик шагов с десяти и практически не целясь.

Однако, когда в тренировках принимали участие Ваал и Боат, я понимал, что мне еще далеко до надлежащего уровня. Но друзья не кичились своим превосходством и всячески подбадривали, уверяя, что со временем бывшее мастерство обязательно вернется. И может быть даже, когда-нибудь я стану таким же великим воином, как отец.

Я с ужасом ждал, когда Стик заставит снять со стены

огромные боевые топоры, но прежде настал черед дротиков. Собственно, оружие не было дротиком в привычном понимании этого слова – деревянное древко, длиной около семидесяти сантиметров, с металлическим шаром, чуть меньше мужского кулака, на конце, в который вкручивался шип, удлиняющий дротик до метра. Метать снаряд можно и без шипа, как некое подобие булавы. Можно использовать и не только как метательное оружие. В петлях за спиной вставлялось восемь дротиков. Шипы делались как из металла, так и из твердых пород дерева, или – очень редко – из панциря стаха. Иногда их изготавливали в виде обоюдоострого клинка. Но такие наконечники использовались не для охоты, а в сражениях со степными племенами.

После метания топоров, с дротиками дело пошло быстро. Попадать в мишень одним снарядом смог уже в первый же день. Но дальше дело затормозилось. Если кинуть одновременно два левых или два правых я еще как-то мог, то при броске с четырех рук дротики летели куда попало, только не в мишень. Впрочем, ситуация была та же, что и с топориками.

– Попробуй бросить по одному, но один вслед за другим без перерыва, – сказал Стик после того, как я в очередной раз собрал разлетевшиеся по зарослям дротики. – Но не спеши. Представь, что твои руки лопасти мельничного колеса, вращающиеся друг за другом.

Четыре дротика один за другим воткнулись в пеню.

– Продолжай бросать, постепенно ускоряя вращение колеса, – распорядился отец и, отвернувшись, пошел домой.

Как-то во время одной из тренировок подошли Боат и Вал и, бросив на землю охапку метровых палок с толстыми мягкими набалдашниками, обтянутыми кожей, сказали, что мой отец попросил их позаниматься со мной фехтованием.

М-да. До сих пор я не мог даже предположить, что можно фехтовать молотками. Или, в данном случае, сторанскими дротиками. Принесенные товарищами палки выполняли роль деревянных мечей. Синяки же и шишки, получаемые от этих деревяшек, болели вполне чувствительно.

Поначалу ребята, забыв о моей амнезии, принялись фехтовать в полную силу. Когда же сообразили, я уже был избит довольно основательно. Однако боль от ударов лишь придавала мне злости, заставляя кидаться на товарищей снова и снова, пока я не стал задыхаться из-за отшибленных ребер.

Здоровяк уступал в скорости, зато его тычки нередко сбивали с ног. Шустрый Боат наоборот бил не так сильно, зато осыпал таким градом ударов, защититься от которого не было возможности.

– Леег, сестра постоянно интересуется, почему ты не приходишь вечерами к нашему дому? – спросил однажды после тренировочной схватки Боат. – Я объясняю ей глупой, что ты забыл абсолютно все, в том числе и ее, но она не верит. Может, придешь сегодня?

Вот те раз. Как-то не задумывался я до сих пор о вопросе

отношений между полами в этом мире. А тут получается, что вместе с телом получил в нагрузку еще и девичью любовь. Одну ли?

– Но я действительно не помню твою сестру.

– Вот и объясни ей это сам, чтобы она отвязалась наконец от меня.

– Какое у нее имя?

– Феина, – Боат зевнул и потянулся так, что хрустнули суставы. – Может, пойдем купаться в лесном озере.

– Пойдем, – поддержал друга Ваал. – Только придется пробежаться. А то не успеем вернуться до темноты.

– Да погодите вы, – остановил я поднявшихся товарищей. – Расскажите мне о... Ну...

– О Феине что ли? Так сам увидишь вечером. Такая же бестолковая, как и все девчонки, отмахнулся Боат и двинулся вслед за здоровяком.

– Да я вообще хотел спросить... Эй, подождите! – мне пришлось припустить следом за скрывшимися в лесу товарищами.

Далось им это лесное озеро. Рядом с деревней есть неплохой водоем, питающийся бьющими со дна ключами. Однако молодежь стремилась именно к лесному озеру. Причем, верхом отваги было вернуться после купания в селение уже в сумерках, когда на грани дня и ночи начиналась активная жизнь хозяев здешних лесов – гигантских зеленокожих змеев. Следовало отметить, что взрослые никак на подобное

поведение своих отпрысков не реагировали, принимая как должное.

– Я не только о Феине хочу узнать, – продолжал я выпытывать, шагая рядом с товарищами. – Я хочу знать вообще об отношениях между парнями и девушками.

– О каких отношениях? – не понимаяще уставился на меня Ваал.

– Вот у тебя есть девушка?

– Как у меня может быть девушка? – на лице парня отразилось явное недоумение. – Девушка – это же не вещь.

М-да... Ладно, перефразируем вопрос:

– Тебе нравится какая-нибудь из деревенских девушек.

– Мне?

– Не строй из себя дурня, – толкнул здоровяка Боат. – Все знают, что ты равнодушен к дочери старшины Лиене.

Ваал покраснел, будто его уличили в чем-то нехорошем, но ничего не ответил.

– И чего ты в ней нашел? – не унимался языкастый приятель. – Дочь всегда наследует характер матери. Неужели тебе нужна такая крикливая жена, как рыжая Фиика?

Так, кажется отношения между полами здесь вполне земные.

– Боат, а тебе кто нравится? – перевел я внимание в конец смутившегося Ваала.

– Мне никто не нравится, – ничуть не задумываясь, ответил тот. – Зачем связывать себя какими-то отношениями,

если мы решили через год в День Определения Пути закрыть свои дома и пойти дорогой воина, как твой отец? Только я, скорее всего, не вернусь в деревню, когда придет время.

– Почему?

Боат взглянул удивленно, но вероятно вспомнив о моей амнезии, пояснил:

– Хочу остаться в одном из больших городов, что по ту сторону Лабы. Там и найду себе девушку из знатного рода.

А товарищ-то у меня тот еще продуман, оказывается.

За разговором не заметил, как лесная дорога вывела к озеру. Надо сказать, что я был здесь впервые. До сих пор даже в лес не углублялся дальше, чем залетали мои дротики, пролетевшие мимо мишени.

Лесной водоем оказался гораздо больше того, что находится близ селения, не менее, чем в два раза. Судя по тому, что из него вытекал ручей, питалось озеро так же ключами. Пологие, поросшие травой берега плавно уходили в удивительно прозрачную воду, продолжая зеленеть нежной порослью до тех пор, пока не терялись во мраке довольно приличной глубины. Создавалось впечатление, будто поросший зеленой травкой котлован совсем недавно залили водой, и трава на дне не успела погибнуть от избытка влаги и недостатка солнечного света.

Мы остановились под кувшинным деревом, которое я тоже увидел впервые. Ранее думал, что оно так называется потому, что из его древесины делают кувшины, хоть и слег-

ка сомневался в этом предположении – очень уж похожим на керамику выглядел материал, из которого те были сделаны. Теперь же, глядя на дерево, лишний раз утвердился во мнении, что мир именно создан, а не возник случайно из-за череды невероятных стечений обстоятельств, как любят утверждать земные ученые. Разве может случайно, или даже вследствие какого-то там естественного отбора возникнуть такое дерево? Внешне оно напоминало земной каштан. Только цветет не соцветием, а одним большим алым цветком, оставляющим после себя тот самый кувшин, наподобие маковой коробочки, наполненный семенами. Но сам по себе кувшин не столь необычен, сколь шесть, расположенных вокруг него пиал. Впрочем, по отдельности и пиалы не представляли ничего сверхъестественного. Но в целом сервиз впечатлял. Понятно, какую роль для растения выполнял кувшин с семенами. Но для чего служили пиалы, при условии, что дерево не создано (не выведено) искусственно?

За спиной раздался всплеск. Пока я, задрав голову, разглядывал удивительное дерево, товарищи разделись, и Боат первым плюхнулся в озеро. Теперь я, разинув рот, смотрел, как плыл четырехрукий пловец – такое впечатление, будто по бокам у него гребли два колеса.

Вот нырнул Ваал и, словно гигантский кальмар, плывущий вперед щупальцами, некоторое время плыл под водой. Вынырнув, быстро догнал приятеля, делая мощные гребки сложенными попарно руками.

Влекомый желанием испытать в плавании новое тело, я разделся и не спеша зашел в довольно прохладную воду. Тут же из-под ноги выскользнуло нечто маленькое и скользкое. Отступил в сторону и снова почувствовал под ногой что-то шевелящееся. Всмотрелся в покрытое травой дно и – о Боже! – увидел множество плоских зеленых пиявок, отличающихся от земных только цветом. И одна из этих противных тварей уже пристроилась на моей щиколотке.

Быр-р-р. Высоко подбрасывая ноги и поднимая тучу брызг, выскочил на берег. Передернув плечами, осмотрел себя – ни одна гадина не успела присосаться.

Чтобы я еще хоть раз полез в это болото!

– Эй, ты чего там? – прокричал с середины озера Боат. – Забыл как плавать? Так мы сейчас научим.

Широкими гребками парни устремились в моем направлении. На всякий случай пришлось отойти дальше от воды.

Судя по тому, что товарищи не боялись этих зеленых тварей, пиявки скорее всего безвредные. Но, все равно неприятно.

Видя, что подплывшие друзья не собираются насильно сталкивать меня в озеро, я подошел ближе и указал на водяную живность.

– Это что за гадость?

– Это? – Боат подцепил большим пальцем правой ноги пиявку и, подкинув, перехватил рукой. – Это же примы – маленькие водяные змеи.

– Змей? Хочешь сказать, что все змеи такие?

– Нет. Что ты? – ответил за товарища Ваал. – Эти самые маленькие. Вот смотри – это древ. Он может вырасти длиной с локоть.

Он схватил что-то в гуще листвы свисающей у моей головы ветки и с чмоканьем отодрал. В пятерне здоровяка слабо извивалась, сужая и расширяя присоску, огромная пиявка, размером с четверть метра.

Снова пришлось непроизвольно передернуть плечами. Так вот они какие – местные змеи. Это их мясо я ем? И в их шкуры одеваюсь?

Я вспомнил об обитающих в этих лесах гигантских змеях, и воображение нарисовало легендарную анаконду с присоской вместо головы. Хотя, эти плоские твари на змей не очень-то и похожи.

– А в озере, что рядом с деревней, эти... примы тоже водятся?

– Есть, но мало, – Боат зашвырнул пиявку в воду. – Да и в том месте, где мы купаемся, дно песчаное, а змеи только там, где зелень. И около деревни всегда много чиков, а они питаются примами.

– А древы питаются чиками, – вставил Ваал. – Ты, Леег, будешь купаться? А то уже пора возвращаться.

– Нет, не буду. Что-то расхотелось. А как называют самых больших змеев?

– Змей.

– Понятно.

Всю обратную дорогу парни спорили, что вкуснее – рагу из прим с листьями горохового дерева, или запеченный в тесте дREV. Я участия в споре не принимал, хотя, возможно уже успел отведать и того, и другого. Но разве ж мог предположить, что ем пиявок...

– Эй, молодежь! – окликнул кто-то из зарослей, когда мы подходили к опушке.

Солнечный диск к этому времени опустился к самому горизонту, и в гуще деревьев стало довольно темно. Поэтому не сразу разглядели сторов, идущих по узкой тропинке, соединяющейся с дорогой как раз в том месте, где мы сейчас находились.

– Тоже решили летуна поискать? – спросил приближающийся стор, в котором теперь узнали охотника Трома. – И, вижу, неудачно, если с пустыми руками. Как здоровье, Легег? Хотя, сам вижу, что отлично, если решился погоняться за летуном.

В ответ я лишь пожал плечами. Мое внимание в этот момент было сосредоточено на Роаме, сыне охотника и моем сверстнике. Вернее, на его ноше. Через его левое плечо перекинута примерно трехметровая зеленая пиявка. Ее плоское тело в ширину чуть менее полуметра, поэтому парню приходилось частично придерживать тушу предплечьями, подняв их кверху. То место, где должна находиться присоска, отрублено, и оттуда на землю тягучими каплями стекала слегка

зеленоватая прозрачная жидкость.

Ваал с Боатом тем временем пристали к Трому с расспросами о каких-то летунах.

Пока шли к деревне, я успел понять, что сегодня кто-то увидел какого-то летуна, парившего над лесом. Вот Тром и решил размяться на ночь глядя, прихватил сына и отправился в лес. Летуна не нашли, да и не особо надеялись. Зато Роам, услышав чавканье присоски, обнаружил прячущегося в густых ветвях змея. Экземпляр хоть и не гигантский, но все равно, довольно приличный. Случись встреча с ним чуть позже, в сумерках, и убить такого было бы довольно проблематично и чревато травмами. Но парню повезло, и он гордо тащил добычу, хоть и видно было, что изрядно устал от нелегкой ноши. Добродушный Ваал предложил свою помощь, но получил категорический отказ. Роам желал лично пронести по деревне добытого змея.

– А давайте разузнаем подробнее про то, в какую сторону несло летуна, и как взойдет солнце, отправимся на поиски? – предложил Боат, как только мы распрощались с охотниками.

– Да кто такие эти летуны? – воскликнул я.

Мне тут же пояснили, что это молодые, только что вылупившиеся из кокона стахи.

Каждый из вылупившихся монстриков отгрызает часть оболочки кокона, цепляется к нему несколькими нитями и, забравшись на ближайшее высокое дерево, словно парашютист пускается в воздушное путешествие, подальше от по-

родившей его семьи. На тех паучат, которым не досталось частички от кокона, через сутки начинают охоту сами родители, отлавливая по окрестностям и пожирая нерасторопное потомство.

Единственно ценное в новорожденном стахе-летуне – мизерная капля яда в жале и тот самый кусочек оболочки. Поэтому их поимка представляла для сторов чисто спортивный интерес.

Когда я сообщил родителям о намерении отправиться на поиски летуна, те с радостью одобрили затею. Ната мысленно вознесла хвалу Создателям за то, что я окончательно оправился после болезни. А Стик сказал, что мне давно пора прогуляться по лесу. Он сам хотел со дня на день взять меня на охоту. Но если я пойду с друзьями, то будет только рад этому.

Даже не могу представить реакцию земных родителей, если бы их чадо сообщило, что идет охотиться на скорпиона размером с собаку в лесу, кишашем гигантскими пиявками, способными походя проглотить взрослого человека?

Интересно, каким образом эти пиявки питаются? Вообще-то им положено сосать кровь, но чью кровь может сосать трехметровая пиявка? Наверное, все – таки как-то заглатывает жертву целиком. На память пришел анекдот про беззубую собаку, которая укусить не может, но засасывает смертельно. С этими мыслями я и уснул.

Крик. Интрига

На следующий вечер вместе с Ираимем вернулись только пятеро воинов. Парня, чьей оболочкой я давеча воспользовался, принес на руках Молок. На теле каждого из вернувшихся имелись многочисленные раны, заткнутые окровавленными пучками травы и перевязанные лоскутами змеиной кожи или нитью стаха.

Как выяснилось, сказанные сгоряча слова о том, что сегодня непременно охота будет успешной, заставили Ираimia пойти на безрассудный поступок. Заметив пару стахов, он решился напасть на них. Монстры как обычно не реагировали на появление сартуков, вероятно, будучи уверенными, что те уйдут своей дорогой. Сами же они тоже почти никогда не нападали на такие большие группы кочевников, исключая крайне редкие случаи. Потому отряду Ираimia удалось беспрепятственно окружить стахов широким кольцом, радиусом шагов в пятьсот, и одновременно напасть на них со всех сторон. Разумеется, полтора десятка сартуков не могли при таких обстоятельствах перекрыть зверям пути к бегству, но не ожидающие подобной наглости стахи и не подумали убежать. Они стояли, ничего не предпринимая, до тех пор, пока первые дротики не застучали по панцирям. Еще несколько мгновений, и воины, на свою беду, окружили стахов так

плотно, что те даже при желании не смогли бы убежать без боя. И монстры вступили в бой. Вернее, устроили бойню, которая длилась всего несколько секунд. Неизвестно, почему они не убили всех, а все же предпочли убежать, прихватив по одной жертве. Возможно, посчитали, что неразумно убивать больше, чем можно съесть.

Оставшиеся в живых наскоро обработали полученные раны и, заложив камнями растерзанные трупы товарищей, отправились догонять племя, поочередно неся парализованного ядом Гурика.

Племя встретило весть о погибших скорбным молчанием. Не было не только истерических криков женщин, потерявших своих мужчин, но и вообще никаких сетований и разборок. Не было упреков вождю. Он напал на стахов первым и даже бросился вслед, когда те ретировались. Ведомые им воины погибли ради блага племени, а значит упрекнуть его не в чем.

Пока женщины обрабатывали какими-то мазями раны выживших, я обследовал оболочку Гурика. Шансов самостоятельно справиться с попавшим в кровь ядом у парня не было. Да и по разговорам соплеменников понял, что никто на его выздоровление не надеется. Поинтересовавшись у одной из женщин, почему Молок не отходит от обреченного парня, узнал, что могучий воин является старшим братом несчастного. Ну что ж, поддержка этого воина мне не помешает.

Приняв решение спасти молодого сартука, задумался, как

бы сделать это не слишком эффектно, и в то же время, чтобы моя заслуга была неоспорима. За проведенное в племени время ни разу не слышал упоминаний о каких-либо колдунах или шаманах, а потому не знал отношения сартуков к колдовству и прочей мистике. Единственное, что в этом направлении мне удалось выяснить – они верили в Создателей, сотворивших мир. Поэтому изображать из себя волшебника-целителя не рискнул.

Подняв с земли сухой лист ботвы клода, растер его в ладони в порошок, пересыпал в кожаный кисет и, подойдя к Молоку, протянул ему.

– Этот порошок из очень редкой травы, о которой знали только женщины нашего племени, – пояснил, в ответ на его вопросительный взгляд. – Залей кипятком и после того, как остынет, влей в рот своему брату.

– Это поможет? Гурик выживет? – в глазах воина загорелась надежда.

– Обязательно. Берег для себя, но... Я ведь теперь с твоим братом из одного племени...

Молок сорвался с места и вскоре вернулся, держа в ладонях плоску с парящим кипятком.

– Столько воды будет достаточно?

– Вполне. Только пусть немного остынет.

Пока гигант дул на плоску с чудодейственным снадобьем, я овладел оболочкой пострадавшего и, мобилизовав неподвластные смертным существам резервы, запустил процесс

общей регенерации. Оставалось лишь следить за тем, чтобы вовремя его остановить, дабы не исчезли боевые шрамы, которыми так гордятся аборигены...

Утром Гурик проснулся абсолютно здоровым. Молок, положив верхнюю пару рук мне на плечи, торжественно заявил, что отныне я могу быть спокоен за свою спину.

Однако, как оказалось, от предательского удара не могут защитить даже самые верные товарищи.

Через пару дней после трагического происшествия мы с Молоком и Гуриком отправились осмотреть видневшуюся у горизонта группу деревьев на предмет прячущихся в ветвях степных древов. Деревья росли вдоль русла пересохшей речки. И мы решили разделиться, чтобы закончить с осмотром и догнать племя.

Вглядываясь в ветви очередного дерева, услышал звук покотившегося камня, и в следующее мгновение что-то острое ударило в левое плечо. Взмыв вверх, увидел быстро удаляющегося по дну русла Ирамия. Возвратившись в брошенную оболочку, выдернул дротик.

– Ты видел, кто это был? – крикнул подбежавший Молок, готовый броситься в погоню за неизвестным врагом.

– Видел. Но не стоит за ним бежать, – остановил я воина и, вздохнув, проговорил: – Наверное, мне будет лучше уйти из племени.

– Почему? Кто это был? – удивился сартук.

– Зачем тебе уходить? – поддержал вопрос брата Гурик. –

Мы разберемся с тем, кто пытался тебя убить.

– Вы разберетесь со своим вождем?

Воины ошарашено замолчали.

До вечера братья со мной больше не разговаривали. Когда догнали племя, они не побежали, как последние дни рядом со мной, а предпочли двигаться с другой стороны оцепления.

Ирамия я увидел только после того, как племя расположилось на ночлег. Он прошел рядом, будто бы не заметив меня. Проводив его взглядом, я усмехнулся про себя. Чего мне стоит завладеть его оболочкой и на глазах у всего племени разможжить себе голову булавой, или пронзить сердце дротиком? Но что мне это даст? Ну, выберут нового вождя взамен сошедшего с ума. Ну, будет этот новый ко мне более лоялен. Ну и что? Я-то по-прежнему останусь прибившимся чужаком. Ладно, посмотрим, как будут развиваться события. В любом случае, жить становилось все интересней.

На ночь братья легли в круг рядом со мной.

– Крик, тебе не надо уходить из племени, – заявил Молок. – Иракий напал на тебя со спины, словно лесной сквил, и трусливо убежал. Уйдешь ты или нет, но нам такой вождь не нужен.

Вот те раз... Некоторое время молча размышлял над заявлением сартука. А я-то уже обдумывал вариант с уходом из племени. Хотел скинуть оболочку Крика первым попавшимся стахам и вселиться в Ирамия. Но теперь завладеть оболочкой вождя не имело смысла, так как против него, похо-

же, зреет заговор. Как вариант, можно присмотреться к оболочке Молока, но сущность этого воина мне симпатична, и уничтожать ее нет желания – опять сказывалось пребывание на Земле в обществе Олега.

– Иракий сказал, что ты нашел тех стахов уже мертвыми, – прервал мои размышления Гурик и замолчал, словно подбирая слова, не желая оскорбить прямым вопросом.

– Я убил их, и если племени будет надо, убью еще.

Хотел добавить, что мне на помощь приходят духи погибших воинов моего бывшего племени, но опять же не стал, не зная об отношении аборигенов к подобной мистике. Надо бы как-то прояснить этот вопрос.

– Воины племени решили, что ты, Крик, должен стать нашим вождем, – снова огорошил меня Молок.

– Я? Но я же не из вашего племени? И когда ты успел переговорить со всеми воинами?

– Все степные сартуки из одного рода, – уверенно заявил воин. – Со всеми говорить не надо. Так сказали те, за кем пойдут остальные.

Последовало долгое молчание, которое снова нарушил Молок.

– Завтра ты вызовешь Иракия на поединок. Племя продолжит путь с другим вождем, – сказав это, воин шумно засопел, давая понять, что спит.

И что мне теперь делать? Как вызывать Иракия на поединок? Для этого существует какой-то специальный риту-

ал, или достаточно просто сказать, мол, пойдем, выйдем? И чем должен закончиться поединок? Смертью одного из поединщиков?

Утром, заметив, что Гурик открыл глаза, отозвал его в сторону и доверительным шепотом заговорил:

– Слушай, Гурик, у меня возникли некоторые сомнения по поводу поединка...

– Какие сомнения? – удивился тот. – Иракий боится тебя, иначе не нападал бы так подло.

– Да нет. Насчет Иракия у меня как раз сомнений нет. Просто, понимаешь, я хочу сделать все по правилам, не отступая от обычаев. Оно конечно обычаи у всех степных племен одни и те же, но могут в мелочах отличаться. А раз я теперь принадлежу вашему племени, то хотелось бы уточнить некоторые тонкости. Понимаешь?

– Какие тонкости? – судя по тупо пялящимся на меня сонным глазам, парень если что-то и понимал, то очень мало.

– Ну, я же должен вызвать на поединок вождя, а не простого воина. Значит важно все сделать так, как это делается в вашем племени. Вот как у вас обычно вызывают вождя на поединок?

– У нас?

– У вас.

– Не знаю, пожал плечами Гурик. – При моей жизни никто не бросал вызов вождю. Раньше вождем был Карий. Когда он погиб во время набега на сквилов, воины выбрали Иракия.

Но ведь вождь тоже воин, значит, и вызов ему бросать нужно как любому другому воину.

– А как вызвать на поединок воина?

– Просто сказать, что ты его вызываешь. Сказать так, чтобы это слышали другие воины.

– Ясно. Все так же, как и у нас, – вставил поспешно, пока парень не успел сильно удивиться моей некомпетентности. – Ну что ж, пойду вызову Ирамия. Быстренько решим этот вопрос и побежим дальше.

Глядя на задравшиеся кверху брови Гурика, я понял, что сморозил какую-то глупость.

– Шучу я, шучу, – хлопнул парня по плечу, одновременно пытаюсь сообразить, в чем прокол. – Я с утра всегда так глупо шучу.

– Крик идет вызывать Ирамия на поединок, – сообщил кому-то за моей спиной Гурик.

Обернувшись, я увидел Молока и еще двух воинов. Не сказав ни слова, они лишь одобрительно кивнули. Значит, здесь считается нормальным бросать вызовы вождям по утрам. Что же тогда так удивило молодого сартука в моем заявлении?

Устроившись на расстеленной шкуре, вождь лениво пережевывал какую-то снедь. Перед ним лежали куски вяленого мяса, запеченные картофелины клада и пучки зелени. За спиной Ирамия на корточках сидела его женщина Бармила и

что-то шептала ему на ухо. С каждым ее словом на лице вождя все сильнее проступала озабоченность, а челюсти двигались все медленнее.

Заметив мое приближение, Иракий окончательно перестал жевать, сглотнув пищу, но продолжил лежать, придав лицу непроницаемо равнодушное выражение. Бармила, зыркнув полными злобы глазами, отошла в сторону.

– Что вам нужно? – спросил вождь, поднося плошку с водой к губам, и начал пить, шумно глотая.

Кому это нам? Обернувшись, я увидел, что за моей спиной собралось довольно много воинов. Когда только успели подойти? И стоят с таким видом, будто были здесь всегда.

– Встань, если уважаешь соплеменников, – решил я сходу наехать на Ирамия. – Перед тобой благородные сартуки, а не трусливые лесные сквилы.

Интересно бы хоть раз посмотреть на этих сквилов, которых здесь все называют трусливыми.

Лицо Ирамия стало мертвенно бледным, кулаки сжались, и сквозь пальцы одной из правых рук выдавилась каша раздавленного клада.

– Я вождь, – процедил он сквозь зубы.

– Это дает тебе право не уважать остальных воинов? – задав очередной провокационный вопрос и не дожидаясь ответа, я сообщил о цели своего визита: – Я вызываю тебя на поединок, Иракий.

– Ты не можешь. Ты чужак.

– Я сартук.

Иракий провел взглядом по собравшимся вокруг воинам и наконец, поднялся.

– Я принимаю вызов, – сказал он и, обернувшись к Бармиле, подозвал ее: – Бармила, скажи женщинам, чтобы готовили место для поединка.

Снова окатив меня злобным взглядом, женщина убежала.

– Завтра утром я оголю голову, – торжественно сообщил Иракий, обращаясь ко всем собравшимся, и воины сразу начали расходиться.

Поняв, что церемония вызова закончена, я догнал Молока и Гурика, и какое-то время шел молча, переваривая произошедшее.

Что означало заявление вождя о том, что завтра он оголит голову? Поединок будет завтра? Но он наказал готовить место для поединка. Значит, сегодня мы никуда не пойдем. Чем я должен заниматься до поединка? И самое главное, каким образом будет проходить поединок? М-да, кому бы задать эти вопросы?

Я попытался разговорить братьев, в надежде узнать какие-нибудь подробности о предстоящем поединке. Но они будто бы забыли об этом и беседовали о каких-то отвлеченных проблемах, вроде предстоящего обмена с марыками или перспектив налета на сквиллов. Лишь один раз Молок с удовлетворением заявил, что благодаря находящемуся недалеко каменистому руслу пересохшей речки, женщинам не при-

дется долго собирать камни по всей округе, и место для поединка наверняка будет готово к вечеру.

***

Воины в собирании камней участия не принимали. Они либо просто весь день отдыхали, либо обучали молодежь владению булавами и метанию дротиков. Около пары десятков сартуков находились у русла реки, где женщины брали камни. Мы с Молоком и Гурикам сперва тоже прохладжались под раскидистым деревом, растущим на берегу бывшей реки.

После нескольких тщетных попыток навести разговор на поединок, я заскучал и, притворившись уснувшим, оставил оболочку. Не рискуя подниматься высоко над землей, осмотрел ближайшие окрестности и понесся вдоль русла в южном направлении. Уже на изрядном удалении заметил спешащую по своим делам парочку стахов. Приблизился к ним, желая рассмотреть подробнее, и с удивлением обнаружил, что звери будто бы почуяли меня. Они прекратили бег и закружились на месте, пронзительно вереща и скрежеща челюстями. Задранные кверху хвосты согнулись, направляя искрящийся каплями яда шип вперед. Ради эксперимента удалился от пауков на приличное расстояние и увидел, как те вскоре успокоились, выпрямили хвосты и продолжили прерванный бег. Снова приблизился. Монстры снова начали суетиться, явно ощущая мое присутствие. Ну что ж, как-нибудь на досуге на-

до будет поэкспериментировать с этой их особенностью. На Земле так же чувствовали находящуюся вне оболочки сущность волки, собаки и дельфины. Когда-то ради забавы я выгонял волчью стаю на табун элитных лошадей, принадлежащих одному депутату...

Кстати, а не таким ли способом гоняют стахов марыки? Что если в их племени находится сущность одного из местных создателей? Или развлекается такой же, как я странник? Надо быть настороже. Если почую чужую сущность, то покину этот мир не разбираясь, кому эта сущность принадлежит, Тем более, что я уже скучаю по мирам с более широким спектром возможностей.

А пока, не откладывая эксперименты на потом, можно развлечься.

Я снова удалился, и когда стахи успокоились, начал насканировать на них с одной стороны, пытаясь заставить двигаться в сторону стоянки сартуков.

Монстры сперва не поддавались давлению и даже несколько раз били шипом по воздуху, безошибочно определяя то направление, в котором находилась моя сущность. Наконец, когда я уже почти потерял терпение, они сорвались с места и со всех ног понеслись в нужную сторону. Оставалось только следить, чтобы бежали вдоль русла, изредка корректируя направление налетами с боков.

Затормозил стахов только тогда, когда стало ясно, что вскоре их заметят мои соплеменники. Уничтожив звериные

сущности и оставив бездушные паучьи тела топтаться на месте, я вернулся в свою оболочку.

– А не пробежаться ли нам по округе? – предложил я товарищам и, сделав вид, будто только что проснулся, сладко потянулся, растопырив в стороны все четыре руки.

Засидевшиеся братья с энтузиазмом приняли предложение и вскоре понеслись вслед за мной.

Естественно, стахов я заметил первым. Наудачу звери не разошлись в разные стороны, а наоборот приткнулись друг к другу, переплетя конечности. Несколько смущал тот факт, что хоботы и хвосты топчущихся монстров были безвольно опущены и таскались по земле.

Стараясь не дать соплеменникам времени разглядеть необычное поведение стахов, я издал боевой клич, подобно земным индейцам, и, ускорившись, понесся на гигантских пауков.

Сзади что-то тревожно закричали Молок с Гуриком. В их голосах слышались одновременно и испуг, и удивление. Оно и понятно – прошло всего лишь несколько дней с той бойни, в которой они чудом выжили. А ведь тогда против двух монстров было полтора десятка воинов...

Выхватив из петель булавы, я ураганом налетел на бездушные оболочки, в четыре руки осыпая их градом ударов. Первым делом превратил в месиво короны глаз. Затем стал бить по сочленениям лап. Перебить защищенные невероятно прочным хитином суставы не удалось, но от ударов по

конечностям продолжавшие топтаться оболочки начали спотыкаться и, наконец, завалились, чуть не придавив меня. Я чудом отскочил, но успел получить хлесткий удар хоботом по спине, а когтистая лапа одного из монстров оставила на моем боку неглубокую, но весьма эффектно смотрящуюся царапину. Успел заметить, что когти присутствовали на лапах только самого крупного паука. У второго лапы заканчивались мягкими с виду подушечками. Но сейчас было не до исследований местной фауны. Надо продолжать шоу.

Разглядев в поднятой пыли извивающиеся хвосты, схватил их один за другим под основания шипа и, постаравшись как можно сильнее выпучить глаза и придать лицу бешеное выражение, закричал подбежавшим только сейчас братьям:

– Режьте скорее! Я не смогу их долго удерживать!

Сартуки какое-то время в растерянности не могли сообразить, что нужно делать. А я старательно тряс паучьими хвостами, изображая, будто они пытаются вырваться из рук. Наконец Молок догадался бросить булаву и выхватить нож, и начал пилить один из хвостов. Его примеру последовал Гурик. Хвосты достаточно прочные, и перерезать их не так-то просто. И вот братья в азарте побросали остальные булавы, и уже всеми свободными руками старались крепче держать дергаемые мною хвосты. Гурик даже по детски высунул кончик языка, сосредоточенно елозя ножом по с трудом поддававшейся плоти. Дернувшаяся лапа одного из монстров зацепила когтем кожаную штанину Молока и вырвала из нее

приличный клок. Скорее всего, досталось и ноге. Но могучий воин не обратил на это недоразумение внимания и первым закончил отрезать ядовитый шип. Оставив трофей в моей руке, он помог Гурику.

Оставив братьев и бросив отрезанный шип на плоский камень, я подобрал свои булавы и с показушными криками нанес еще несколько сильных ударов по головам монстров. Заметив, что товарищи справились со вторым хвостом, повернулся к ним и виновато развел руками.

– Извините, что лишил вас возможности сразить хотя бы одного стаха. Но мной вновь овладела священная ярость, и я не смог ничего с собой поделаться.

Братья, отвесив челюсти, переводили взгляды то на меня, то на туши дергающихся монстров, то на отрезанный хвост, который продолжали держать вдвоем. По их лицам было видно, что они только начали делать попытки осознать произошедшее.

Стоит ли говорить о той буре эмоций, которыми вскипело племя, когда Молок и Гурик притащили за хоботы туши стахов, все еще продолжающие сучить в воздухе лапами?

Теперь я мог запросто уничтожить сущность Ирамия и все что угодно сделать с его оболочкой. Судя по настроениям соплеменников, они уже считали вождем только меня.

Однако если уж сам вызвался на поединок, то следовало продолжить игру по принятым здесь правилам.

Леег. Удачная охота

Утром, уже в лесу, я задал товарищам мучивший с вечера вопрос о том, как питаются пиявкоподобные змеи. В целях наглядного пояснения Ваал отыскал в зелени дерева и с силой сдавил того под присоской. Раздался писк, и из присоски выдвинулось некое подобие челюстей – две серые с металлическим отливом пластины. Здоровяк провел придушенным деревом по стволу дерева и на землю, словно из-под рубанка, слетел серпантин стружки.

М-да. Такой пиявке совать палец в рот точно не следует. Заодно стало понятно, почему лезвия для местных бритвенных приборов слегка загнуты.

Мы пошли на юго-восток. Именно в ту сторону, по свидетельствам очевидцев, несло летуна. Несло, как утверждали, над самыми деревьями, а значит, он вполне мог зацепиться за какую-нибудь высокую вершину где-нибудь поблизости. Хотя Тром с Роамом ходили вчера в эту сторону, но вряд ли успели пройти далеко. Да и втроем всяко больше шансов найти зверя.

– Здесь расходимся, – скомандовал Боат, и мы ушли по обе стороны от него, но так, чтобы не потерять из виду.

Дальше продвигались гораздо медленнее – приходилось внимательно осматривать вершины деревьев в поисках заце-

пившейся оболочки кокона, смотреть под ноги и обходить непролазный кустарник, где могли скрываться гигантские змеи.

Когда теряли друг друга из виду, перекликались и снова сближались, идя на голос.

Проходя мимо густого куста, листья которого напоминали листья земной рябины, краем глаза заметил нечто необычное. Повернувшись, я застыл в изумлении, до хруста в суставах сжав рукоятки топориков, которые по совету друзей держал наготове в нижней паре рук, – зависнув над листвой, на меня смотрела пара глазных яблок. Собственно, на обычные глазные яблоки эти не очень-то и походили – два водянистых серых шарика с белым, круглым зрачком, окаймленным красной, волнистой линией. Но то, что это именно глаза, не вызывало сомнения. И смотрели они именно на меня. Взгляд эдакий наивно-любопытный и какой-то мультяшный.

Звать друзей я не решился. Мне и так уже было неловко постоянно напрягать их расспросами. Наверняка же эти глаза являлись чем-то, или кем-то, вполне обыденным.

Когда прошел мимо куста, зрачки повернулись за мной, но сами глаза остались на месте.

Вспомнив о цели нашей экспедиции, я вновь начал внимательно осматривать вершины деревьев. Однако и на ближайшие кусты теперь обращал более пристальное внимание. Но в следующий раз обнаружил странные глаза не над кустом, а в листве низко растущей толстой ветки. Значит они действи-

тельно здесь не редкость. Ближе к полудню я подмигнул третьей паре, пялившейся опять же из листвы какого-то дерева.

Через некоторое время Боат подозвал нас и предложил подкрепиться и обсудить перспективы дальнейших поисков.

Ваал скрылся в зарослях и вскоре вернулся с цветком кувшинного дерева.

Я с интересом наблюдал, как здоровяк отрывал лепестки, в основаниях которых оказались уже виденные мной пиалы. Пиалы, как и расположенный в центре кувшин, были еще зеленого цвета. Отломав, товарищ поставил их на подстеленные лепестки. После чего ножом вскрыл пленку, закрывающую горлышко кувшина и разлил по пиалам белую с розоватым оттенком жидкость. В воздухе распространился приятный персиковый аромат.

Боат тем временем нарезал начиненный мясом пирог – вероятно, это и был запеченный в тесте дров.

Я выложил в общую кучу снедь, собранную Натой: какие-то овощи, похожие на сырой картофель, напоминающие по вкусу земную репу, и ломти жареного мяса.

Следуя примеру товарищей, приложился к пиале – неплохо! Напоминает питьевой йогурт.

– Слишком густой, – не разделил моего восхищения Боат. – Не умеешь ты, Ваал, кувшины выбирать. Нужно срывать те, на которых лепестки начинают подсыхать.

– А мне такой нравится, – вступился я за товарища, который в четыре руки набил рот различными яствами и никак

не мог за себя ответить. Тем более, что напиток мне действительно нравился, и даже очень.

– Густой сок плохо утоляет жажду, – пояснил Боат, наполняя свою пиалу по новой.

– К тебе пришли, кивнул я ему, заметив следившие за нами глаза, висящие в листве, прямо над правым плечом Боата.

Тот фыркнул на них соком, и глаза моментально скрылись в зелени. На лице товарища не отразилось никаких эмоций. Ваал тоже никак не отреагировал.

А мне пришлось изо всех сил сдерживать желание спросить, что же это за чудо такое?

Насытившись, мы откинулись на спины и, разглядывая облака, принялись рассуждать, стоит ли идти дальше и, вследствие чего, проводить ночь в лесу. Или лучше повернуть назад, но сместиться в сторону, чтобы пройти там, где не искали.

– А эти летуны после приземления что делают? Как они соединяются в семьи?

– Самка где-нибудь поблизости находит укромное место и копает нору. Самцы разбегаются по лесу, – пояснил Ваал.

– Ищут самку?

– Нет. Сперва просто охотятся на мелкую живность и прячутся от крупных змеев и своих же сородичей. Лишь через год, став полноценными стахами, выжившие объединяются в группы до пяти особей и отправляются на поиски самок, которые так и сидят в норах, впав в спячку. Найдя самку,

самцы усиленно откармливают ее в течение еще одного года. Лишь после этого семья становится полноценной и готова к размножению.

– Что если тот летун, которого мы ищем, самец, и после приземления удрал невесть куда?

– Значит, нам не повезло, – развел руками Боат.

– А эти обрывки кокона, на которых разлетаются молодые стахи, белого цвета? – задал я очередной вопрос.

– С чего ты взял?

В ответ лишь пожал плечами. Не объяснять же, что существует мир, где живут насекомые, именуемые пауками, которые плетут сети и скручивают коконы из белоснежной паутины.

– Естественно, серые. Такие же, как и нить.

– Не те ли лохмотья мы ищем? – я указал правой парой рук на какие-то серые тряпки, свисавшие меж ветвей дерева, напоминавшего по форме земную ель, но, в отличие от ели, лиственном.

Тут же припомнил, что уже видел такие же лохмотья на полпути сюда, сразу после того, как впервые встретился с глазами. Но я-то искал нечто похожее на белый купол парашюта.

Сообщить о виденном ранее обрывке кокона не дала поднявшаяся суeta. Мы поспешно собрались и под командованием Боата начали по спирали обследовать местность вокруг дерева. Искали нору, которая, как сообщили товарищи,

должна быть присыпана ворохом сухих веток и заплетена паутиной.

Я не спрашивал, как будем выкуривать паучиху из норы, ибо полагал, что все увижу собственными глазами, разумеется, в случае удачных поисков.

Однако поиски закончились неудачей. Прошерстив лес в радиусе не менее двух тысяч шагов, мы поняли, что летун, скорее всего, оказался самцом, убежавшим за прошедшие сутки невесть куда.

Когда закончили поиски, солнце уже скрылось за верхушками деревьев. О возвращении в деревню нечего было и думать. Потому начали готовиться к ночлегу. Облюбовав широкую поляну, Боат вырубил растущие вокруг кусты и отнес охапки пышных веток к центру. Мы с Ваалом заготовили колья полуметровой длины и толщиной в три пальца.

Закончив с вырубкой кустов, Боат начал забивать принесенные нами колья, ограничивая круг диаметром в три шага. Расстояние между кольями – шаг. Мы теперь заготавливали длинные гибкие ветки растения, напоминавшего наш земной орешник, которые товарищ тут же вплетал меж кольев.

Когда плетень был почти готов, мы бросили к ногам Боата последние охапки гибких веток и приступили к заготовке сушняка для костра.

Наконец для ночлега все готово, и вместе со стремительно охватывающей лес темнотой, в ограждение вплелись последние ветки. Ваал разжег костер, а Боат, достав небольшой ко-

жанный мешочек, посыпал ограждение каким-то порошком. Позже товарищи просветили меня, что порошок является измельченными семенами плима, которые раздражают кожу змея. Сделав вид, что все понял, я мысленно вздохнул по поводу не высказанного вопроса о загадочном растении, дающем эти самые семена.

Судя по тому, что друзья не сняли боевую сбрую на ночь, порошок всех проблем не решал. После скромного, молчаливого ужина (ночью в лесу не принято разговаривать), я лег так же, как и они, спиной к костру, положив перед собой топорики. В течение ночи пытался несколько раз опрокинуться на спину, но колчан с восемью дротиками всякий раз мешал это сделать. Так и дремал до утра, временами разворачиваясь головой то к Ваалу, то к Боату, чтобы перевернуться на другой бок и при этом остаться лежать спиной к костру.

Утром вернулись к месту вчерашнего обеда, и Ваал полез на дерево за куском кокона – тоже ценный трофей. Когда здоровяк спустился, я наконец-то рассказал об обрывке кокона, виденном ближе к деревне. Друзья вздохнули и переглянулись, словно говоря друг другу взглядами, мол, что взять с больного? Ваал ободряюще хлопнул меня по плечу.

– Неизвестно, отыскали бы мы там следы летуна, – сказал он, сворачивая трофей. – Зато этот кусок точно не нашли бы.

Выяснив примерное местонахождение дерева с обрывком кокона, выдвинулись в обратный путь в том же порядке, только сместившись в ту сторону, по которой шел я. Теперь

моим вчерашним путем шел Боат.

С непривычки чувствовалась заметная усталость. Усталость не столько физическая, сколько эмоциональная. Часто ловил себя на том, что задумавшись, переставал осматривать окрестности, а тупо двигался вперед, лишь машинально обходя стволы деревьев и кусты.

Любопытный взгляд висящих над листвой глаз слегка оживил мысли и возбудил вчерашний интерес. Помня о реакции на глаза друзей, я понимая, что ничего опасного в них нет, но все же дотрагиваться руками не решился, а протянул в их сторону топорик. Глаза тут же нырнули в гущу зелени. Раздвинув листву, увидел огромного, длиной не менее полуметра, слизня, устроившегося на толстой, низко свисающей ветке. На мой взгляд, он ничем, кроме размера, не отличался от земных огородных вредителей.

На голове монстра открылись щелки, и из них выглянули те самые глаза. Вероятно, зверь не воспринял меня, как угрозу, а потому его тело, будто бы расслабившись, слегка увеличилось в объеме. Глаза начали подниматься на прозрачных, не видимых невнимательным взглядом, ножках.

До меня дошло, что это есть тот самый хит, которым питаются более крупные змеи. М-да. Вот такая оказалась банальная разгадка секрета парящих глаз.

Почувствовав себя слегка обманутым, ткнул в слизня топором. Тот тут же сократился почти вдвое, и в следующий миг, словно какая-то пружина сработала внутри него. Нечто

серое мелькнуло около моего лица, обдав кисловатым запахом. Над головой раздался шорох листвы. И сразу что-то чмокнуло, будто по дереву шлепнули мокрой тряпкой. На том месте, где только что сидел водянистый монстр, остался лишь слизистый след.

Хорошо, что эта гадость не хищная. Если бы она с такой скоростью кинулась на меня... Я представил облепившую лицо амебообразную массу и наглухо перекрывшую дыхание... Бр-р-р...

– Леег! – окрик Боата вывел меня из оцепенения.

Я поспешил вперед, догоняя товарищей. Однако через пару десятков шагов услышал непонятную возню за ближайшими кустами, сопровождаемую писком и шипением. Обойдя заросли, невольно отступил назад от увиденного.

До меня не сразу дошло, что за монстр беснуется на открывшейся моему взору поляне. Но вот непонятный клубок уперся в ствол небольшого дерева, и я смог подробнее рассмотреть участников схватки. Змей, размером не многим меньше того, что добыл Роам, обвил кольцом тело гигантского паука. Паук отростком, напоминающим хобот, ухватил змея под присоской, сдавливая, как давеча сдавливал древа Ваал, и не давая страшным челюстям дотянуться до себя. При этом он бил змея длинным хвостом, заканчивающимся острым шипом.

Гигантская пиявка резко распрямилась, отпуская тело врага, и сделала попытку ударить. Однако не тут-то было.

Противник продолжил сдавливать хоботом тело змея, при этом он упирался всеми восемью лапами, не желая отпустить такую гору аппетитного мяса. Змею удалось протащить паука за собой несколько метров, отмеченных бороздами вспаханного дерна. Наконец восьминогий перестал бить жертву хвостом и зацепился за ближайшее дерево.

Я еще более подробно рассмотрел стаха – а паук, несомненно, являлся тем самым стахом-летуном, которого мы искали. Сходство с земным пауком ограничивалось восемью совершенно паучьими ногами. Тело же было вытянутое и по форме скорее напоминало тело бабочки, если можно представить бабочку, размером со среднюю дворнягу, со слоновьим хоботом и крысиным хвостом, заканчивающимся острым шипом-жалом. Вместо двух больших фасетчатых глаз, присущих земным бабочкам, голову стаха увенчивала корона из дюжины маленьких немигающих глазок, лучащихся желтоватым свечением.

Меж тем гигантская пиявка продолжала попытки вырваться. По ее зеленому телу пробегали бугры мышц, задействованных в очередном рывке. Но стах продолжал сжимать добычу хоботом. Казалось, что обвивший деревце паучий хвост вот-вот лопнет от невероятного напряжения.

Мелькнула шальная мысль – чиркнуть лезвием топорика по его хвосту. Наверняка монстры по инерции улетели бы в заросли, словно выпущенные из катапульты.

Но тут стах плюнул в хвост змея серой нитью, и та тут

же намертво прилипла к телу жертвы. Теперь паук всасывал нить, словно вермишелину, отрывая хвост противника от земли. Соппротивление сразу же ослабло, и вот уже, ловко действуя парой передних конечностей, стах начал опутывать нитью сложенную вдвое жертву.

Только теперь до меня дошло, что необходимо позвать товарищей. Оглянувшись, я не увидел их в поле зрения. Далеко ли они ушли? Не спугну ли криком стаха? Может, сначала как-то его нейтрализовать? Хотя бы временно. Но как?

Решившись, я бросил топорик во все еще цепляющийся за дерево хвост. Лезвие вонзилось в ствол, отрубив смертоносное жало.

Стах яростно зашипел и отбросил опутанную нитью жертву, словно неожиданно обжегшись об нее. Поджав под себя лишенный жало хвост, паук вытянул в мою сторону хобот и затрубил в него так жалостливо и обиженно, что я невольно почувствовал себя негодяем. Обманутый собственным чувством я так и не окликнул товарищей, и в наказание получил в грудь выстрел липкой нитью. Собственно, липким был только комочек на конце нити. Этим комочком приложило так, что вышибло из груди воздух и сбило с ног. Теперь я не мог не только кричать, но и вздохнуть.

И тут меня поволокло по траве. Ощувив себя поверженной пиявкой, я ухватился за ствол дерева. Дыхание понемногу восстановилось. Крепко держась за ствол и перебирая по нему всеми четырьмя руками, мне с трудом удалось поднять-

ся на ноги.

А стах продолжал натягивать нить. Воинская сбруя, к которой прилип сгусток, трещала, вдавливая меня в дерево.

Забыв о том, что нить стаха очень сложно перерезать, я потянулся за ножом.

В этот момент нить, вероятно, достигла нужного стаху напряжения, паукообразный монстр подпрыгнул и полетел на меня, растопырив страшные лапы.

Возможно, останься я за деревом, монстр сам себя прибил бы, шмякнувшись о твердый ствол. Но я в ужасе отпрянул в сторону, пытаюсь уйти от столкновения, не сообразив, что всасываемая летуном задающая направление полета нить прикреплена к моей груди.

Последовавший удар вышиб воздух из легких и погасил свет в глазах. Оторвавшись от земли, я сделал сальто назад и упал грудью на что-то мягкое. Подо мной сдавленно пискнуло.

На какое-то время я потерял сознание. Придя в себя, ощутил под щекой нечто дрожащее. Открыв глаза, увидел перед собой куст с листвой, напоминавшую листву земной рябины.

Окончательно придя в себя, я осторожно приподнял голову и посмотрел на слегка подрагивающее тело стаха, распростертое подо мной. Все его конечности, включая хобот и лишенный жала хвост, были безвольно раскинуты в стороны. Под хоботом слегка шевелились две вертикально расположенные хитиновые пластины – вероятно рот. Ниже, уже на

самом туловище, два небольших хоботка – верхний тонкий, длиной с человеческий палец, и нижний немного толще, совсем короткий. Из нижнего выходила нить.

Очень аккуратно, стараясь не делать резких движений, я достал верхней парой рук дротики из-за спины. Одновременно нижней парой рук отжался от земли и приподнялся на колени.

Освободившийся от тяжести моего тела монстр несколько раз вздрогнул, с сухим скрежетом сомкнул и снова раскрыл челюсти и издал короткий жалобный писк.

Вооружившись еще одной парой дротиков, я поднялся на ноги. Нить чувствительно натянулась, затем, будто слетел тормоз, резко ослабилась и дала мне отступить на шаг. На кончике тонкого хоботка появилась капля прозрачной жидкости. Стах коснулся хоботком нити, и та тут же оборвалась. Вероятно, капля являлась неким растворителем. Если этот растворитель так легко развел нить, которую не берет нож, то страшно представить, что было бы, попади капля мне на лицо. А ведь я лежал носом почти вплоты к этому хоботку...

Ладно, уйдем воображение и попытаемся сообразить, что делать с пришибленным паучком? Добить, истыкав дротиками? Ценного в молодом стахе, как помню, очень мало. Мизерную каплю яда он наверняка израсходовал в схватке со змеем. Железа, вырабатывающая нить наверняка тоже пуста. Значит навару с этой дрожащей тушки никакого. А что ес-

ли...

С мысли сбили крики товарищей. Вот они выскочили из-за зарослей и, потеряв дар речи, принялись крутить головами, осматривая поле битвы, переводя взгляд широко открытых глаз то на меня, то на стаха, то на спутанного змея. Их замешательство позволило мне вновь ухватить ускользнувшую было мысль.

В основном, чем опасен молодой стах? Если не совать ему в рот руки, то только ядовитым жалом. Жало я отрубил. Железа, вырабатывающая нить, тоже наверняка истощена и не восстановится быстро. Так почему бы не притащить в деревню живого монстрика? Если конечно он оправится, а то что-то дергается как паралитик, да попискивает, словно придуренный котенок.

Интересно, как отреагируют аборигены, когда я приволоку в деревню живого стаха? Пусть это всего лишь сташонок, но все же. Не попрут ли меня вместе с ним куда подальше? Чего? Меня? Избранного создателями? Да я, блин, из этой тыквы... как ее... из зуха сразу две косточки выковырял!

Накрутив себя до негодования на собственных односельчан и не обращая внимания на что-то говорящих товарищей, решительно подтянул конец приклеенной к груди нити, сделал петлю и, подойдя к пауку, накинул ему на основание головы. Тот лишь протяжно пискнул и свернул в рулетку хобот, подобно тому, как сворачивают свои хоботки земные бабочки.

Отрезав кусок кожи от сбури, к которому приклеилась нить, я сунул его в руки Ваалу.

– Подержи, чтобы не убежал. Я пока соберу топорики.

Здоровяк с трудом сдержался, чтобы не отбросить нить, на другом конце которой сидел стах.

– А-а где шип? – пытаюсь скрыть изумление, наконец-то подал голос Боат.

Я как раз выдернул из дерева топорик и указал им на валяющийся обрубок.

В этот момент услышал за спиной шорох и вскрики товарищей.

– Стойте! – закричал, увидев, что они занесли топоры и дровишки над ожившим и уже вставшим на ноги пауком.

Парни застыли, но видно, что малейшее движение стаха обязательно спровоцирует их на немедленное действие.

Я подошел и поднял отброшенный Ваалом конец нити. Дернув, с удовлетворением увидел, что монстр послушно последовал за мной. Привязал его к стволу дерева, понимая, что стаху ничего не стоит пережечь поводок жидкостью, выделяемой из маленького хоботка.

– Что ты собираешься с ним делать? – Боат осмелился подойти ближе, но топорики продолжал держать наготове.

– Еще не знаю, – признался я честно. – Пока посажу на цепь и попробую откормить до взрослых размеров. А там можно и на запчасти пустить. Не знаешь, кстати, сколько метров нити в сутки выдает один стах при полноценном пи-

тании?

– Такого еще никогда не было, – вступил в разговор Ваал.

– Никогда в зухе не находили два семени, – парировал я заранее приготовленным доводом и с удовлетворением заметил, что товарищам нечем крыть. Однако настороженности и недоверия в их взглядах не убавилось.

Чтобы хоть как-то доказать им, а заодно и самому себе, безобидность лишенного ядовитого шипа зверя, затаив дыхание, подошел к нему и положил руку на загривок.

Пискнув, стах припал к земле, поджав под себя хвост и все восемь лап. Желтое свечение глаз слегка померкла.

Пожалуй, будь его тело покрыто противными волосками, как у земных пауков, я бы не решился прикоснуться. Но гладкое хитиновое покрытие монстра вызывало скорее ассоциации с крабьим панцирем. Присев, погладил зверя по спине.

– Надеюсь, ты будешь послушным, и мне не придется пожалеть, что не убил тебя сразу?

Стах развернул хобот, жалобно запищал и заскрежетал челюстями.

Я встал и направился к пойманному им змею. Вырубив топориком кусок плоти, вызвал при этом негодование Боата по поводу испорченной шкуры. Вернувшись, я сунул истекающее зеленоватой жижей мясо под хобот пауку.

– Жри.

Но тот лишь плотнее поджал конечности и снова пригасил

сияние глаз. Однако хобот остался развернутым.

Продолжая держать кусок, опустил правые ладони на спину зверя и уже ласковее заговорил:

– Да не бойся ты. Никто тебя не тронет. По крайней мере, пока ты со мной. Ешь свою добычу. Тебе надо хорошо питаться, чтобы вырабатывать качественную нить для нужд хозяина, то бишь, меня. Я теперь твой хозяин, твоя семья. Понял? – говоря это, я для убедительности слегка похлопывал по гладкой спине.

Корона глаз вновь начала светиться. Послышался тихий писк. Хобот слегка отодвинул руку со змеиным мясом, затем обхватил кусок и поднес ко рту. Заскрежетали челюсти, шустро срезая мелкие ломтики. Приподнявшись, стах взялся за кусок передними лапами, и вскоре в них остался только лоскут выскобленной почти до прозрачности шкуры.

– Вот так-то. Доброе слово и стаху понятно, – тоном знаатока я заявил товарищам, наблюдающим за происходящим, и, потрепав монстра за загривок, потребовал у того подтверждения: – Правда?

Стах пискнул и поднял трубой обрубленный хвост.

– Во, видите?

Но судя по виду товарищей, они не разделяли оптимизма. Вероятно оттого, что в этом мире у человека, вернее у стора, к животным только одно отношение – как к дичи. О том, что кого-то можно приручить, они не могли и помыслить. А чтобы приручить стаха... Но для чего-то же я появился в

этом мире?

Боат аккуратно поднял отрубленный шип и завернул в широкий лист похожего на гигантский подорожник растения. Ваал деловито смотал нить с мертвого змея. Узнав, что стах убил зеленого ядовитым шипом, товарищи решили, что мясо лучше выкинуть. Но шкуру все же сняли, еще раз пожуриив меня за вырубленный клочок. Прибрали и челюсти змея.

– Да ладно вам расстраиваться из-за этой шкуры. Зато мы поймали живого стаха, – я специально выделил слово «мы».

– Ну, это не стах, а летун, – поправил Боат, но при этом подошел к зверю и как-то слишком по хозяйски осмотрел. Тот вновь поджал лапы и погасил глаза.

– Не пугай малыша, – пришлось остановить товарища. – Это тебе не Ваал. Стахи, а тем более летуны требуют к себе нежного отношения.

– То-то, когда мы подоспели, этот летун от твоей нежности аж чувств лишился. А перед этим еще и кончик хвоста с шипом отбросил, словно чик лапку, попавшую в пасть древа, – ухмыльнулся Ваал, скручивая змеиную шкуру.

Прежде чем тронуться в путь, я скормил пауку еще один кусок. Глядя, как он работает челюстями, решил все-таки забрать остатки змея. Ваал со вздохом развернул шкуру и помог упаковать мясо, обвязав сверток нитью. Получилась довольно тяжелая ноша. Мне вспомнилось, что насекомые способны таскать груз, многократно превышающий их по весу. Но это земные насекомые. И насекомое ли стах?

Аккуратно, чтобы не придавить, я опустил тюк пауку на спину. Тот остался стоять, лишь корона глаз начала мигать словно гирлянда. Придерживая груз, я потянул за нить. Лестун легко сделал несколько шагов. Теперь уже вдвоем с Ваалом, без пояснений уловившим идею, мы примотали ношу к туловищу стаха. Тот продолжал мигать. Положив руку на паучий загривок и объяснил, что ему придется самому тащить собственную еду. Встретившись с внимательными взглядами друзей, лишь пожал плечами – я и сам не понимаю, почему решил, что именно так нужно общаться со зверем.

Свечение глаз паука стало ровным. Одной из лап он слегка сдвинул груз и застыл в ожидании. М-да. Неужели этот ужас местных аборигенов так легко идет на контакт? Или все-таки дело в моей... гм, исключительности...

Мы шли молча. Наверное, как и я, каждый обдумывал возможные варианты реакции односельчан на наше появление. Вернее, на появление нашего питомца.

Я продолжал держать конец нити, хотя стах и так послушно семенил рядом. Решившись на эксперимент, я смотал ее и забросил ему на спину.

Примерно на полпути к деревне мы услышали голоса. Издали узнали Трома и Роама. На всякий случай я решил приотстать от товарищей на пару шагов.

– Опять вы? – воскликнул, завидев нас, Тром.

Роам молча кивнул в знак приветствия и, как бы невзначай повернулся так, чтобы мы увидели висящую на его плече

скатку обрывка кокона.

– И опять с пустыми руками? – ехидно продолжил Тром.

Мы молча переглянулись. Наши трофеи были навьючены на летуна, которого я придерживал за кустом, вне поля зрения встреченных односельчан.

– А мы вот нашли, – обратил внимание на свою ношу Роам, не надеясь на то, что заметим знатный трофей сами. – А вы следов летуна не встречали?

– Нет, не встречали, – первым покрутил головой Боат.

– Не встречали, – поддержал товарища Ваал.

– И я не встречал, – пожал плечами и я, вывел из-за куста летуна и обратился к нему: – Ты следов своих собратьев не встречал?

Тот в ответ запищал и несколько раз мигнул короной глаз.

– Он тоже не встречал, – поддержав мою игру, перевел остолбеневшим охотникам Боат.

– Ну, мы пойдем, – сказал Ваал.

– Удачных поисков, – кивнул я сторам, проходя мимо.

Крик. Поединок

Усыпанная камнями в два, а то и в три слоя площадка впечатляла. Хорошо, что камни брали из русла, и они, как правило, имели округлые грани. Но все равно трудно представить, как можно передвигаться по этим крупным, некоторые размером с человеческую голову, неустойчиво лежащим булыжникам. А если при этом еще приходилось сражаться с противником, непременно желающим твоей смерти, то как минимум вывих стопы заработать легко даже самому подготовленному бойцу.

Как только местное солнце осветило степь, племя собралось вокруг места поединка. Воины, женщины и дети стояли вперемешку, переговариваясь вполголоса. Как ни странно, на лицах не было возбуждения, должного бы присутствовать в ожидании предстоящего зрелища.

Сопровождаемый Молоком и Гуриком под монотонный гул толпы я подошел к краю засыпанной булыжниками площадки. Обратил внимание на стоявшего с противоположного края высокого воина. Непривычно белая кожа на его голове резко контрастировала с загорелыми и обветренными лысынами остальных воинов. Только по находящейся рядом Бармиле, узнал в бледноголовом Ирамия. Сбрил-таки шевелюру. Теперь лысая голова запросто могла обгореть на солн-

це, с такой-то бледненькой нежной кожей. Однако телосложением бывший вождь уступал разве что Молоку. А в сравнении со мной он выглядел, как Геркулес в сравнении с очкастым старшеклассником из земного мира.

Заметив мое появление, Иракий презрительно улыбнулся и снял кожаную сбрую. Передав ее Бармиле, взял в каждую руку по булаве и зашел на камни. Булыжник под его левой ногой перекатился, и сартук упал на одно колено, но тут же поднялся. Собравшиеся никак не отреагировали на падение воина. Лишь смолк гомон.

Сделав еще один, теперь более осторожный шаг к центру площадки и тщательно утвердившись на ногах, Иракий развел в стороны руки с зажатыми в них булавами. В следующий миг вокруг его тела будто образовался вихрь, настолько быстро он начал вращать вокруг себя смертоносное оружие, со свистом рассекая воздух. Желаящие могут попробовать помахать большим молотком так, чтобы рассекаемый им воздух хотя бы еле слышно зашелестел. Какой же силой и ловкостью должен владеть сартук, вращающий с такой скоростью булавами, каждая из которых по весу и размерам аналогична небольшой кувалде.

Сартуки восхищенно зацокали языками. К краю площадки выбежал голозадый малыш лет двух и принялся, подражая Иракию, размахивать ручонками, но его тут же схватила одна из женщин, и затянула обратно в толпу.

Иракий прекратил вращение булавами так же резко, как и

начал. И вот он уже стоял неподвижно, расставив в стороны руки и презрительно ухмыляясь, смотрел в мою сторону.

Видя презрение во взгляде противника, я невольно проникся к нему уважением. Неужели на него не произвел никакого впечатления вчерашний рассказ моих товарищей, как я молниеносно приготовил фарш из двух стахов? Честно говоря, думал, что после такой новости, подкреплённой показаниями авторитетных свидетелей, спеси у бывшего вождя поубавится. Впрочем, наверное, именно такие воины, до последней минуты презирающие врага, сколь бы грозен этот враг не был, и становятся вождями. Не исключено, что именно это презрение способно сломить волю и обратить в панику более сильного противника. И ведь на какую-то долю мгновения неуверенность попыталась закрасться даже в мою бессмертную и всемогущую, в сравнении с этими жалкими оболочками, сущность.

Подражая сопернику, я снял свою сбрую. Ее с готовностью подхватил Гурик и развернул передо мной, давая возможность вынуть из петель булавы.

Помня о поспешности Ирамия, я осторожно сделал пару шагов по камням. Булыжники со скрежетом скользили друг по другу, и мне, чтобы удержать равновесие, приходилось балансировать, расставив в стороны руки. Осторожно попробовал выпрямить раскоряченные ноги. Вероятно, со стороны это выглядело довольно смешно. Но собравшиеся вновь замерли, не издавая ни звука. Взгляды сартуков скрестились

на мне. Похоже, они ждали, когда начну эффектно махать булавами. Будь подо мной более устойчивая поверхность, я бы может, и решился на эксперимент – не так уж плохо за прошедшее время освоил четырехрукую оболочку. Но когда из-под ноги в любой момент может вывернуться ненадежно лежащий камень, есть опасение, упав, разметать булавы во все четыре стороны. И хорошо будет, если ни одна из них не прибьет кого-нибудь из зрителей.

Однако публика ждала, когда я чем-нибудь ее удивлю.

Когда-то, когда только проник в земной мир и еще не вселился в первую оболочку, наблюдая и изучая местные реалии, заглядывал в цирк. Там увидел, как две оболочки стояли на натянутом под самым куполом канате и жонглировали горящими факелами. Они то подбрасывали факела перед собой, и те сливались в огненное кольцо, то перебрасывали друг другу, образуя огненный мост. До сих пор не могу понять, чем меня так привлекло то действие, но я с тех пор часто посещал цирковые представления именно из-за возможности смотреть на жонглеров. А когда завладел первой оболочкой, то часто проводил досуг, жонглируя всевозможными попадающимися под руку предметами, и очень быстро овладел этим искусством на уровне лучших мастеров. В цирке выступать, естественно не рвался, но, сменяя оболочки, часто удивлял людей, знавших эти оболочки ранее, неожиданными способностями. Разумеется, это происходило только в ближайшем кругу на различных вечеринках и пикниках.

Иногда, для большего эффекта, жонглировал, балансируя на стволе поваленного дерева или шагая по спинкам падающих подо мной стульев.

Окинув взглядом собравшееся племя и подмигнув Ирамию, я начал жонглировать булавами. Уж четыремя-то руками, да всего с четыремя предметами я мог проделывать любые финты. Сперва бросал булавы перед собой, образуя в воздухе кольцо. Жаль, что нельзя их зажечь – было бы гораздо эффективней. Развел левые и правые руки в стороны, разделяя и мелькающее в них оружие. Теперь упер нижнюю пару рук в бока и перебрасывал булавы над головой. Представляя, что подо мной спинки опрокидывающихся стульев, я легко передвигался по перекатывающимся камням, ухитрившись несколько раз бросить булаву из-под колена.

Запросто мог жонглировать еще хоть десятью предметами, например подкинутыми ногой булыжниками, но вдруг сартуки посчитают их за дополнительное оружие и сочтут за нарушение условий поединка? Лучше обходиться тем, что имеется, кидая из самых невероятных позиций и наращивая скорость.

Интересно, будет ли нарушением правил, если, не останавливаясь, метну одну булаву в лоб Ирамия? Судя по его задраным бровям, произвести впечатление мне удалось. Надеюсь именно то впечатление, которое хотел, а не впечатление вытворяющего невесть что придурка.

Пожонглировав минут пять, я остановился. Восхищенно-

го цоканья слышно не было. Возможно из-за отвисших челюстей.

Издав звериный рык, Иракий бросился вперед. Вернее, сделал попытку броситься, и тут же упал, соскользнув с перевернувшегося камня. Однако, поднявшись и продолжая рычать, зашагал в мою сторону. Снова упал, сделал несколько шагов на коленях, поднялся, упал, и снова поднялся...

Интересно, если я так и останусь стоять, не убьется ли он сам, пока доберется до меня?

Если когда-нибудь вернусь в мир Земли, то подброшу идею с каменной площадкой для поединков тамошним шаолиньским монахам. Они до такого извращения еще не додумались.

Бывший вождь добрался до середины каменного круга и остановился, раздвигая изодранными ступнями булыжники. Наконец его ноги погрузились почти до середины голени и, вероятно, достигли почвы. На лице Иракия появилась удовлетворенная улыбка, быстро сменившаяся презрительной гримасой, обращенной ко мне. Он расставил руки с зажатыми в них булавами в стороны и застыл в ожидании.

Поняв, что поединок должен начаться на середине, я начал ловко скакать по камням. Не знаю, принято ли у аборигенов передвигаться по этому изуверскому татами не падая, но калечить оболочку, к которой уже привык, не собирался. Слыша цоканье языков, я заверял себя, что сартуки восхищаются моим ловким передвижением.

И все-таки, несмотря на навык ходить по опрокидывающимся стульям, в самый последний момент потерял бдительность, и нога подвернулась, соскользнув между двумя крупными камнями. Хруст в суставе явился расплатой за расслабленное состояние мышц. Пожалуй, физическая боль является самым жирным минусом вселения в оболочку. А боль в вывернутом суставе поспорит даже с зубной болью.

Иракий радостно вскрикнул и, взметнув руки, обрушил на меня булавы. Я еле успел завалиться на спину, пропустив над собой лопасти смертоносного вентилятора, в который превратился противник. Отдернул ноги, и то место, где они только что были взорвалось снопом каменных осколков и высеченных искр.

Сделал кувырок назад, уходя из зоны досягаемости, и попытался подняться. Но, вскрикнув от стрельнувшей боли в ступне, упал на одно колено.

Раззадоренный моей беспомощностью, соперник вытащил одну ногу из камней и, опершись о нее, попытался освободить другую. Но теперь булыжник перевернулся под его ногой. Воин упал на локти, так как в руках сжимал булавы, рыча, попытался подняться, но, опять неудачно опершись, соскользнул и зарылся в камни лицом.

Испытав чувство злорадного удовлетворения, и воспользовавшись заминкой Иракия, я ощупал ногу. Вроде ничего страшного – сустав на месте и, хоть и с трудом, но ступней шевелить могу.

Иракий поднялся и локтем размазал по лицу вытекавшую из разбитого носа кровь. Глядя на него, я не сдержался и начал хохотать. Нет, я смеялся не над вождем, а над ситуацией. Мы еще и мизинцем не дотронулись друг до друга, а уже выглядели так, будто побывали в мясорубке. Причем противник, несмотря на истерзанный вид, казался гораздо более боеспособным, потому что мог передвигаться. А вот с покалеченной ногой пытаться ходить поэтому каменному месиву – чистое безумие. Но не лежать же смиренно, задрать лапки и вымаливая пощаду у врага!

Рыча от боли, я поднялся и сделал шаг вперед. Злобно скалясь, Иракий бросился на меня. Наши булавы скрестились. Рукоятки двух, врезавшись друг в друга, переломились, и металлический набалдашник одной отлетел мне в грудь. Удар сбил меня с ног. На этот раз, падая, приложился о камень затылком, и в глазах на миг потемнело, затем поплыли цветные разводы, и, наконец, одновременно с выступившими слезами, зрение прояснилось.

Стоя надо мной, Иракий победно заорал и отбросил в сторону обломок рукоятки булав.

Поднимаясь, я неудачно облокотился свободной рукой. Камень под ней перевернулся, и я, как недавно соперник, не удержавшись, врезался в него лицом. В глазах снова поплыли разноцветные блики. Рука провалилась до самой земли, и в ладонь больно впился мелкий каменный осколок. Я машинально сжал руку в кулак, зажав в нем впившийся камешек.

– Я вождь! – заорал Иракий, стуча себя в грудь свободной рукой, и, подняв над собой остальные, навис надо мной. – Я вождь! Я!

Перевернувшись на спину, я приподнялся на локтях. Зажав, оставшийся в руке осколок между большим пальцем и ногтем среднего, щелчком выстрелил им в лицо Иракия. Вскрикнув, сартук схватился за глаз, в который угодила камешек. Пользуясь моментом, я попытался сделать рывок вперед, естественно, снова оступился, но, падая, успел дотянуться одной булавой до плеча противника. Его верхняя левая рука повисла плетью, оружие из нее выпало, а сам он упал навзничь, яростно растирая пострадавший глаз. Не поднимаясь, я попытался врезать по его ноге, торчащей прямо перед моим лицом, но Иракий поджал ногу, и еще одна моя булава переломилась, врезавшись рукоятью о край крупного камня.

Заметив, что злополучная вражеская нога начала резко распрямляться, я наклонил голову, убирая от удара лицо. Тут же пятка вождя врезалась в мое темечко с такой силой, что захрустели шейные позвонки, а рот наполнился металлическим привкусом крови. На этот раз в глазах потемнело надолго. Ничего не видя, пополз, пятась, назад, подобно раку. Даже с моими возможностями оболочка не успевала регенерировать повреждения. Если продолжить игру, не уничтожая сущности Иракия, то он скорее всего нанесет моей оболочке смертельные ранения. Будь на моем месте сущность

Крика, то, если бы он даже сумел продержаться так долго, этот-то удар по голове наверняка вышиб бы из него дух.

Зрение прояснилось, и я увидел, что противник только поднимается. Пострадавший от камешка глаз был налит кровью, безвольно болталась покалеченная рука, из груди вырывалось хриплое дыхание. Но три здоровые руки крепко сжимали оружие, а на лице воина присутствовало прежнее выражение презрения к врагу и уверенности в своей силе. Глядя сейчас на этого сартука, ни за что бы не поверил, что он мог предательски подкрасться со спины и, метнув дротик, убежать, скрываясь за берегом пересохшей реки. Не поверил, если бы не видел сам.

Я тоже сделал попытку подняться и с удовлетворением отметил, что боль в ступне стала гораздо терпимее, и теперь спокойно мог на нее опираться. Правда голова гудела как земной церковный колокол, и глаза слезились, но пожалуй, уничтожить сущность противника спешить не стоило. Можно было еще покувыркаться на радость собравшейся публики. Публика, кстати, какая-то не эмоциональная – ни криков, ни свистов, ни каких-либо других эмоций. Сартуки смотрели на поединок с выражениями лиц рабочих, которых после смены заставили собраться на профсоюзное собрание. Только Бармила прижала руки к груди, подошла к самому краю каменной площадки и что-то беззвучно шептала.

Отвлечшись на зрителей, я еле успел уйти от удара налетевшего Ирамия. Благодаря восстановившемуся суставу,

снова имел возможность легко передвигаться по шатающимся и скользящим друг по другу камням, но расслабляться не стоило. Хотя местные оболочки и крепче земных, но далеко не неуязвимы, а Иракий во владении булавами гораздо искуснее меня. Мое преимущество, которого я чуть не лишился из-за вывихнутой ноги, только в скорости и быстрой реакции, недоступной обычным оболочкам.

Проходи схватка на голой земле, я бы пожалуй уже разделся с бывшим вождем. Но здесь приходилось концентрировать внимание либо на ударах, либо на том, чтобы в очередной раз не свалиться, споткнувшись о булыжник. Потому почти каждый сильный замах оканчивался падением. В итоге все тело оказалось покрыто ссадинами, синяками, царапинами и кровоподтеками. Противник выглядел не лучше, но махал булавами с прежним проворством. Я старался уклоняться, а не парировать его удары, так как у меня на одну булаву меньше. Не хотелось бы остаться безоружным. Самому нанести удар никак не получалось, все же мои руки намного короче рук этого гиганта.

Наконец, уворачиваясь от очередной атаки Иракия, мне удалось нанести удар снизу по локтю его нижней левой руки и выбить булаву. Быстро наклонившись, он попытался поднять выпавшее оружие, но отбитые пальцы не могли ее удержать. Похоже, обе его левые руки серьезно повреждены.

Теперь на лице стора вместо презрения отражалась лишь яростная злоба.

– Крик, – зарычал он, – ты не сартук! Ты трусливый сквил! Сражайся, как подобает степному воину, или уходи!

Выкрикнув это Иракий начал раздвигать ступнями булыжники, погружая ноги до самой почвы. Закопавшись, поднял правые руки и в таком положении застыл, шумно, с хрипом дыша.

Так я и не понял правил этого поединка. Если положено сражаться, стоя по колено в камнях, то почему Иракий в самом начале попытался нанести мне удар, не дождавшись, пока я закопаюсь? Кроме того, даже если он даст мне это сделать сейчас, то при его длине рук, меня не спасет никакая реакция.

– Ты трусливый сквил, – снова прохрипел сартук.

Ну и ладно. Пора заканчивать шоу.

Я подошел ближе, и как только Иракий наклонил корпус вперед, намереваясь нанести удар, коснулся его сущности. Вскрикнув, он судорожно дернулся. Не дожидаясь, пока руки противника безвольно опадут, выронив оружие, я бросился вперед, сделал вид, что отбиваю падающие на меня булавы и, в свою очередь, нанес удар в голову. Послышался треск проламываемого черепа, и бывший вождь упал мне под ноги.

Над местом схватки воцарилась тишина. Замолчали даже маленькие детишки, топчущиеся между ног взрослых кочевников.

– Крик наш вождь! – нарушил тишину Молок.

– Крик наш вождь! – громко повторили еще несколько го-

лосов.

По ушам резануло истошным женским воплем. Бармила, обхватив голову руками, бросилась прочь от каменного круга. Сартуки расступились, освобождая ей дорогу.

– Крик наш вождь! – снова провозгласил Молок.

– Крик наш вождь! – поддержали его сартуки.

– Крик наш вождь! – взорвалось криком все племя.

– Клики нас воздь! – прокричал вырвавшийся из рук матери малыш, который перед началом поединка пытался подражать Ирамию.

Леег. Мизгирь

Как и следовало ожидать, наше появление в деревне вызвало небывалый переполох.

Встретившая у околицы детвора некоторое время смотрела на стаха широко открытыми глазами. Но вот один мальчишка сорвался с места и понесся по улице с диким криком. Через мгновение его поддержала остальная детвора.

Когда я зашел во двор родительского дома, навстречу идущим дальше приятелям уже двигалась целая толпа встревоженных односельчан.

Заводить в дом своего питомца не решился, но с глаз толпы его убрать следовало. Скрывшись за высоким крыльцом, решил пока понаблюдать оттуда за происходящим на улице.

Односельчане окружили друзей. Судя по активной жестикуляции Боата, он рассказывал о походе. А народ все прибывал. Вот к собравшимся присоединились и Стик с Натой. Вот, вероятно, вникнув в суть переполоха, они заспешили домой.

Привязав стаха к балясине и положив руку ему на загривок, я как можно внушительнее объяснил, что он должен сидеть смирно и не высовываться.

Выйдя навстречу родителям, я растянул губы в как можно более невинной улыбке. Беседа с ними затянулась до темно-

ты. Я уверял в перспективности приручения молодого стаха, периодически демонстрируя его послушность. Однако было видно, что родителей мои аргументы мало убеждали. И все же, отрубленный ядовитый шип и относительно малые размеры детеныша позволили им сдержаться от вынесения немедленного ультиматума.

Как позже выяснилось, основным охлаждающим фактором для возмущенных односельчан, а заодно и для родителей, оказалось настойчивое упоминание друзей о вынесенном жрецами приговоре, о моей избранности создателями. Упомянуты были и два семени зуха, и чудесное воскрешение. Кто-то даже рискнул предположить, что появление в селении живого летуна есть промысел самих создателей. Вот только в то, что это появление к добру, практически никому не верилось. Слишком крепко в сторах сидело чувство враждебности к этим тварям. Впрочем, если бы я прежде увидел взрослого стаха, то вполне вероятно, тоже ни за что не решился на подобное предприятие. Но я-то взрослых особей не встречал. Если конечно не считать тех полубредовых видений в раскаленной пустыне, когда проник в этот мир.

В общем, приняв пока версию о моей богоизбранности, односельчане решили подождать с вынесением приговора, и лишь с сочувствием проводили взглядами направившихся домой Стика и Нату.

В конце концов родители решили, что если я все-таки хочу оставить эту тварь, то должен переехать в собственный

дом.. Хотя это и будет выглядеть странно – стор обычно не переселяется в вырубленное им жилище пока не найдет спутницу жизни, или пока живы родители.

Мелькнула мысль, что наверняка найдется деревенский остряк, способный пустить слух, будто в качестве спутницы жизни я выбрал стаха.

Так мне впервые пришлось посетить собственный дом. Расположение комнат оказалось стандартное. По крайней мере, такое же, как у родителей, и как в тех домах, где успел побывать.

Бросив на пустую кровать охапку принесенных шкур, я повернулся к топчущемуся у входа монстру.

– Ну что, приятель? Вот такие вот дела.

В ответ последовало понимающее мигание, писк и скрежет челюстями.

– Как же мне назвать тебя, сташонок? Может, сташенком и назвать? Или Стасиком?

И снова мигание, скрежет, протяжный писк.

– Нет, Стасиком не солидно как-то. А если Мизгирь? А? Наверное, такое имя будет не привычно для сторанского уха, но ведь и мы с тобой, брат, не совсем обычные. Я так и вообще практически богоизбранный. А ты избранный богоизбранным – тоже не хухры-мухры.

Подойдя к продолжавшему мигать стаху, я положил руку ему на загривок и еще раз объяснил, что отныне он носит гордое имя – Мизгирь.

Свежеокрещенный монстр более яростно заскрежетал челюстями и ткнул одной из лап в притороченное к спине мясо.

– Так ты жрать хочешь? – дошло наконец до меня, что означает скрежет челюстей питомца.. – А чего ж молчишь? Меня-то родители накормили, а ты, бедняга, как сторожевой пес проторчал у их крыльца.

***

Утром меня разбудил стук в окна. Проснувшись, я какое-то время прислушивался к доносящимся снаружи глухим крикам и пытался сообразить, что происходит. Причина переполоха стала ясна, когда бросил взгляд на вход.

М-да. Проем был наглухо заплетен. У порога, поджав лапы, лежал Мизгирь. Увидев, что я поднялся, он привстал, приветливо мигнул всеми глазами и по-собачьи несколько раз вильнул хвостом.

Подойдя к питомцу и поглаживая хитиновый загривок, я оценивающе осмотрел его ночную работу. Одновременно постарался объяснить, что инициатива не всегда похвальна, но не уверен, что он понял мысль. Может, у него инстинкт такой, закупоривать на ночь нору...

– Ну, давай уже раскупоривай, – хлопнул по спине зверя и с удивлением, но и с удовлетворением тоже, увидел, как стах начал прорезать нижним хоботком закупорку.

Подобрав опавшую ткань, я вслед за пауком вышел на крыльцо.

Ого, сколько сторов явилось меня будить! Кроме Стика,

Боата и Ваала, у крыльца стояли Тром, Роам и деревенский лавочник толстый Гоат.

– Что случилось? – спросил я, зевая, и с наивным видом спустился вниз.

Мизгирь мягко ступал рядом, по-кошачьи держа хвост трубой. Кончик обрубка вроде как покрылся жестким наростом. Надеюсь, ядовитый шип не вырастет снова. Не хотелось бы периодически купировать хвост питомцу. Да и позволит ли он это делать, когда подрастет?

Видя, что со мной все в порядке, гости смущенно замолчали. Стаха никто не сторонился, и это радовало. Толстяк даже подошел вплотную и всеми двадцатью пальцами ощупал изделие Мизгиря.

– Ай хорошо, – восхищенно цокнул он языком. – Надумаешь продавать, приноси. Дам достойную цену.

– Вот, я же говорил вчера, – воскликнул Ваал, – что Леег специально привел живого летуна, чтобы тот давал нить.

– Нить хорошо. А такое полотно совсем хорошо, – не унимался Гоат. – Слушай, Леег, а сможет твой летун соткать полотно размером со шкуру большого змея?

– Не знаю, – пришлось мне пожать плечами, так как не представлял размеров шкуры гигантского змея, как и самого змея. – Если сейчас и не сможет, то когда подрастет, может и соткать. А зачем тебе такая большая тряпка?

– Э-э, Леег, ты удивляешь меня, – взмахнул всеми четырьмя руками толстяк. – Ладно бы это спросил Ваал, или даже

Боат, или любой другой стор из нашего селения. Но ты... Ты смог догадаться заставить летуна давать нить и полотно и не можешь догадаться, что если обтягивать челны не шурами змея, а этим полотном, то им не будет износа.

– Что-то не заметил у нас никаких челнов.

– Э-э, у нас и больших рек нет. Но если полотно доставлять к полноводной Лабе. Или к океану, то я даже не берусь предсказать, сколько за него можно выручить.

Так, кажется один авторитетный голос за то, чтобы мой питомец остался в деревне, обеспечен. Надо бы закрепить успех.

– Знаешь, Гоат, к сожалению во мне нет коммерческой жилки. Поэтому, если будут излишки нити или полотна, буду сдавать их тебе. А ты уже, не сомневаюсь, сумеешь выгодно продать или обменять.

– Мать переживает, почему ты не идешь завтракать, – прервал разговор отец и, заметив брошенный на Мизгиря взгляд, добавил: – Летуна можешь взять с собой, но оставишь у крыльца.

– Хорошо, отец, я сейчас приду. Только перекинусь парой слов с ребятами.

Когда Стик отправился домой, Гоат пригласил меня посетить лавку и обсудить кое-какие идеи, и тоже отправился по своим делам.

– Вы где поймали своего летуна? – подал голос молчавший до сих пор Тром. – Ближе к тому месту, где нашли свой

кусок кокона, или к тому, где встретили нас?

– Там, где нашли свой кусок.

– Правду говорит Боат, что ты, Леег, чтобы поймать летуна, прыгнул на него сверху?

– Правду, – ответил я, бросив короткий взгляд на деланно наивную физиономию шутника. – Только сперва отрубил ему шип.

Тром и Роам поспешно простились и зашагали в сторону леса.

Процесс, как говорится, пошел.

***

После завтрака мы встретились с друзьями, и, сопровождаемые Мизгирем, направились в лес, заготавливать материал для доселе невиданного в этих краях дела.

Дело в том, что я решил построить стаху отдельное жилище. Изначально думал заставить его самого выкопать нору, если уж в природе они в них живут. Но отец поведал, что норы роют только самки. Для этого у них есть какие-то специальные приспособы на хоботе и лапах.

– Но держать его в доме нельзя. Это ты, Леег, правильно решил.

– И что делать, отец? Не буду же я сам копать Мизгирию нору?

В ответ Стик лишь пожал плечами, давая понять, что устраняется от решения этой проблемы.

– Ну что ж, тогда построю ему дом из дерева.

– Постройшь? – воскликнул отец с таким удивлением, будто я собрался совершить нечто невероятное. – Как ты сможешь что-то построить, если даже ни разу не был в городах и не видел ни одного построенного жилища?

– А что в этом сложного, отец? Я же не собираюсь строить настоящий дом. Смастерю летуну небольшое убежище – лишь бы было где спрятаться от непогоды. Да если будет нужда, то и дом смастерить не особо сложная задача.

Во мне проснулся бывший строитель. Несвоевременно, надо сказать, проснулся. Пришлось выслушать от обычно немногословного Стика целую речь о том, что уважающий себя стор должен не строить жильё, подобно забывшим заветы создателей жителям городов, а выращивать его из освященного семени зуха.

Во время отцовской нотации зашла Ната и передала телепатический посыл о том, что мерзкий летун ужасно скрежещет челюстями и пищит, будто попавший в смолу гааги чик.

Решив выяснить что или кто такая гаага позже, поблагодарил мать за завтрак и вышел.

Друзей так же крайне удивила идея со строительством, но помочь не отказались, и мы немедленно отправились в лес, подгоняемые скрежетом челюстей Мизгиря.

– Ты же вчера съел гору мяса в два раза большую, чем ты сам, – укорил я по пути своего питомца. – Если столько будешь есть каждый день, то в округе не останется змеев.

Гораздо позже я узнал, что взрослые стахи могут не есть

месяцами, если мало двигаются и не тратят нить и яд. Но первый год жизни они активно питаются, так как необходимо давать организму материал для роста. К тому же маленьким монстрам приходится много двигаться и часто расходовать нить и яд.

Пока шли до опушки, объяснял товарищам идею. Решил сделать арочную конструкцию из длинных гибких стволов, которые мы использовали для ограды во время ночевки в лесу, вкопав их в землю и связав нитью верхушки. А стены, переходящие в купол, заплести так же, как заплетали ограду. Затем так же заделать торцы, получившегося ангара, оставив в одном проход. Ну а дальше, если Мизгирию захочется сделать жильё герметичным, пусть заклеивает щели сам.

Изначально задача казалась легкой. Но если строить, то строить на вырост, а узнав размеры взрослого стаха, понял, что зря рассчитывал справиться с этой задачей быстро.

По словам ребят выходило, что диаметр норы стахов бывает не менее полутора метров. Вот это норка. Хотя, судя по размерам самих взрослых особей, удивительно, как они в нее протискиваются. Если само тело в толщину не превышает метра, то с лапами даже моему Мизгирию требуется метра полтора площади при обычной стойке. Соответственно крупному стаху раза в три-четыре больше.

В общем, решил пока сделать ангарчик на пару шагов в ширину и четыре в длину. В конце концов, неизвестно, будет ли паук жить в этой конуре? Если будет, то всегда можно

построить сарай побольше.

В самом начале заготовки материала выявилась еще одна проблема. Голодный летун довольно быстро обнаружил крупного древа, захватив хоботом, оторвал от ствола и несколько раз ударил хвостом, инстинктивно намереваясь нанести уколы отсутствующим шипом. В сравнении со вчерашним змеем, дров, казалось бы, не представлял никакой опасности, и вероятно, должен был быть сразу парализован ядом. Но шипа-то не было. И дров продолжал извиваться. А когда паук, не понимая причины такой живучести жертвы, еще раз хлестнул хвостом, тот извернулся и кляцнул челюстями, укоротив многострадальный хвост на пару сантиметров. Отчаянно заверещав, Мизгирь отбросил кусачую пиявку на добрый десяток шагов, и та тут же шустро поползла вверх по стволу ближайшего дерева.

Когда я оглянулся на пронзительное верещание питомца, дров уже был пригвожден к стволу дровишкой Ваала. От здоровья, наблюдавшего всю сцену, и узнал о проблеме.

Получается, что этот восьминогий проглот, лишенный смертоносного шипа, не может самостоятельно охотиться. И что теперь делать?

Ваал отрубил древу безглазую голову и бросил тело летуну. Тот, продолжая верещать, отскочил в сторону, словно от чего-то ужасного, и, поджав хвост, засеменял ко мне.

Глядя на это жалкое создание, трудно представить, что его сородичи наводят ужас на весь сторан. Хотя, наш земной

скорпион, несмотря на свои маленькие размеры, тоже вызывает содрогание у повстречавшего его человека. А отруби ему ядовитое жало, и получится безобидная букашка. Стах конечно не букашка, но без шипа, оказывается, и с жалким деревом справиться не может.

Поглаживая по загривку, я постарался успокоить питомца. Ваал, поймав еще одного древа, принес предварительно разделанные тушки и скормил Мизгирию. Похоже, парню понравилось кормить монстра.

Мы с Боатом вновь продолжили заготовку материала для строительства конуры, а здоровяк с Мизгирем отправились на охоту.

– Вот наглец, – послышался крик Ваала из зарослей, – показывает мне, где прячется дров, а сам даже схватить его хоботом не желает. Нашел кормильца.

– Ого! – послышалось через некоторое время уже с другой стороны. – Да с тобой приятно вместе охотиться, друг. Неплохой экземплярчик ты обнаружил. А ну... Ага-ага... Щас мы его. Молодец! Придержи ему хвост еще чуток. Готов зеленый!

Обедали мы на лесной поляне. Ваал запек на костре мясо дров, политое солоновато острым соком растения, внешним видом напоминающего земной молочай. Кувшинных деревьев поблизости не оказалось, поэтому пришлось довольствоваться родниковой водой.

Пережевывая аппетитный кусок, я поинтересовался у дру-

зей, всегда ли здесь такое обилие дичи? Оказывается, периодически, без какой-то определенной цикличности, случаются продолжительные засухи, и тогда леса пустеют, а в селения сторов приходит голод. Последняя засуха случалась два года назад, но продлилась не очень долго, и ее благополучно пережили на заготовленных припасах.

После обеда мы начали вывоз заготовленного материала. Вернее вынос. Хоть колесо и использовалось сторами в различных приспособлениях, но транспортные средства на колесах отсутствовали за неимением тягловых животных и, соответственно, надлежащих дорог. Тот же толстяк Гоат в походы за товарами нанимал носильщиков из молодых сторов.

Изрядно вспотев, перетаскивая первую вязанку нарубленных жердей, я высказал друзьям идею, запрячь Мизгиря в волокуши. Тот гордо и уже привычно, транспортировал на спине целую гору добытого мяса. Товарищи с сомнением отнеслись к невиданному делу, но согласились попробовать.

Ошкурив для лучшего скольжения две загнутые жердины, мы привязали к ним поперечины. В качестве хомута через голову стаха, непонимающе мигающего короной глаз, подели скрученную кольцом гибкую, но прочную ветку. Я хотел подложить под нее чего-нибудь мягкого, но товарищи заверили, что хитиновым плечам летуна ничего не станется. Прикрепив нитями волокуши к хомуту мы погрузили сразу весь оставшийся материал. Получилось приличная горка, которую для компактности, чтобы не застрять меж густых

зарослей, пришлось тщательно увязать той же нитью.

Отбрасывая мысль о явном перегрузе, я объяснил Мизгирю, что от него требуется, и, для наглядности, сам потянул за нить. Ваал помог мне с другой стороны. Стах продолжал непонимающе стоять, но благодаря нашим усилиям све-же ошкуренные полозья сдвинулись с места. Теперь и Боат начал толкать сзади. Сообразив, что непонятное сооружение сейчас наедет на него, Мизгирь сорвался с места, и мы с Ваалом едва успели отпрыгнуть из-под полозьев. Послышалась ругань Боата, упавшего из-за неожиданно выскользнувших из под рук волокуш.

Теперь оставалось только направлять волокуши, чтобы не врезались в дерево. После того, как они надежно застряли меж двух стволов, и нам пришлось разгружать и загружать заново, я шел впереди раззадорившегося летуна, сдерживая его и направляя по свободному пространству.

У околицы нас встретила стайка ребятишек. Следуя далее за нами, они подзуживали друг друга дотронуться до зверя. Однако смелых так и не нашлось.

По голому, непокрытому травой грунту деревенской улицы волокуши ползли заметно тяжелее, но Мизгирь старательно упирался всеми лапами, не желая сдаваться. Даже хвост задрал трубой, забыв об утренней травме.

Понятно, что теперь без нормальной колесной повозки никак не обойтись. Хотя бы для того, чтобы покатать эту шумную ребятню. М-да. Возможно, кто-то из этих малышей

станет одним из первых сторанских животноводов.

***

Местное солнце на вид было практически неотличимо от привычного земного – такой же ослепительный бело-желтый шар. Но закаты на Сторане всегда ярко-фиолетовых оттенков. Мой дом на западной стороне улицы и с крыльца хорошо наблюдать, как светило опускается за кроны деревьев, окрашивая лес в сказочные цвета.

Сидя на порожках, я поглаживал спину примостившегося у ног Мизгиря. Он, притушив глаза, будто бы дремал, сыто урча в хобот. Наверняка завтрашнее строительство соберет много зевак. За сегодняшней вечер у большей части селян нашлись причины пройти мимо моего жилища. А детвора и вовсе обосновалась у ограды, взрываясь гомоном всякий раз, когда летун появлялся в поле зрения. Сейчас детишки уже разбежались по домам, но кое кто из взрослых сторов постоянно куда-то проходил. Возможно, действительно шли по неотложным делам. Тем более, что вдоль улицы уже раскрыли светящиеся бутоны фиалы, дающие довольно яркое освещение.

Фиалы напоминали земных актиний, только живущих на суше. Сторы специально разводили их и высаживали в местах, требующих искусственного освещения. В домах, кстати, в качестве люстр так же висели площадки с фиалами. Питались эти существа ночными насекомыми и мелкими животными, привлеченными желтоватым теплым светом. В

домах хозяева дополнительно подкармливали их кусочками мяса.

Недостатками фиалов являлось то, что они светятся только в ночное время. А также, их нельзя было заставить погаснуть принудительно. Поэтому днем в темном помещении сторам приходилось пользоваться масляными светильниками или факелами. А ночью, ложась спать, они закрывали фиалы специальными колпаками.

Пискнув, Мизгирь сильнее подобрал под себя лапы, устрояясь поудобнее. На кончике его хвоста уже затвердела желтовато-серая короста. Как бы научить его другой тактике охоты – без использования ядовитого шипа? А то так и придется самому заботиться о его пропитании, или просить Ваала. А я-то уже прикидывал, что будет наоборот – я такой буду лежать в тени и ковыряться в носу, а прирученный стах будет таскать пойманных змеев. А тут оказывается, он сам вполне может стать их жертвой. Хотя, вряд ли им по зубам паучий панцирь. Но, пожевать могут изрядно. Да и хвост отгрызут напрочь. Может приделать ему на хвост какую-нибудь гирьку? Эдакий тяжеленький шипастый шарик. Надо обмозговать эту идею. Металл здесь стоит невероятно дорого, но уверен, что вложение в подобную молотилку, если конечно ее одобрит сам Мизгирь, окупится сполна. Как закончу со строительством конуры, надо навестить местного кузнеца. Надо вообще сойтись с кузнецом ближе. Если не выпрут из деревни в ближайшие дни, то к нему у меня будет масса вопро-

сов и заказов. Хотя бы насчет той же пилы. Странно, что подобный инструмент здесь неизвестен в то время, как топоры практически ничем не отличаются от земных.

– О чем задумался, Леег? – отвлек от размышлений голос Боата.

Мизгирь тут же подскочил и, задрав хвост, понесся в сторону калитки.

Ойкнув, за спиной друга спряталась какая-то девушка.

– Не бойся, глупая! Я же тебе говорил, что Мизгирь не опасен, – засмеялся товарищ и, открыв калитку, погладил паука по спине.

– Вот, Леег, привел сестренку познакомиться с Мизгирем, – сообщил он, когда я подошел.

– Здравствуй, Леег, – выступила из-за спины брата смущенная девушка, боязливо косясь на мигающего короной глаз летуна. – Он правда не опасен?

– Здравствуй, Феина, – ответил я, радуясь, что не забыл имя сестры Боата, если, конечно, она у него одна. – Мизгирь совершенно не опасен. Да у него и шипа на хвосте нет.

– Ой, Леег, ты меня помнишь! – радостно воскликнула девушка, прижав к груди все четыре ладошки. – Видишь, Боат, Леег назвал меня по имени. А ты говорил, что он меня забыл. Леег, почему ты не приходишь по вечерам к нашему дому, как раньше?

Боат, в свою очередь отступив за спину сестры, указывал на нее глазами, что-то беззвучно говорил и корчил смешные

рожи. Я смотрел на него, совершенно ничего не понимая. Феина, заметив мой взгляд, обернулась, и товарищ застыл, с отрешенным видом глядя в темное небо.

Я перевел взгляд на девушку. У нее довольно миленькое личико в обрамлении копны каштановых волос. В зеленых глазах застыл вопрос. Пухлые губки чуть приоткрыты. Сколько же ей лет, если старшему брату пятнадцать? Впрочем, и мне в этом теле тоже пятнадцать. Эх, так и не расспросил товарищей о подробностях местных амурных дел. Что вот мне сейчас делать? Пригласить ее зайти? А вдруг после этого буду обязан на ней жениться? Феина конечно же очень даже на мой вкус симпатичная. И к слегка непропорционально вытянутым телам местных жителей, отчего их ноги кажутся короче, я уже привык. Но вот так сразу жениться не готов. К тому же, как утверждали товарищи, через год мы собирались податься в местную армию. Почему, кстати, через год? Может свинтить сейчас, пока незаметно для самого себя не женился? Или здесь берут в армию только с шестнадцати? И почему местные женщины носят такие мешковатые платья, скрывающие фигуру? Вдруг у них грудей, как и рук, четыре? Хотя нет. У меня же на груди всего два соска.

– Леег, что такого ты увидел на моей груди?

– А?. Ой, Феина, извини, я задумался. А куда делся Боат?

– Боат? Он же сказал, что пошел по какому-то делу к Вааку. На обратном пути зайдет за мной. Ой, Леег, летун дотронулся до моей руки хоботом. А почему у него так стран-

но мигают глаза? А он не убежит? А правда, что ты прыгнул на него сверху, чтобы поймать? А Боат сказал, что ты хочешь сделать повозку на колесах и заставить летуна возить ее. Правда? Леег, почему ты так странно на меня смотришь?

– Извини, – снова повторил я, совершенно сбитый с толку градом вопросов.

Интересно, как мой предшественник справлялся с этой болтушкой.

– Леег, ты не рад меня видеть?

– Конечно рад. Но... Понимаешь, Феина, я еще не совсем пришел в себя после болезни. А тут еще ударился головой, когда прыгал на летуна.

– Бедненький, – девушка приподнялась на цыпочках и погладила меня по голове.

– В общем, Боат прав, я практически ничего не помню. Извини, Феина, но я не помню и тебя тоже. А твое имя запомнил из разговора с Боатом, – выпалил на одном дыхании и, видя, как зеленые глаза мутнеют от заполнивших их слез, поспешил добавить: – Но я буду очень рад, если ты поможешь мне вспомнить хотя бы часть из прошлой жизни. Ты не представляешь, как тяжело чувствовать себя словно чужим в этом мире. Ведь ты не откажешься мне помочь?

– Бедненький Леег, – из глаз Феины все же сорвались слезинки. Она схватила нежными ручками мои ладошки и произнесла сквозь слезы: – Я обязательно помогу тебе все вспомнить. Все-все-все.

– Спасибо, Феина. Завтра или в другой день, когда выдаться свободная минута, и я не буду валиться с ног от усталости после изнуряющих тренировок, мы обязательно встретимся, и тогда с радостью воспользуюсь твоей помощью. А сейчас вытри слезы. Не хочу, чтобы Боат увидел тебя заплаканной и решил, что я тебя обидел.

– О каких изнуряющих тренировках ты говоришь?

– Разве брат тебе не рассказывал? Нет? Вместе с памятью я потерял и все положенные мужчине навыки. А ведь мы с друзьями решили избрать путь воина. Поэтому за этот год, я должен постичь все то, чему прежде обучался пятнадцать лет.

– Бедненький. Теперь я припоминаю, Боат что-то говорил.

– А вот, кстати, и он идет, – выдохнул я с облегчением, заметив приближающегося друга.

Тот опять строил рожи, задирая брови, будто спрашивая о чем-то. Но когда сестра оглянулась, придал лицу серьезный вид.

– Ты идешь домой, или останешься у Леега? – спросил он Феину, повергнув этим вопросом меня в шок.

– Прекрати паясничать, Боат. Как я могу остаться? – покраснев, ответила девушка, и я облегченно выдохнул.

***

На следующий день я спросил у товарищей:

– Почему нужно ждать год, чтобы отправиться по пути воина?

– Мы же тебе уже объясняли, – удивился Боат, уворачиваясь от Мизгиря и перекидывая Ваалу плод клада (аналога земной картошки). – Только в День Определения Пути жрецы благословляют стора на выбранный путь. Этот день будет ровно через год после Дня Совершеннолетия и возвращения семян зуха.

– А без их благословления никак?

– Можно и без благословления. Но тогда не сможешь вернуться в родное селение.

– Почему?

– Не знаю, – пожал плечами товарищ. – Знаю, что не сможешь, и все.

– Но ты же и так не собираешься возвращаться?

Боат на некоторое время задумался и, наконец, ответил:

– Но не отправляться же мне одному? Кто тогда присмотрит за вами через год?

Поймав в свою очередь плод клада, я отдал его разыгравшемуся пауку и, не обращая внимания на требовательный писк, направился к куче заготовленного материала. Игра игрой, а будку строить надо.

Пока вкапывали жердины для каркаса, летун внимательно оглядывал каждую, толкал хоботом, словно проверяя на надежность. После того, как противоположные жердины согнули вершинами друг к другу, связали между собой и начали вплетать в получившиеся арки более тонкие ветки, Мизгирь будто бы сообразил, что мы строим, и принялся прихватыв-

вать нитью те места, которые вероятно считал ненадежными. Когда каркас более-менее скрепили поперечными вплетениями, стах и вовсе начал носиться по нему, как земной паук по паутине, держа под контролем каждое наше действие, поправляя и подкрепляя за нами.

Как-то незаметно во двор просочилась детвора. Сперва стояли в стороне, потом начали подтаскивать и подавать ветки. Похоже, уже каждый из них дотронулся до Мизгиря, и теперь хвастались, кто и за что его ухватил.

В полдень всех заставил вздрогнуть истошный женский вопль. Оглянувшись, я с удивлением увидел орущую соседку Лиоку. Вместе со мной на нее смотрела вся бригада – Боат, Ваал и ватага малышей. Только восьминогий прораб продолжал суетиться, не обращая внимания на вопящую женщину.

Оказалось, Лиока разыскивала полуторагодовалого сынишку, чтобы отвести обедать. Она доверяла его более взрослым ребятишкам, игравшим обычно здесь же на улице. Обнаружив отсутствие детворы, соседка заглянула в мой двор.

В это время ее сынишка Сеик в очередной раз попался под ноги Мизгирю, а скорее всего, забежал специально, и тот уже привычно взял его хоботом и переставил в сторону.

И как раз в тот момент, когда молодой стах схватил малыша и поднял в воздух, это увидела бедная мамаша.

Мы пытались ее успокоить не менее четверти часа. Но Лиока крепко прижимала к себе Сеика и кричала, что не

потерпит больше в селении отвратительного монстра. На крик начали собираться селяне. Матери подзывали детишек и хватали на руки, будто над теми нависла какая-то угроза. Дети, не понимая, что происходит, начали плакать.

Боат еще пытался что-то втолковать собравшимся, но я молчал, ибо все равно никто никого не слушал, все одновременно кричали, озабоченные лишь тем, чтобы высказать собственную умную мысль. И все высказанные мысли были такими, что разумеешь Мизгирь в сторанской речи, то наверное давно бы уже припустил наутек во все восемь лопаток, или что там у него.

Ситуацию разрешил тот же Сеик. Вдруг истерически, подобно мамочке, разоравшись, он забился в объятиях Лиоки и, вырвавшись, побежал к летуну. Тот, привлеченный небывалым шумом, перестал суетиться и стоял, глядя на орущую толпу мигающими глазами. Малыш, подбежав к пауку, обнял того за хобот, перестал плакать и, повернувшись к собравшимся селянам, заулыбался.

Селяне так резко замолчали, что я на всякий случай кашлянул, проверяя не оглох ли.

Из рук матерей начали вырываться другие детишки и, подбегая к Мизгирию, принимались гладить его по панцирю, по ногам и даже по торчащему вверх хвосту. И тому подобное внимание, судя по всему, понравилось. Он замурчал словно кот и блаженно пригасил глаза.

– Тьфу ты, безмозглые самки чика, – выругался прибе-

жавший на шум кузнец Ваак и пошел прочь. И все поняли, что имел в виду он вовсе не детишек.

***

Утром, проснувшись, я тупо уставился на вновь закупоренную дверь.

Вчера Мизгирь остался в личном жилище. Я ожидал, что непросто будет объяснить питомцу о предназначении нового строения, но он как-то сам решил присвоить его себе. Или все же достаточно отчетливо прочитал мои мысли. Уходя спать, видел, как летун возится внутри будки, напоминающей скорее ангар, постоянно что-то поправляя и подвязывая. Засыпая, думал о том, что надо бы подыскать какие-нибудь подходящие широколистные растения, чтобы покрыть постройку от дождя.

И вот вновь обнаружил собственную дверь наглухо замурованной серым полотном. Откуда только у него столько нити берется? Наверняка сожрал все мясные запасы. Кстати, надо что-то делать с его хвостом, чтобы мог сам бегать в лес охотиться. Схожу сегодня к Вааку... М-да, схожу, только надо сперва выбраться из дома. Разрубить полотно топором? Жалко портить. А аккуратно срезать не получится – не берет его никакое острое лезвие. По крайней мере, моих усилий на это не хватит. Жаль, что здесь нет такой замечательной вещи, как замки-молнии. Вклеить бы такой в эту занавеску, чтобы стах не переводил напрасно нить. Интересно, как он плетет такие плотные полотна?

Я постучал по туго натянутой мембране, словно по барабану. Тут же услышал топот многочисленных ног, избегающих по порожкам. Полотно с верхнего правого края начало отклеиваться.

– Стоп! – скомандовал я восьмипалому, когда осталась приклеенной только верхняя грань. – Пусть останется так. Чего мигаешь? Пусть висит занавеска.

***

В мастерскую Ваака зашли по пути на охоту. Ваал сегодня охотился вместе с отцом и старшим братом, Боат куда-то запропастился, в итоге Мизгиря я сопровождал один.

Выйдя со двора, увидел кузнеца, окликнул и объяснил проблему. Тот осмотрел хвост зверя, деловито, без всякой боязни помял его, заставив летуна возмущенно пискнуть, и предложил проследовать в мастерскую.

И мастерская, и кузница находились на краю села. Вырублены они были так же в плодах зуха, семена которых кузнец получил в свой День Определения Пути.

В глаза сразу бросилось приспособление, несомненно являющееся весами. Нечто вроде гигантской ложки, размером с хорошую сковороду, надето на метровую треногу. Длинный рычаг уравнивал чашу. На конце рычага крючок, явно приспособленный для подвешивания грузов, которые лежали тут же в виде разного размера металлических кубиков с круглыми ушками. Подвижность рычагу обеспечивала шаровая опора.

– Вот, – указал я на грузы. – Вот с таким же колечком, только круглый и с шипами.

– Думаешь, твой летун сможет надежно ухватить хвостом за кольцо? – спросил Ваак и, видя мою нерешительность, предложил: – Бери груз, какой считаешь нужным, и попробуй заставить своего зверя воспользоваться им.

Не зная, какой вес по силам хвосту Мизгиря, я выбрал груз размером немного больше кулака. Выйдя во двор, я заставил питомца ухватить кольцо хвостом. Тот стоял, как обычно задрал хвост с висящим теперь на нем грузом кверху, и непонимающе мигал короной глаз. Попытался объяснить ему, что необходимо ударить хвостом по земле. В ответ не получил никакого понимания. Абсолютно. Даже удивительно. Порой мне казалось, будто он способен читать мои мысли, особенно когда клал руки на хитиновую спину. Но вот сейчас все было бесполезно – и уговоры, и попытки ментального внушения.

Ваак ехидно усмехнулся.

– Он не понимает, зачем колотить землю, – заступился я за летуна. – Вот если бы тут был древ, или какой змей покрупнее, Мизгирь грохнул бы его грузом, не спрашивая разрешения.

– Предлагаешь сбегать в лес и поймать ему дерева? – продолжил усмехаться кузнец.

– Зачем? Он сам его поймает. Мы как раз идем на охоту. Не желаешь присоединиться? Или хотя бы груз одолжишь

для испытаний?

– Я не охотник, – решил было отказаться Ваак, но тут, судя по прищурившемуся левому глазу, его посетила какая-то мысль. – Но одолжить груз, пожалуй, могу в обмен на пару-тройку взрослых деревьев. И сам пойду с вами. Надо же посмотреть, как лучше изготовить оружие для, ха-ха, хвоста, если вдруг твой звереныш сумеет им воспользоваться.

Если бы стор знал, как долго придется ему искать свой драгоценный груз среди густых лесных зарослей...

Мизгирь так и нес квадратную гирию на хвосте всю дорогу до леса.

– Может забрать у него груз, – предложил кузнец, волнуясь за свою вещь.

– Пусть привыкает, – отмахнулся я, делая вид, что не понял сути переживаний.

Летун спокойно семенил мимо любопытных глаз слизня, висящих над кустом у края втягивающейся в лес широкой тропы, но, миновав опушку и оказавшись под сенью высоченных деревьев, начал скрежетать челюстями и нервно попискивать. Хвост задрожал от напряжения. Зверь явно почувал дичь.

По опыту прошлой охоты, когда его сопровождал здоровяк Ваал, Мизгирь изображал из себя лишь ищейку. Подбежав к низко свисающей толстой ветке, он еще яростнее заскрежетал и указал в листву хоботом. Надо же как быстро местные стахи привыкают к халяве!

– Нет, дорогой, – похлопал я восьмилпапого по спине, – охоться самостоятельно. Теперь ты вооружен и можешь легко сделать из дерева отбивную.

Объяснив питомцу политику охоты, с демонстративно-равнодушным видом отошел к наблюдающему за ситуацией кузнецу.

Летун подбежал следом, вызвав очередную ехидную ухмылку у Ваака, и начал сигнализировать о своем непонимании всеми доступными способами.

– Вот, – с раздражением пришлось взяться за хвост пониже груза и с силой несколько раз ударить гирей себя по левым ладоням. – Вот так. Вот так. Понял?

Пискнув, халявщик еще какое-то время гонял по короне глаз раздраженный огонек, затем сорвался с места и, подлетев к ветке, резко выхватил хоботом из листвы длинное зеленое тело.

Ого! Да это не дрв. Это какая-то более крупная порода. Экземпляр не менее метра.

Пиявка продолжала настырно держаться присоской за ветку. Мизгирь в азарте тянул жертву, вспахивая лапами землю. Наконец изогнул хвост и тюкнул грузом по змею. Вероятно сообразив, что груз не шип, и просто так проткнуть пиявку не получится, летун размахнулся как следует, намереваясь припечатать со всего маху...

Я смущенно кашлянул, видя, как сорвавшаяся с хвоста гиря, будто выпущенный из пращи камень, сбивая листву и

мелкие ветки, улетела в непролазные заросли. Судя по покрасневшему лицу кузнеца, он в этот момент очень страдал от незнания простых и понятных земных русских матерных слов. Кстати, за все время пребывания в этом мире, единственное ругательство какое слышал – это «самка чика». Может, сейчас услышу что-нибудь новенькое?

И тут присоска с громким чмоканьем оторвалась от дерева, и Мизгирь, хлестнув за себя хоботом с освободившейся пиявкой, полетел кубарем, смешно растопырив лапы, но продолжая цепко удерживать хвост дичи.

Грнувшись всем телом оземь, змей на пару секунд замер. Вряд ли какой земной ползучий гад выживет, если его взять за хвост и с размаху приложить о землю. Поэтому я искренне удивился, увидев, как размякшее было тело сократилось, подтянув все еще барахтающегося на спине летуна, присоска развернулась в сторону врага, и из нее выступили отливающие металлом челюсти. В тот же миг в самый центр присоски вонзился дротик, откинув ее назад и пригвоздив к земле. Дело довершил с чавканьем воткнувшийся ниже присоски топорик.

Мое тело отреагировало подсознательно, будто бы подчинившись некоему наработанному рефлексу. На лицо результат хоть и упорных, но все же довольно непродолжительных тренировок, которые проводили со мной отец и друзья.

– Ку-куда улетел мой груз? – прервал мои размышления Ваак.

– Туда, – ткнул я рукой, понимая, что кузнец и сам прекрасно видел. – Вероятно, Мизгирь увидел там еще одного змея и решил оглушить, пока не разделается с этим.

– Там еще один змей?

– Был, – смущенно опустили мои глаза. – Мизгирь еще не очень метко метает грузы. Мало, понимаешь ли, практики... Эй, Ваак, погоди. Я помогу тебе искать. Или, если хочешь, поищи пока сам, а мы поохотимся. Надо же наловить тебе дров.

Однако не так-то много дров обнаружилось близ опушки. Не менее чем получасовое рысканье летуна меж деревьев увенчалось только одним мелким экземпляром. Возможно, это объяснялось присутствующим здесь более крупным змеем. А может, позавчера Ваалу с Мизгирем просто повезло наловить столько дичи вблизи селения.

Древа скормил питомцу, решив, что крупный змей подойдет в качестве обещанной награды кузнецу, все еще блуждавшему меж зарослей в поисках пропажи и обзывавшему себя глупой самкой чика. Кстати, надо все же помочь ему найти груз. Неужели Мизгирь так далеко зашвырнул эту железяку?

– Ну что, дружище, – похлопал я по гладкому панцирю. – Может, покажешь, куда зафинтилил гирию?

Дружище ничего не понял, но радостно сигнализировал о готовности как-нибудь развлечься.

Я взял его кончик хвоста и обхватил согнутым пальцем,

изображая из кулака висящий груз.

– Понимаешь? Чего мигаешь? Ищи давай!

Мизгирь устремился в том направлении, куда улетела сорвавшаяся гиря. Я последовал за ним. По пути наткнулся на выползающего задом из-под колючего куста Ваака и позвал его с собой.

– Я уже здесь все обшарил, – пожаловался тот.

– Неужели эта гирька такая дорогая?

– Конечно дорогая. Если закажу толстому Гоату новую, то придется целый год бесплатно выполнять его заказы.

– Хочешь сказать, если закажу тебе шар такого веса на хвост летуну, то буду год снабжать тебя свежим мясом?

– При чем тут дурацкий шар для твоего дурацкого летуна? Дешево он тебе, конечно, не обойдется, но его я сделаю сам. А мерный груз я сам сделать не смогу. А сколько цен на него накрутит толстяк, известно лишь создателям.

Спросить, почему кузнец не может сделать гирю сам, я не успел, ибо отвлек Мизгирь, остановившийся под стволом огромного дерева.

– Тьфу, стоило переться сюда, чтобы полюбоваться на эту падаль? – раздраженно сплюнул Ваак.

Летун стоял над неестественно сложенным вдвое слизняком и брезгливо попискивая, указывал на него хоботом.

Я внимательно осмотрел дохлятину. Тело слизня было будто перекушено надвое, из разодранной плоти сочилась мутная жижа. Подняв взгляд на ветку, почти касающуюся

моей головы, я увидел, что она переломлена, оттого и обвисла вниз. Листва не пожухлая, значит, кто-то сломал ее не так давно. Наверняка сломал ветку тот же, кто перекусил слизня. Перекусил ли? Или перебил? И с какой целью, если не стал поедать? И почему летун так настойчиво указывает на труп, одновременно выказывая отвращение к нему?

Оборвав переломленную ветку, я поддел студенистое тело – бе-е-е, какая гадость. Откинув мертвого слизня, веткой же подтолкнул к ногам кузнеца покрытый противной слизью груз.

– Вот. А ты переживал. Говорил же, что щас мы немного поохотимся и найдем твою драгоценную железяку. Ну и что, что слегка, кх-м, испачкана? Ну не разглядел летун с такого расстояния, что это не дров, а хит. На охоте еще и не так вляпаться случается. Зато какой меткий бросок! А? Не менее, чем за полторы сотни шагов!

Крик. Бремя вождя

К концу следующего после моей битвы с Ираимом дня на горизонте показались горы. Сперва, глядя на потемневший горизонт, решил, что это край грозовой тучи. Однако когда через час остановились на ночлег, темная полоса не приблизилась и не удалилась. Остальные сартуки наверняка видели тоже самое, но никак не реагировали. Задавать вопросы не решился.

Ночью, оставив оболочку, двинулся в ту сторону и вскоре рассмотрел гряду гор, растянувшуюся по всему горизонту. Вспомнив о возможном нахождении здесь сущности либо другого странника, либо одного из создателей, приближаться не стал. События последних дней отодвинули в дальний угол сознания мысль о непонятной способности марыков воздействовать на стахов. Неужели стоило завоевывать право стать вождем кочевников только для того, чтобы через несколько дней сбежать из этого мира? Конечно, однообразная жизнь сартуков больше напоминает миграцию стада земных травоядных, которые перемещаются по саванне, выедавая свежую зеленую поросль. Но тем интересней было бы внести в нее изменения. У меня уже начали появляться кое какие планы. Нужно только больше узнать о реалиях. Разумеется, все эти намерения могут быть осуществимы только в

том случае, если поблизости нет никого из создателей. А еще лучше, чтобы все они находились в спячке. Тогда, возможно, у меня будет век-другой на то, чтобы здесь похозяйничать.

Ладно, как говорил Олег, не будем горевать о том, что еще не случилось. Еще будет время разобраться, кто у этих марыков гоняет стахов. Надо только быть начеку, чтобы вовремя покинуть мир, в случае чего.

Прикинув свое новое положение среди сартуков, я во время очередного забега отозвал Молока и Гурика в сторону от бегущего племени.

– Предлагаю вам стать моими советниками.

– Советниками? – непонимающе поднял брови Молок.

Его младший брат промолчал, но было видно, что ему тоже непонятно мое предложение.

Остановившись, я сел на землю и пригласил присесть и братьев.

– Вы знаете, как я заработал этот шрам? – пригнув голову, я провел пальцем по уродливому рубцу, украшающему мой череп.

Сартуки отрицательно pokrутили головами, и я облегченно выдохнул.

– Это меня ударила когтем самка стаха, прежде чем я успел ее убить, – сообщил им выдуманную версию.

Молок кивнул в знак того, что информацию принял к сведению, а Гурик восхищенно цокнул языком, явно завидуя такому боевому украшению.

– Знаете, почему я до сих пор мало с кем общался?

Братья молчаливыми взглядами выразили готовность услышать ответ.

– Потому же, почему расспрашивал вас о правилах проведения поединка.

Воины синхронно подняли брови в знак непонимания.

– В общем, дело в том, – мне пришлось изобразить горестный вздох, – что после удара по голове, я забыл многое из того, что было раньше. Да, Гурик, именно поэтому я спрашивал у тебя, как нужно вызывать на поединок. И если, будучи простым воином, я мог позволить себе чего-то не помнить, то став вождем, могу принести вред всему племени. Вот почему сейчас обращаюсь к вам за помощью и прошу стать моими советниками. Или мне придется уступить место вождя другому.

Братья долго молчали, переваривая услышанное.

– Когда гигантский зуул отбросил на камни Амарика и тот ударился головой, то тоже многое забыл. Не узнавал даже свою женщину, – наконец прервал молчание Молок.

– Вот, со мной случилась та же беда, – обрадовался я пониманию и, сделав смущенный вид, добавил: – Не стоило мне становиться вождем.

Вопреки моим ожиданиям, товарищи не спешили возражать. Гурик смотрел на брата, ожидая, что скажет тот. Молок явно не знал, что сказать.

– Но если вы согласны мне помочь, – поспешил я заве-

ритель, пока братья не высказали нежелательное для меня решение, – то я клянусь сделать все, чтобы племя никогда не испытывало нужду! И я знаю, как это сделать! Вы мне верите?

– Мы тебе верим. Иначе ты не стал бы вождем. Но если сартуки узнают о том... – Молок прервался на полуслове и, поднявшись, решительно сказал: – Сартукам не надо говорить об этом. Мы будем твоими советниками.

Этот и последующий дни, пока бежали к горам, мы втроем держались отдельно от племени. Я расспрашивал братьев об интересующих меня вопросах, строил планы на основании полученной информации и частью этих планов делился со спутниками, интересуясь их мнением. Воины удивлялись почти всему, что я предлагал, заявляли, что сартуки испокон времен живут по сложившимся традициям, и сомневались, стоит ли эти традиции менять.

Тем временем, миновав предгорье, племя достигло отвесных скал, тянущихся неприступной стеной от горизонта до горизонта. Над тем местом, куда мы подошли, на высоте не менее тридцати метров выступала ровная площадка. Именно на этой площадке, как объяснили мне братья, и должны появиться представители горного народа.

Сартуки расположились в тени скал, растянувшись на сотню шагов в обе стороны. Под выступающей площадкой сложили расчлененные панцири стахов, шкуры и челюсти деревьев и зуулов, пучки сушеных трав и еще какую-то мелочь,

интересоваться которой мне пока было недосуг. Фактически обязанности вождя взял на себя Молок. Он распоряжался якобы от моего имени. Гурик же находился рядом со мной, с готовностью отвечая на постоянно возникающие вопросы.

Я осторожно, не отрываясь от оболочки, сканировал ближайшее пространство, пытаюсь обнаружить чужую сущность, ни на миг не забывая о том, что как только я замечу ее, так и она узнает о моем присутствии.

До заката марыки не появились. Растянувшееся под скалой племя на ночь собралось в тесный круг. Уже в предгорьях стали гораздо чаще попадаться пары стахов. Несколько раз восьминогих монстров видели снующими в скалах. Поэтому на ночь воины разделились на две по очереди бодрствующих группы.

Расспросив Гурика, я узнал, что здесь не редки случаи ночных нападений. Если днем монстры осмеливаются нападать только на одиноких сторов, то в ночное время горные стахи могут наскочить на большую группу кочевников и, выхватив одного, скрыться в темноте. Приняв информацию, я решил быть начеку.

Вообще-то, как узнал позже, горные и степные стахи являются одним и тем же видом. Живут эти монстры парами. В горных расщелинах и пещерах они устраивают логово и откладывают в нем кокон, который развивается в зависимости от условий от года до двух лет.

Вылупившийся молодняк, разорвав кокон на лоскуты, спешит забраться выше в горы, чтобы спланировать на этих лоскутах с отвесных склонов. Воздушные потоки, как правило, относят их далеко в степь. Если кто-нибудь из молодых зверей не покидает горы в течении первых суток, то взрослые особи при встрече убивают его и пожирают. Это при том, что между собой взрослые стахи не враждуют.

Улетевший в степь молодняк стремится на север к лесостепным и лесным районам, где звери активно охотятся, потребляя необходимую для роста пищу. Подросшие стахи объединяются в пары и далее занимаются совместной охотой. Когда приходит время размножаться, пары монстров возвращаются в горы.

В горах стахи охотятся на пещерную разновидность зуулов, но нередко, в основном после того, как заканчивается период вызревания кокона, выбегают на охоту в степь, где основной их добычей являются отдалившиеся от племени кочевники.

***

Ночью действительно случилось нападение стахов. Я заметил гигантских пауков еще когда они спускались с крутого горного склона, прячась в расщелинах. Поняв, что звери пробираются к племени, хотел отогнать их и заодно еще раз проверить, ощущают ли они мою сущность, или та пара стахов, чьи панцири лежат теперь под скалой, была уникальной. Однако, подумав, решил, что интересно будет посмотреть,

как мои воины отражают ночное нападение.

Приблизившись к племени, стахи разделились. Один за-таился в расщелине, второй, скрываясь за каменным нагро-мождением, пробрался вдоль отвесной стены ближе к бодр-ствующим воинам. Оставшийся в расщелине зверь не ожи-данно выскочил, метнул ловчую нить и снова скрылся, под-тягивая следом пойманного сартука. Удар клейкой массы в грудь был достаточно сильным, чтобы сбитый с ног воин по-терял сознание и теперь волочился за нитью безвольной кук-лой.

Немедленно пущенный в стаха рой дротиков впустую вы-сек искры из камня, за которым он скрылся. Выхватив бу-лавы, воины отважно бросились вслед за пауком. Несколько сартуков пытались перерезать нить, придерживая волочаще-гося на ней соплеменника.

Как только все охраняющие этот участок воины скрылись в расщелине, из-за камней выскочил второй паук и кинулся на тех, кто удерживал нить.

Видя, что без жертв не обойдется, я поспешил убить сущ-ность сперва нападающего с тыла, затем первого, с которым воины уже схватились врукопашную, пока еще чудом избе-гая ядовитого шипа. Зверь до сих пор никого не покалечил лишь потому, что, отбиваясь от напавших, одновременно тя-нул нить с пойманным сартуком, в которую вцепились еще четверо кочевников.

Надо отдать должное выучке воинов. В схватку вступи-

ли только те, кто находился на данном участке, остальные не бросились бездумно на помощь, а лишь усилили бдительность, продолжая стоять на страже. Отдыхающие кочевники быстро поднялись, усилив охранение и частично присоединившись к сражающимся с напавшими монстрами.

Сами монстры, а вернее их все еще живые оболочки, лишённые сущностей, безвольно телепались под сыпавшимися со всех сторон ударами булав. Однако, не подозревая, что избивают уже мертвых стахов, сартуки снова и снова героически набрасывались на них, ухитряясь при этом получать вполне серьезные раны от дергающихся конечностей восьмипалых монстров.

Я решил вмешаться только после того, как, падая, один из зверей, судорожно дернув хвостом, буквально разодрал шипом горло неудачно подвернувшемуся воину. Подбежав к монстру, я схватил его за хвост и закричал воинам, чтобы резали. Затем тоже самое сделал со вторым стахом. Теперь, когда звери лишились смертоносных шипов, можно было позволить кочевникам продолжить избивание ненавистных тварей. Правда, конечности самки вооружены острыми когтями, которые вполне могут распороть брюхо неосторожному воину. Но если победа достанется слишком легко, то воодушевленные ей сартуки в следующий раз, когда меня не окажется рядом, наверняка повторят ошибку Ирамия.

Даже смерть воина, которому шипом разорвало горло, не могла заглушить общего ликования по поводу небывалой по-

беды над хищниками. Мало того, что для торга с марьками прибавилось еще две драгоценные туши, так многие сартуки теперь смогли воочию убедиться, как их новый вождь лихо разделяется с монстрами. Из уст в уста переходили рассказы о том, как я хватал могучей рукой за хвост жалких тварей и держал, позволяя остальным воинам всласть поработать булавами.

Разумеется, до рассвета никто уже не уснул. Несколько воинов разделявали туши монстров, вгоняя ножи и острия дротиков в суставы и сочленения. Женщины и детвора толпились рядом, восхищенно цокая языками, обсуждая небывалые перспективы обмена, которые позволят племени благополучно пережить засушливый год, не потеряв много воинов в набегах на сквиллов. Молодые сартуки вглядывались в темные скалы в надежде на еще одно нападение стахов.

***

Утром кочевники вновь растянулись вдоль скалы, будучи уверенными в том, что днем стахи на большое скопление сартуков не нападут. Несколько групп воинов изъявили желание пробежаться по окрестностям, но я, полагая, что после ночной удачи они готовы бросаться на стахов даже в одиночку, запретил. Свой запрет обосновал желанием сказать что-то важное всему племени. Теперь нужно было придумать это «важное». Впрочем, мое выступление могло подождать до обмена, который, как узнал от своих советников, должен состояться ровно в полдень. А пока обсуждал уже сформиро-

вавшиеся в мыслях планы коренных изменений в жизненном укладе сартуков с Молоком и Гуриком.

Как только солнце проделало по небосклону половину пути, на краю каменной площадки появилась маленькая фигурка.

– Марыки пришли, – указал наверх Гурик.

Из-за непропорционально большой головы горец походил скорее на ребенка. Маленькие глазки, длинный острый нос, узкие губы и почти отсутствующий подбородок придавали обрамленному неаккуратно стриженными черными локонами лицу некую кукольность, если можно так выразиться. Одет он был в длинный до пят балахон серого цвета, скрывающий руки.

Окинув взглядом расположившихся у подножия скалы кочевников, марык вдруг оттолкнулся от края площадки. Тут же его балахон раскрылся словно парашют, остановив падение, и горец начал медленно планировать вниз.

Снизу было видно, что балахон он удерживает раскинутыми крестом руками, каждая из которых сжимала пару строп, прикрепленных к краю своеобразного парашюта.

Приземлившись, марык, вопреки моим ожиданиям, не направился к нам для приветствия, а деловито прошелся вокруг выложенных напоказ товаров. Особое внимание он уделил не расчлененным тушам стахов, а пучкам трав, помяв и понюхав каждый. Затем коротышка внимательно осмотрелся вокруг, будто бы стараясь увидеть какой-то подвох, при

этом ни на ком не задерживаясь взглядом.

Неожиданно балахон свалился с плеч марыка, явив на обозрение тщедушную фигурку, облаченную в серый обтягивающий костюм. Теперь несоразмерность головы с телом еще больше бросалась в глаза. Взглянув наверх, он махнул кому-то невидимому, и на краю показались еще несколько фигур. Судя по отсутствию балахонов-парашютов, с обрыва прыгать больше никто не собирался.

Горцы, бросив вниз короткие взгляды, засуетились, и вскоре над краем каменной площадки показалось колесо блока, прикрепленное к чему-то вроде двутавровой балки. Издалека было не понять, металлическая эта конструкция, или сделана из какого другого материала, а подниматься выше я пока не рисковал, помня о возможности присутствия сущности создателя. Но если балка окажется металлической, то это признак довольно развитой цивилизации, ведь изделие подобных размеров в кузне не выкуешь.

Через блок марыки пропустили нить, к концу которой привязали большую плетеную корзину. Интересно, из ветвей какого дерева изготовлена эта корзина, если вокруг не наблюдается никакой растительности, кроме редких бугорков засохшей травы? Да и из тех деревьев, что до сих пор встречались в степи, подходящих для плетения не было.

Пока наблюдал за суетой марыков, Молок отдал несколько распоряжений от моего имени, и женщины начали собирать вокруг небольшие камни и подносить их к подножию

скалы. После того, как сверху опустили корзину, они быстро заполнили ее камнями.

Наверху с другого конца нити болталась полутораметровая жердина, привязанная за два конца наподобие траверсы. С жердины свисали несколько метровых нитей, с петлями на концах. Двое марыков, взявшись с разных сторон за жердину, вставили ноги в петли, как в стремяна, и повисли над обрывом.

Парашютист махнул женщинам, и те начали выбрасывать из корзины-противовеса камни. Наконец та оторвалась от земли и двинулась вверх, навстречу спускающимся марыкам.

Эти двое выглядели гораздо упитаннее, чем их соплеменник-парашютист. Но одеты в такие же обтягивающие костюмы. Как только спустились, обменялись несколькими фразами с худым собратом, окинули беглым взглядом разложенные товары и повернулись в нашу сторону.

– Я не вижу Ирамия, – вместо приветствия произнес самый упитанный коротышка.

– Ирамия больше нет, эль. Крик наш вождь, – указал на меня Молок и отступил на шаг назад.

– Я не видел тебя раньше, – заявил марык, непостижимым образом ухитряясь при своем карликовом росте смотреть на меня сверху вниз.

– Раньше мне было недосуг.

Мой ответ привел коротышку в замешательство. Он во-

просительно взглянул на товарища, но тот лишь смешно поднимал и опускал брови, показывая, что сам ничего не понимает.

– Я Пана эль, – высокомерно задрал острый нос, представился горец.

Вероятно, это имя должно было произвести на меня впечатление. Или Молок с Гуриком не все знают, или я не обо всем их расспросил.

– Я вождь Крик, – кивнул в ответ и, повернувшись ко второму марыку, повторил: – Вождь Крик.

Горцы снова переглянулись. А я продолжил пялиться на второго марыка, всем своим видом показывая, что жду, когда тот представится.

– Куна эль, – наконец снизошел коротышка.

– Сартуки никогда раньше не убивали столько стахов, – указал на расчлененных монстров Пана эль.

подавив желание заметить высокомерно, что у сартуков никогда раньше не было вождя, подобного мне, я лишь пожал плечами.

– Вы получите погонщиков стахов, наконечники для дротиков и шары для булав, – после продолжительной паузы, заявил марык.

– Разве я просил у вас погонщиков? – сделал я изумленное выражение лица.

Опешивший Пана эль перевел взгляд на своего товарища.

– Но разве ваше племя не пойдет в набег на сквиллов? –

последовал вопрос от Куна эль.

– У моего племени много дорог. Я еще не решил, по какой из них вести сартуков, – начал я несколько высокопарно. – Но почему тебя это интересует, эль?

– Мне безразличны дела сартуков, – сморщил нос марык. – Но ведь был короткий сезон дождей, и вряд ли в степи уродилось достаточно клода. А за такую добычу, которую вы принесли, наши погонщики очистят от сквилов лес на день пути вглубь...

– Марык, – вновь пришлось прервать говорливого коротышку, – позволь мне самому решать, куда вести племя и что брать в обмен на панцири стахов.

Ты забываешься, сартук! – не выдержал моей наглости Пана эль.

Интересно, с чего бы эти коротышки так нахально себя ведут – словно представители высшей расы, опустившиеся до общения с низшей?

Осторожно прощупав оболочки горцев, я с удивлением обнаружил, что ни одну из них, включая оболочку находившегося в стороне парашютиста, невозможно взять под контроль, не убив сущность. В принципе, вполне логично, что на торг с кочевниками прибыли не совсем заурядные личности, иначе, зачем создателям нужно целое племя таких неудобных оболочек?

И все же, на что рассчитывал этот Пана эль, разговаривая со мной, вождем племени сартуков, как с каким-то недо-

стойным существом?

– Забываюсь? – мои брови взлетели в непонимании. – А что я должен помнить? Мое племя чем-то обязано вам? Или вы единственные марыки в горах, которым нужно то, что принесли мы?

– Ты сумасшедший, – то ли спросил, то ли констатировал марык. – Без наших погонщиков лесные сторы, или как вы их называете, сквилы, не подпустят вас даже к опушке леса. Сколько твоих соплеменников доживет до следующего урожая клада?

Лишь только желание узнать, каким образом марыки ухитряются повелевать восьмилепыми монстрами, заставило меня сдержаться и не послать заносчивого коротышку высоко в горы.

Молок и Гурик рассказывали, что марыки обычно отправляли к сартукам троих погонщиков, к каждому из которых выделялось по полтора десятка самых выносливых воинов. Этим воинам приходилось попеременно нести носилки с неспособными быстро передвигаться коротышками. Две группы разбегались в разные стороны вдоль горной гряды и углублялись в указанные погонщиками ущелья. И уже утром следующего дня с гор начинали спускаться стахи. По словам сартуков, монстры неслись так, словно спасались от чего-то ужасного. Хотя, трудно представить что-то более ужасное, чем они сами. Кочевники тем временем сбивались в тесный круг под каменной стеной, с содроганием наблюдая за

проносящимися в сторону степи гигантскими пауками. Когда пробегали последние звери, им вслед начинали движение воины с носилками, на которых восседали погонщики, надевшие на головы опускающиеся до плеч цилиндры с отходящими с лицевой стороны короткими хоботами. Эти цилиндры они не снимали на протяжении всего пути, даже во время ночных остановок. Как и чем марыки все это время питались, моих соплеменников не интересовало.

Достигнув лесного массива, погонщики гнали стахов на ближайšie крепости и поселения сквиллов, после чего снимали с себя цилиндры. Почувывая свободу монстры еще некоторое время продолжали углубляться в лес, с легкостью преодолевая встречающиеся на пути крепостные стены и с яростью набрасываясь на все живое.

Пока стахи хозяйничали в лесу, сартуки продолжали держаться тесной группой, охраняемой воинами и погонщиками. Марыки-погонщики держали наготове цилиндры, чтобы при случае отвадить решивших напасть на кочевников монстров.

А когда насытившиеся монстры начинали возвращаться в степь, почти каждый из них держал хоботом обмотанного нитью аборигена, парализованного ядом. И лишь после того, как поток бегущих в обратном направлении стахов иссякал, наступала пора мародерствовать сартукам. Воины в основном охотились на местную дичь, запасая вдоволь мясо. А так же, если повезет, собирали туши погибших в схватках

со сквилами стахов. Женщины и дети собирали съедобные плоды и травы. Подбирали кочевники и оружие, оставшееся от лесных жителей, и различную утварь. Но так как унести на себе много не могли, то отдавали предпочтение в основном съестным припасам и целебным травам.

В распоряжении сартуков было от одних до трех суток, пока к разоренному порубежью не подтянутся отряды сквилов.

Разумеется, немногочисленным группам сторов, как называли лесных жителей марыки, удавалось выжить в каменных помещениях крепостей, в которые не смогли проникнуть стахи. От этих-то воинов кочевники и несли основные потери. Так же случалось погибать и в схватках с лесными стахами. Те хоть и уступали размерами степным, но зато жили группами до десятка особей.

При появлении первых отрядов лесных жителей кочевники спешно удалялись обратно в степь, унося добычу.

Узнав о подобной тактике, сильно удивился тому факту, что все мои соплеменники называют лесных жителей трусливыми. Когда поинтересовался о причине подобного отношения к сквилам у советников, то те в один голос заявили, что только трусливые создания могут прятаться в лесу, изобилующем дичью и плодовыми деревьями. Поняв, что бесполезно возражать против укоренившегося веками в мозгах кочевников мнения, решил до поры оставить этот вопрос.

– Ладно, эль, я не сомневаюсь в компетенции твоей и тво-

его соплеменника, – сказал я примирительным тоном. – Но все же, позволь сначала ознакомиться с полным ассортиментом товаров, который вы можете предложить в обмен на наш, а потом поговорим о погонщиках.

– С ассортиментом? – изумленно округлил маленькие глазки марык. – Ты говоришь будто стор-торговец, а не как степной воин.

– Я не просто сартук, я вождь! – задрал подбородок, я постарался придать лицу как можно более высокомерное выражение.

– Тем более, – тихо произнес второй коротышка.

– Кстати, – по заимствованной у Олега привычке я решил резко сменить направление разговора, – если вы можете легко управлять стахами, то почему не убиваете их сами?

– Сартук, ты не представляешь, о чем говоришь! – воскликнул Пана эль.

– Стахи – священные создания! – возмущенно поддержал соплеменника Куна эль. – Они существовали еще до того, как юные Создатели вышли из Капли.

– Когда умирает марык, его душа переселяется в новорожденного стаха, – продолжил Пана эль.

– Так значит марыки тоже древнее Создателей? – я постарался изобразить восхищенное удивление.

– Ты действительно... вождь, – сокрушенно покачал головой Куна эль, будто бы сознавая в бессилии перед моей непроходимой тупостью. – Марыки не могут быть древнее

Создателей хотя бы потому, что сами являются их созданиями. Мы первые кого породили Семеро, дабы Мир не был пустынным.

– Да? – на моем лице снова появилось удивление. – Но если в стахах возрождаются умершие марыки, то чьи души наполняли их до того, как Создатели породили ваше племя?

– Этот вопрос только подтверждает, твое невежество, сартук.

– Хорошо, – пришлось согласиться со своей некомпетентностью. – Но, если вы считаете стахов священными животными, то почему скупаете их мертвые тела?

– Мертвое тело и есть мертвое тело, – пожал плечами Панаэль. – В нем нет души, а значит, нет ничего священного.

– Логично, – на этот раз я кивнул совершенно искренне. – Значит, если у вас найдется устраивающий меня товар для обмена, я могу поставлять мертвые тела стахов в любых количествах?

Леег. Лесными тропами

Оставив Мизгиря играть с детишками на улице, я поднялся по порожкам родительского дома. Отец точил лезвие топора брусом каменного дерева. При моем появлении прекратил работу и, отпив воды прямо из кувшина, спросил:

– Ты сегодня опять занимался своими выдумками? Сторы уже посматривают на тебя, как на блаженного.

– Однако это не мешает им пользоваться пилами и рыскать по окрестным лесам в поисках летунов, – не сдержался я от пререкания, вспоминая Трома с Роамом, которые весь последний месяц почти не показывались в селении, одержимые желанием занять ручного стаха.

– Почему ты прекратил совершенствовать владение оружием? Ты по-прежнему желаешь стать воином? Или, как и охоту, хочешь и это дело поручить своему зверю? Говорят, ты учишь его метать камни и сражаться булавой – оружием степных дикарей?

– Но, отец, я восстановил свои былые навыки. И, поверь, продолжаю их совершенствовать, но во взаимодействии с Мизгирем. Не вижу ничего плохого в том, что тот, кого всегда считали врагом, станет не только другом, но и боевым товарищем стора.

– Боевым товарищем? Ты говоришь о стахе, как о разум-

ном, как о сторе. Может, ты и доверяешь ему больше, чем своим товарищам?

– Нет, конечно, отец. Я не знаю, как тебе это объяснить. Прошу тебя пока просто поверить.

Я действительно не знал, как объяснить свое отношение к восьмипалому другу тому, кто вырос в мире, не знающем таких понятий, как верный пес и боевой конь? Как передать ему те чувства, которые испытывает хозяин к своему верному питомцу? Ведь даже на Земле далеко не каждый человек смог бы понять, как можно доверять псу больше, чем большинству из окружающих людей, как можно плакать над трупом умершей лошади, выросшей на твоих глазах из забавного жеребенка.

– Возможно дело и правда в том, что ты избран создателями, – вздохнул отец. – Видел, утром в твой дом заходил Гоат. Что-то слишком часто вокруг тебя крутится этот толстый прохиндей.

– Как раз по этому поводу я и зашел посоветоваться, – обрадовался я смене разговора.

– Что нужно лавочнику?

– Он предложил сопровождать его в походе за товаром. Предлагает оплату в полтора раза больше против обычного. Правда, я не знаю размер обычной оплаты. Вот, пришел за советом.

– Сопровождать в походе торговца – неплохая практика для молодого стора, готовящегося избрать Путь Воина, –

одобрительно кивнул Стик с таким выражением, будто мне предложили сходить в ближний лесок поохотиться на дровов. – Но что-то не пойму, отчего вдруг этот сквалыга решил заплатить тебе больше? Может, ты не так его понял?

– Нет, отец. Я-то как раз прекрасно его понимаю. В поход я пойду с Мизгирем, который увезет в повозке груза ровно столько, сколько сможет вместить повозка, и вес, который в состоянии выдержать колеса. Конечно, придется выбирать более проходимую дорогу, но от этого и другим будет легче. В любом случае, благодаря стаху Гоат может взять в два раза больше товара, против обычного. К тому же, и как воин, в случае нападения, стах чего-то стоит. Правда он весь месяц своей сознательной жизни провел среди сторов, воюя лишь со змеями во время охоты, поэтому может статься, что не решится нападать на других сторов, даже если те окажутся врагами. Но уверен, что один вид сопровождающего нас стаха, пусть и совсем молодого, заставит призадуматься каждого любителя легкой поживы.

– Да-а, – протянул отец. – Гоат нигде не прогадает. Если твой зверь не сбежит по дороге, то выгода очевидна. Получается, не так-то много он тебе и предложил.

– А я думаю согласиться за обычную плату. Не нужна мне лишняя половина, – я решительно хлопнул по коленкам правыми ладошками и, заметив взметнувшиеся брови на лице стора, добавил: – А вот за Мизгиря возьму с Гоата еще полторы платы. Я, конечно, понимаю, что по справедливости надо

бы взять пять долей, но надеюсь, что лавочник в свою очередь скинет цены на привезенный товар для всех селян. Так вот я и зашел к тебе, отец, чтобы узнать – сколько обычно платят за такой поход?

Какое-то время Стик смотрел на меня, задумчиво вертя в пальцах брусок каменного дерева, и, наконец, произнес:

– Ты мыслишь не как будущий воин, а как торговец...

***

За прошедший месяц Мизгирь заметно подрос. Хитиновое покрытие утратило первоначальный блеск. На одной из лап осталась заметная вмятина после сомкнувшихся в предсмертной хватке челюстей полуметрового змея.

К панцирю молодого стаха теперь приторочена сумка с шипастой булавой. Это была идея Боата. Когда я рассказал о неудачном эксперименте с гирей, он тут же заявил, что знает какое оружие подойдет летуну.

– Ваал, покажи-ка, как ты с Мизгирем перетягиваешь палку, – обратился Боат к здоровяку.

Вообще-то я и сам не раз наблюдал за этой забавой. Ваал брался за конец метровой палки, Мизгирь обвивал хвостом другой конец, и они изо всех сил пытались перетянуть друг друга.

– Ну и что? – спросил я тогда Боата, глядя на упирающихся соперников.

– Видишь, как крепко держит хвостом палку?

– Ну?

– К шару нужно приделывать не петлю, а рукоять. Понял? Мизгирю нужно нечто вроде булавы, которыми оруду-ют степняки.

Через час я вырубил деревянную колотушку, а на следующий день летун уже колотил ею пойманную дичь. Того дре-ва все же пришлось добить Ваалу, так как удары деревянной дубинки лишь слегка оглушали живучую пиявку, но к вече-ру я уже подробно обсудил с кузнецом размер и вес будущей булавы.

Влепив первый раз булавой точно в челюсти крупного дерева с такой силой, что те просто вылетели с обратной сто-роны, прорвав крепкую зеленую шкуру, Мизгирь буквально влюбился в новое оружие. Он несколько суток не выпускал булаву из хвоста, пока тот же Боат не посоветовал приторочить к панцирю стаха сумку.

Чехол изготовили из старого сапога и привязали нитью к боку летуна так, чтобы тому удобно было вкладывать и до-ставать булаву. Смекнув в чем дело, тот сместил сумку слег-ка выше, чтобы не мешала ногам, и подклеил для надежно-сти клейким веществом.

Меж тем, помня, как лихо питомец зашвырнул в чашу груз, я временами задумывался о возможности научить его метать подобные гири в цель. Главным аргументом против была дороговизна самих снарядов. Решение пришло, как водится, случайно. Во время очередной охоты взбираясь по склону каменистой сопки пнул подвернувшийся под но-

ги небольшой осколок породы. Тот отлетел в густой куст, спугнув прятавшегося хита. Заставившее меня вздрогнуть мелькнувшее в воздухе серое тело сыграло роль ньютоновского яблока, породив идею.

Подобрал несколько булыжников, нагрузил ими стаха, а по возвращении домой, обвязал один из них нитью, оставив свободной небольшую петлю. Как и следовало ожидать, добиться от Мизгиря, чтобы он согласился метать хвостом камни, оказалось делом нелегким. И когда первый снаряд взвился в воздух и поднял фонтан пыли почти в трехстах шагах, я разразился непонятным для друзей криком «ура». Однако, восхищенные неожиданным результатом, они искренне радовались вместе со мной, громко нахваливая восьминогого друга.

Летун, в свою очередь, возбуждись от общего веселья, некоторое время радостно мигал короной глаз, попискивая и даже трубя в хобот. Затем, догадавшись о причине нашего восторга, стремглав сбегал и принес заброшенный снаряд.

Во второй раз камень улетел не так далеко, зато взлетел гораздо выше.

Дальнейшие испытания показали, что до попадания в цель Мизгирию еще далеко. Разве что в такую крупную, как созревший плод зуха. Да и то, существовала большая вероятность промаха. Зато заготовленные восемь булыжников он метал с такой скоростью, с какой мы успевали навешивать их на хвост.

***

В путь отправились через четыре дня.

Гоат хлопотливо бегал вокруг повозки, проверяя надежность узлов на нитях, стягивающих целую гору груза. Мизгирь, привыкший за последнее время галопом носиться по деревенским улицам, катая в колеснице детвору, порывался и тут припустить с ветерком. Поэтому мне приходилось постоянно сдерживать восьмипалого скакуна, иначе тот, не привыкнув к габаритам прицепа, непременно застрял бы в густых зарослях.

Самый тяжелый груз – челюсти змеев, запечатанные кувшины с какой-то жидкостью и кое-какие изделия из металла и каменного дерева – сложили на дно повозки. Потому, нанятые в поход парни несли на плечах самый легкий товар. Толстяк даже хотел в связи с этим фактом урезать оплату, но я намекнул, что могу подумать об увеличении аренды повозки.

Мне, как погонщику стаха, достался самый маленький заплечный мешок, размером с туристический рюкзак. Зато товарищи несли тюки диаметром не менее метра. Гоат наверняка нагрузил бы и больше, ссылаясь на легкий вес, но все же путешествие большей частью должно проходить по лесным тропинкам, довольно плотно зажатым деревьями, а лавочник отправился далеко не в первый поход.

Непривычным было осознавать недоступность дротиков. На охоте вся поклажа умещалась в перекинутой через пле-

чо сумке. Крупная добыча взваливалась на плечо, а то и просто волочилась по земле. Теперь же пришлось открутить наконечники от дротиков, чтобы не проткнуть поклажу. Впрочем, дротик и без наконечника довольно эффективное оружие. Особенно если не хочешь попортить шкуру дерева. Однако, когда Мизгирь сделал попытку рвануться с тропы, неистово сигналив об обнаруженной дичи и указывая хоботом в направлении кувшинного дерева, я, удерживая его, привычно вскинул правые руки за плечо и наткнулся на широкий ремень от мешка с поклажей, прикрывающий дротики.

Позже пришлось слегка приспустить ношу и сдвинуть ремни так, чтобы хотя бы половина дротиков была доступна. Но товарищам с их гигантскими мешками приходилось рассчитывать только на топоры.

Кроме меня и Мизгиря с Гоатом отправились еще четверо. Рядом шли Боат и Ваал – куда же я без них?

Впереди выслушивал поучения отца Пуут. Он в отличие от папаши не только не имел на теле ни грамма жира, но даже казался излишне худым. Несмотря на это лавочник нагрузил его не менее других.

Пуут старше нас. Его День Выбора Пути прошел два года назад. Выбрав, естественно, путь торговца, он прилежно перенимал отцовскую науку.

Позади всех плелся Роам. В последние дни он со своим отцом Тромом стал предметом деревенских пересудов и насмешек. Безусловно постоянно первое место в городских сплет-

нях занимали мы с Мизгирем, но эти двое по популярности следовали сразу за нами. На следующий день после того, как я привел в селение лишенного ядовитого шипа летуна, Тром с сыном отправились в лес, с намерением поймать такого же. Целью не было его приручение. Просто раззадоренные подначками Боата, они возжелали вырастить стаха и единолично завладеть панцирем и всеми остальными ценностями. А когда увидели полотно, которым летун запечатал дверь в моем доме в первую ночь, то желание увеличилось многократно. И, надо сказать, удача почти улыбнулась им в первый же день. Охотники встретили-таки того второго летуна, который оставил найденный ими обрывок кокона. Однако вместо того, чтобы закидать зверя топорами и дротиками, естественно, решили поймать живьем. Обладающий великолепным обонянием летун заметил подкрадывающихся сторов и попросту сбежал в неизвестном направлении. Возможно и к лучшему, ибо каким бы молодым он не был, но удар шипа мог оказаться смертельным. Это во время охоты стахи не впрыскивают яд, чтобы парализовать жертву хватает и того, что выступает мелкими росинками из шипа. Но во время схватки с серьезным противником монстр может впрыснуть всю дозу, выработанную железой, находящейся внутри шипа.

Потеряв след сбежавшего летуна, охотники в азарте продолжали искать его еще двое суток, после чего вернулись в деревню с пустыми руками, забыв от расстройств попутно

добыть хотя бы парочку деревьев. На этом бы все могло и закончиться, не отправься они на следующий день на обычную охоту.

Надо сказать, что Тром славился в деревне как добытчик самых больших змеев. Самый крупный экземпляр, который видел я, был длиной около трех с половиной метров. Но рассказывали, будто Тром однажды убил монстра длиной в десять шагов. Не могу представить себе ни пиявку такой длины, ни то, каким образом ее можно убить. А размеры челюстей и представлять не хочу.

Так вот, в поисках подобных экземпляров Тром обычно забредал дальше, чем остальные охотники, довольствующиеся деревьями, и залазил в самые непролазные чащи. Именно в таком глухом месте в тот раз они с сыном наткнулись на еще один обрывок кокона. Кто знает, сколько времени он болтался на дереве? Возможно даже не первый год. Но впечатление от находки, упав, как говорится, на старые дрожжи, возродило схлынувший было азарт. В итоге в деревню охотники вернулись через седмицу изрядно похудевшие. Правда, на этот раз Роам нес связку небольших деревьев .

Если первая неудача особых пересудов среди односельчан не вызвала, то теперь над охотниками начали посмеиваться. К тому же, Тром вернулся без сумки, и злые языки поговаривали, что ее стянул ночью подкравшийся змей, когда у сторов кончился порошок из плодов плима. Привыкший, что в деревне всегда восхищались его трофеями, и не выдержав

насмешек, охотник через сутки снова отправился в лес, взяв с собой, естественно, и сына.

На этот раз они вернулись с хорошей добычей, но каждый второй встречный считал своим долгом ехидно поинтересоваться – скольких летунов они наловили на этот раз и когда уже отправятся на охоту за взрослыми стахами? Возможно, таким образом завистники удачливого охотника пытались его принизить, а остальные бездумно подхватывали обидные шутки, но в итоге Тром стал раздражительным и избегал встречаться с соседями. Естественно и Роам не избегал своей доли «славы». Волей-неволей им приходилось проводить больше времени на охоте, надеясь, что, не видя их, односельчане переключат интерес на какое-нибудь другое событие. Те же, наоборот, истолковывали постоянное отсутствие Трома и Роама маниакальным желанием непременно поймать молодого стаха. Хотя, я почему-то уверен, что случись кому-нибудь снова увидеть в окрестном небе летуна, в деревне мало кто остался бы. Еще никогда стору так не жаждали встречи с этими монстрами.

Скорее всего, именно из-за всех этих событий Роам и решил наняться в носильщики к Гоату. Тем более, что за последний месяц они с отцом заготовили для семьи изрядное количество мяса, немалое количество шкур и челюстей, плюс выгодно продали лавочнику два обрывка кокона.

Вот только и в едва начавшемся походе Роам успел словить пару насмешек от Боата и Поута. Потому и плелся в

хвосте с таким понурым видом.

Надо будет поговорить с товарищами, чтобы прекратили это дело. Ведь по сути Роам неплохой парень. А как следопыт может дать фору всем нам вместе взятым.

Ближе к полудню лес поредел. Теперь не обязательно было идти гуськом. Попросив друзей присмотреть за Мизгирем, я остановился, будто бы поправляя заплечную ношу, и когда подошел Роам, пристроился рядом с ним.

– О чем задумался, дружище? – окликнул я сосредоточенно смотрящего под ноги парня.

– А? Я? – оказывается, тот действительно так сильно был поглощен своими мыслями, что не заметил моего присутствия рядом.

– О чем задумался? – повторил я вопрос и увидел, как лицо Роама покраснело, словно я подсмотрел какие-то сокровенные мысли. – Не хочешь, не говори.

– Я думаю о том, как у стаха устроены глаза, – произнес он, когда я уже собирался прибавить шаг и догнать повозку.

– И что тебя в них не устраивает?

– То, что они расположены так, что стах может видеть все вокруг. Для него нет скрытого пространства, как, например для нас. Мы не можем видеть, что творится за спиной. Понимаешь?

– Ну? К чему ты клонишь?

Схлынувший было румянец, вновь залил лицо молодого стора. Он как-то напряженно посмотрел на меня, словно не

решаясь заговорить.

– В селение все смеются над отцом и мной, что мы не смогли поймать того летуна.

– Не обращай внимания. Пусть кто-нибудь из них сперва сам попробует поймать, – хлопнул я парня по плечу.

– Так вот и я о том же. Как можно его поймать, если нельзя подкрасться незаметно?

– М-да, действительно. Я как-то об этом не думал. Мне-то повезло. Летун сперва сражался со змеем, а когда я отрубил ему шип, он от обиды сам приклеился ко мне своей нитью.

– Знаешь, Леег, – Роам понизил голос почти до шепота. – Поут говорил, что если на торжище удастся распродать весь товар, то возможно мы двинем не на север, а вверх по течению Лабы. Ближе к степям хоть и опаснее, но зато цены на товары значительно ниже.

– Ну и что?

– Отец говорил, что дальше к югу леса буквально кишат семействами стахов. Значит там и летунов можно встретить гораздо чаще.

– Так вот к чему ты клонишь, – понял я мысль спутника. – Чем же эти стахи кормятся, если их там буквально кишит? Судя по аппетиту Мизгиря, он один может пожрать всех деревьев вокруг нашего селения.

– Так он же молодой, – произнес Роам с таким выражением, будто искренне удивлен моей дремучести. – Взрослый стах может вообще не есть, если не тратит нить и яд, и мало

движется.

– Ясно, – ответил я, поняв вдруг, почему Мизгирь последнее время на охоте ни разу не ловил жертву клейкой нитью – он расходовал все без остатка на замуровывание на ночь входа в мой дом и на благоустройство своей конуры.

– Вот я и думаю, как поймать летуна, если представится возможность, – повторил Роам.

– Да, действительно задачка, – пришлось согласиться с проблемой.

А мое разыгравшееся воображение уже рисовало, как через год мы отправляемся по Пути Воина в сопровождении личных боевых стахов, гордо несущих в поднятых хвостах шипастые булавы. И даже не просто в сопровождении, а верхом. Да, именно верхом. Как это я раньше не подумал о такой перспективе. Если стах действительно вырастет до таких размеров, какие ему приписывают, то к его спине запросто можно будет приладить седло. Верховой пауко-краб – это вам не какой-то там рыцарский конь!

Во время полуденного привала я поделился мыслью с товарищами и, видя, как у них разгорелись глаза от красочных картин, рисуемых подогретым воображением, слегка остудил проблемой, которую перед этим обрисовал мне Роам.

Теперь всю дорогу только и обсуждали способы поимки летунов. Подключились даже Гоат с Поутом. Очень уж им захотелось иметь личных гужевых стахов. У семейки лавочников просто головы кружились, когда они представляли,

сколько груза могут перевезти пятеро взрослых особей. Я хотел было порассуждать о том, что для перевозки большого количества груза одним стахом, понадобится соответственная повозка, для которой, в свою очередь, понадобится прорубать широкие дороги, но решил не бежать впереди паровоза.

Собственно дороги в лесу существовали, а вернее широкие тропы, по которым могла бы проехать обычная земная телега. Мы иногда пересекали их, а иногда двигались по ним. Но, во-первых, они слишком извилисты, огибают каждое дерево. Пешим ходом большинство извилин можно срезать напрямую, но на широкой телеге пришлось бы в буквальном смысле выписывать «змейку». Во-вторых, нередко дорога раздваивалась на два узких рукава, огибающих огромный ствол. Когда впервые проходили мимо такого феномена, вспомнилась виденная некогда карикатура, на которой изображен спускающийся с горы лыжник, и лыжня за ним огибает с двух сторон растущее на склоне дерево.

По мере обсуждения, мы все больше приходили к выводу, что поймать молодого стаха, не убив его, практически нереально. Даже если каким-то образом удалось напасть – например, соскочив из густой кроны дерева – то оставалась большая вероятность быть проткнутым ядовитым шипом.

На мое предложение использовать рыболовную сеть, товарищи лишь сочувственно переглянулись, и Боат, вздохнув, объяснил, что рыболовные сети плетутся из нити морского

стаха. Я вспомнил, с какой легкостью Мизгирь разрезал завесу, которой закупоривал на ночь дом, и понял бесперспективность предложения.

К концу второго дня пути Роам, вероятно уже для того, чтобы хоть что-то сказать, выложил совершенно авантюрный план, вызвавший единодушное отрицание. Предложение было такое: найти логово семьи стахов, убить взрослых особей и, дождавшись когда из кокона вылупятся летуны, похватать их тепленькими, своевременно купировав шипы. Однако как и любая авантюра, предложение Роама постепенно захватило наши умы кажущейся непосредственностью – поубивал взрослых особей и сиди над коконом, как курочка над яичком. Вот только если бы убить взрослого паука было легко, или хотя бы не очень сложно, то из-за своей ценности они давно бы перевелись в этом мире. Одного-то мы, пожалуй, могли завалить. Но целую семью, охраняющую логово...

И даже если нам каким-то образом удастся убить стахов, то что дальше? Как узнать, прежде чем расправиться с бедными животными, имеется ли у них в наличие кокон? А если имеется, то сколько времени осталось до его созревания? Сколько вообще зреет кокон? Может, несколько лет?!

– Можно будет забрать кокон с собой и дожидаться вылупления летунов уже в селении, – предложил Поут.

– Кто знает, что из себя представляет кокон, и где его искать? – в свою очередь спросил я спутников. – И сколько из

одного кокона вылупляется летунов?

В ответ товарищи в очередной раз дружно пожали плечами. Оно и понятно, до сих пор естественным желанием односельчан было держаться как можно дальше от восьминогих монстров.

***

На четвертые сутки к полуденному привалу лесная дорога вывела на берег небольшой речушки. Чистая медленно текущая вода пробудила желание немедленно освежиться. Однако купание пришлось отложить.

– Гут, приток Лабы, – радостно провозгласил Гоат. – Пришли на полдня быстрее против обычного. Значит, уже сегодня должны успеть к торжищу.

Желая успеть к первой цели путешествия засветло, долго отдыхать не стали. Наскоро умывшись, без особого аппетита пожевали копченого мяса и вареные плоды Клода, еще раз ополоснули лица и шеи прохладной водицей и двинулись в дальнейший путь.

Дорога теперь следовала вдоль русла, лишь иногда срезая напрямик излучины.

– Впереди нас кто-то идет, – заявил вдруг Роам. – Их примерно столько же, сколько и нас. Они вышли на эту дорогу с южного берега через брод, мимо которого мы только что прошли.

– Я никого не вижу, – щурясь, взгляделся вперед Поут.

– Ты и не можешь ничего увидеть – ответил следопыт,

продолжая рассматривать дорогу. – Они миновали брод на шаг раньше нас. Но мы движемся быстрее, и еще через шаг должны их нагнать.

Шаг – крайне редко употребляемый эквивалент земного часа, означающий и примерное время, и расстояние, которое стор способен пройти за одну десятую часть дня.

– С юга, говоришь, пришли? – Прищурился, переспросил Гоат. – Это хорошо. Будет возможность расспросить о том, как там обстоят дела.

Вероятно, захваченный идеей занять личных гужевых стахов, лавочник окончательно решил отправиться после торжища на юг.

– Вообще-то, давно уже пора кого-нибудь встретить, – вновь заговорил он. – Даже странно, что дорога столь пустынна вблизи Лабы.

– Интересно, как сторы на торжище отнесутся к Мизгирю? – задал я волновавший всю дорогу вопрос.

– Да-а, – протянул Боат. – Всеобщее внимание нам будет обеспечено.

– Надо ли нам это? – с сомнением я развел руками.

– Если Мизгирь будет привлекать сторов к нашему товару, то это хорошо, – заявил толстяк. Быстрее разойдется товар – быстрее отправимся на юг.

Ага, значит все-таки на юг. По скрестившимся на Гоате взглядам я понял, что всех остальных посетила та же мысль. Но вслух никто ничего не сказал.

Наконец впереди меж деревьев замелькали фигуры. Прибавив шаг, мы догнали путников. Я впервые увидел сторов не из нашего селения. Первое что бросилось в глаза – это отличающаяся обилием цветов и покроем одежда. Я уже привык к плотно облегающим ноги кожаным бридгам и высоким сапогам-чулкам, и потому непривычно было видеть просторные штаны на идущих впереди мужчинах. Кроме привычных зеленых оттенков, их одежда разукрашена в синие и желтые цвета. Присутствовала даже непривычно красная жилетка. На плечах они несли по три продолговатых свертка.

Вот заметили и нас. Сперва настороженно отступили под сень зарослей, затем, вероятно определив в нас по заплечной ноше своих коллег, вновь вышли и теперь поджидали, когда подойдем.

Я предусмотрительно отстал и держался с Мизгирем за спинами товарищей. Мало ли как отреагируют на летуна эти сторы.

Гоат вышел вперед и вступил в переговоры с обладателем красной жилетки. Так как я стоял позади всех, то не мог разобрать о чем речь. Вот собеседник толстяка снял с плеч свертки и развернул один из них. В нем оказался здоровенный рулон синей ткани. Лавочник ощупал материю и восхищенно покрутил головой. Оно и понятно – в наших краях любая ткань являлась большой редкостью и большой ценностью.

Судя по всему, спутники стора в красном несли рулоны

такой же ткани. Разве что, возможно, другого цвета.

Теперь, когда все вышли на дорогу, мы увидели, что их пятеро. В лицах присутствовало явное сходство. Подумал даже, что они принадлежат какой-то местной народности, типа тех, про которые на Земле говорят, будто все на одно лицо. Но как позже выяснилось, они всего лишь родственники. Клитос и Скарос – родные братья. Протикс, Лемикус и Савинис – сыновья Клитоса. Все они ткачи – это их семейный бизнес. Сейчас родственники так же как и мы несли товар на торжище.

– Леег, – окликнул Гоат, – подгони повозку. Хочу кое-что показать Клитосу.

Как только Мизгирь показался из-за спин моих товарищей, так в следующее мгновение, увидев его, южане в испуге отступили назад. А когда поняли, что зверь безопасен, то все внимание оказалось сосредоточено только на нем. Гоат что-то доставал из повозки и показывал главе семейства, но тот рассеянно кивал, якобы соглашаясь на все, лишь бы толстяк не лез с разной ерундой, когда тут такое чудо.

Воспользовавшись остановкой, я выпряг питомца и отпустил поохотиться. Неизвестно, как обстоят дела с охотой в окрестностях торжища, и можно ли там будет отпускать стаха одного, а то может случиться так, что придется кормить его сушеным мясом. Вот и пусть порезвится немного. Заодно и ткачам продемонстрирует искусство хвостового боя с булавой. Те, побросав тюки, замороженно следовали за пау-

ком, как негритята за Бонифацием. Летуна это обстоятельство слегка напрягало. Он хоть и привык к постоянному сопровождению свиты ребятишек в деревне, но здесь, вероятно, чуял чужаков. Потому не отходил от меня, тревожно пищал и мигал короной глаз, указывая хоботом на плящущих на него ткачей. Я гладил его по панцирю и пытался объяснить, что не стоит беспокоиться.

То ли подействовали мои внушения, то ли стах почуял дичь, и охотничий азарт затмил тревогу, но вот Мизгирь выстрелил нитью в густые ветки. Послышалось чмокание оторвавшейся присоски и, когда древ шлепнулся перед ним, точным ударом булавы вышиб пиявке челюсти. Тут же подошел Ваал и по-хозяйски выковырял их из земли. Паук тем временем кинул зияющую сквозной дыркой на месте присоски тушку к моим ногам.

Глядя на округлившиеся в немом восторге глаза и отвисшие челюсти ткачей, я понял, что подобными представлениями можно зарабатывать гораздо больше, чем изнурительными грузоперевозками. И кстати, а знает ли этот мир такое понятие, как шоу-бизнес?

Далее двинулись вместе. Ткачи оказались на редкость общительными сторами. Первое время, узнав, что я являюсь хозяином Мизгирия, утомляли расспросами. Но, несмотря на то, что лесная дорога на подходе к торжищу достаточно широка, спутники постоянно цеплялись заплечными тюками и свертками, а потому все же пришлось растянуться в колонну.

Как оказалось, Гоат уже встречался с ткачами на торжище пару лет назад. Только тогда братья Клитос и Скарос были со своим отцом, а из сыновей Клитоса присутствовал лишь старший – Протикс. Жили они в селении расположенном на берегу большого озера Ави, вдоль берегов которого растут пуховые деревья хецитусы. Пух хецитусов как раз и являлся основным сырьем для производства ткани. Иногда, для более дорогих сортов, добавлялись озерные водоросли – как я понял, что-то типа обычной земной тины.

Расположено селение не так далеко к югу, всего лишь в трех днях пути отсюда. Поэтому ничего нового о стахах мы не узнали – в тех местах они встречались не чаще, чем у нас. Зато гигантских змеев, способных охотиться на сторов, близ озера водилось множество. Жителям приходилось ограждать селение посевами плима. Судя по рассказам ткачей, змеи наводили на них ужас гораздо больший, нежели стахи.

Крик. На острие момента

Мы уже третью седмицу находились у скалы обмена. До сих пор сартуки брали у горцев только наконечники для дротиков, шары для булав, ножи и заступы. Я же заказал марыкам много необычных для кочевников вещей, чем несказанно удивил их. Некоторые предметы были необычны и для коротышек, а потому, изготавливались сперва экспериментальные образцы, и лишь после моего одобрения горные мастера делали нужное количество. Так, например, были изготовлены тачки на больших колесах.

Изначально я хотел заказать нечто вроде земной арбы, но сообразив, что тягловых животных здесь нет, решил уменьшить арбу до размера тачки. Теперь подростки носились с этим нововведением по окрестностям, катая малышей и испытывая работу марыков на прочность. Катали тачки как перед собой, держа за ручки, так и за собой, впрягаясь в специальную сбрую.

Первые образцы были сделаны из плетеных корзин и быстро разваливались при частых падениях, управляемые неумелыми извозчиками. Пришлось организовать новую охоту на стахов, и следующие изделия уже были сработаны из их панцирей. Так же я потребовал, чтобы деревянные колеса марыки оббили металлом.

Поняв, что затея с тачками себя оправдала, и заказывать их придется несколько десятков, решил скомбинировать материал, усилив плетеные корзины элементами панцирей монстров. Можно было бы набить достаточное количество стахов, но не хотелось вызывать излишний интерес у марыков, и зарождать легкомысленное отношение к монстрам у своих соплеменников.

Откуда марыки берут дерево, я так и не выяснил. Задал этот вопрос Пана элю, и тот ответил, что это куф, не вдаваясь в разъяснения. Сам же я подняться в горы и узнать подробнее о быте племени коротышек не решился. Все дело было в боязни наткнуться на одного из хозяев этого мира. Уж очень подозрительным казалось могущество племени тщедушных марыков.

К концу первой седмицы вернувшийся из степи отряд сообщил, что встретили сартуков из соседнего племени – скала обмена находилась как раз на границе наших владений. Тогда-то у меня и зародилась идея всучить погонщиков соседям, чтобы те нанесли по владениям сквилов отвлекающий удар.

К вождю Айрику были посланы гонцы, которые отнесли ему подарок – невиданное здесь дело – в виде хобота стаха, и пригласили прибыть в гости. Вождь соседей прибыл через две седмицы и теперь сидел в моем шатре – шатер тоже невиданное здесь дело – с нескрываемым удивлением выслушивая предложение.

– Я не пойму тебя, Крик, – вождь Айрик вперил в меня прищуренный взгляд, будто стараясь разглядеть мои мысли. – Ты предлагаешь мне погонщиков и просишь за это десятую долю добычи? И твое племя не будет участвовать в набеге на сквилов?

– Ты правильно понял, Айрик, – кивнул я в ответ.

– Но почему? Ты что-то затеял?

– Не то чтобы затеял. Но есть кое-какие мысли, о которых пока не собираюсь никому рассказывать. Мое предложение ты услышал. Если оно тебя не устраивает, то я обращусь к восточному соседу. Байрат наверняка с радостью согласится, и не будет задавать лишних вопросов.

– Я не отказываюсь, – поспешил заверить коллега. – Но...

– Ну, вот и замечательно, – перебил я его. – Да, Айрик, у меня есть еще одно условие.

– Какое? – глаза соседа снова прищурились.

– Твое племя должно вторгнуться в земли сквилов как можно западнее. Кто твой западный сосед?

– Западный сосед? Ты действительно потерял память? Западнее находятся земли, принадлежавшие твоему бывшему племени. Теперь там кочуют сартуки Тария.

– Было бы неплохо, если бы ты объединился с Тарием, – пропустил я мимо ушей вопрос о своей забывчивости.

– Крик, – после долгой паузы посмотрел мне в глаза Айрик, – земли твоего бывшего племени пустовали, и мы с Тарием поделили их между собой. Мы не виноваты в гибели

твоих сородичей.

– Почему ты мне говоришь об этом? – не понял я.

– Если ты решил отомстить, то... – сартук замолчал, подбирая слова. – Твое племя уничтожили стахи, и только марьки знают, почему это случилось.

До меня дошло, что Айрик решил, будто я задумал какую-то ловушку для сартуков, занявших земли, ранее принадлежавшие моему родному племени. Кстати, действительно интересно, почему стахи, встречающиеся только парами, вдруг большим количеством напали на кочевников? Здесь явно не обошлось без погонщиков. Если конечно не допускать мысли о том, что таким образом позабавился кто-то из местных Создателей.

– Айрик, я теперь вождь племени, у которого есть собственные земли. Возможно, когда-нибудь я решу узнать о причине, по которой стахи напали на мое бывшее племя, но я не настолько глуп, чтобы подозревать в этом сартуков. А то, что соседние племена заняли пустующие земли, так это естественно. И если бы я по какой-то причине решил на эти земли претендовать, то сообщил бы об этом прямо, а не устраивал хитроумные комбинации, нанимая у марьков дорогостоящих погонщиков. Поверь, – я положил руку на плечо собеседника, – в моем предложении нет никакого подвоха. Более того, если то, что я замыслил, удастся, то тебе не нужно будет отдавать десятую долю добычи.

– Некоторое время Айрик размышлял над моими слова-

ми, пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица. Затем осмотрел стены шатра и спросил:

– Как называется эта нора?

***

Зрелище исходящей с гор лавины, закованных в хитиновые панцири гигантских пауков, впечатляло. Даже взрослые сартуки, которым приходилось не раз видеть подобное, смотрели на это полными ужаса глазами. Что же говорить о тех, кто видел такое впервые. Последний набег на сквиллов, в котором участвовало мое новое племя, был во время прошлой засухи, случившейся почти десять лет назад.

Тревожно попискивая, монстры неслись в степь. Дробный топот многочисленных конечностей, сливался в бесконечный гул, иногда перемежающийся со стуком перекачивающихся под чудовищными лапами камней. Лес задранных остроконечных хвостов напоминал кадры с ошетилившимися копьями средневековыми армиями из земных исторических фильмов. Оранжевые огоньки, бегающие по короне глаз, делали стахов похожими на армию фантастических боевых роботов.

– Наконец поток монстров иссяк, и вслед за ними выдвинулась группа воинов соседнего племени, возглавляемая Айриком. С удивлением заметил, что вождь соседей самолично нес носилки с восседающим на них марыком-погонщиком. Коротышка сидел, сложив ноги по-турецки. Верхней парой рук он придерживал надетый на плечи цилиндр.

Во второй паре держал короткую гибкую трубу, отходящую от цилиндра. Никаких звуков, слышимых в улавливаемом ухом аборигенов диапазоне, слышно не было. Однако, как только погонщик надел на себя это ведро, я сразу ощутил некое непонятное давление, вызывающие беспокойство. То, что это давление происходило от странных аппаратов, используемых погонщиками, подтвердил и тот факт, что оно начало ослабевать по мере того, как группа Айрика удалялась, и, наконец, совсем исчезло.

Вместе с группой Айрика справа и слева выдвинулись две группы выделенных мной воинов. Они должны нести еще двоих погонщиков до стоянки племени соседей. После чего, отдав носилки с коротышками, вернутся обратно.

Для того чтобы пересечь свои земли по диагонали на северо-запад соседям, по словам Айрика, потребуется не менее шести седмиц. Значит, следуя задуманному плану, я мог оставаться у скалы обмена еще седмицу, и только потом не спеша вести свое племя прямо на север.

За оставшиеся дни завершил все сделки с марыками. Тем более, что в округе практически не осталось стахов, и мне стало нечем расплачиваться за заказы.

Кроме Пана эля и Куна эля я познакомился еще с Мастером Цина элем – местным мастеровым, которого сопровождали трое безымянных подмастерий. Больше никто из горцев к нам не спускался. С Цина элем обсуждались технические особенности моих заказов. Детали зарисовыва-

лись грифельными палочками на квадратных кожаных лоскутах, имеющих жесткость пластика. Частенько, для уточнения некоторых деталей, мастер присылал кого-нибудь из тройки подмастерий. Как-то попробовав завладеть оболочкой одного из посыльных, с удовлетворением обнаружил, что получилось это довольно легко. Позже убедился, что так же легко могу завладеть оболочками и двух других марьков, находившихся в подчинении Цина эля. Значит, подмастерья либо принадлежат к более низшей касте, либо еще не достигли надлежащего уровня в развитии своих сущностей. Но, скорее всего, первый вариант.

Как выяснилось, большинство моих заказов оказались абсолютно бесполезны в мире четырехруких аборигенов. При этом, на не оправдавшие себя заказы ушли основные средства. Сказались моя неопытность в реалиях данного мира, и мое долгое пребывание в технически более развитом земном мире. Одной из подобных безделушек был арбалет, опытный образец которого обошелся так же, как три десятка тачек. Следующие экземпляры Цина эль обещал сделать гораздо дешевле, но мне от них пришлось отказаться. Когда я объяснил назначение арбалета своим советникам, они непонимающе покрутили его в руках и попросили продемонстрировать описанные мною качества наглядно. Оглядевшись вокруг, я не нашел ни одной подходящей цели – деревья здесь не росли, а ломать дорогостоящий болт о камни не хотелось. Наконец, заметив шагах в пятидесяти высохшую травяную

кочку, взвел оружие и выстрелил в нее. Болт вонзился точно в середину, погрузившись в цель почти полностью.

– Для чего тебе такое сложное и медленное оружие? – подняв брови, спросил Молок.

– Медленное? – удивился я.

– Сделай еще один выстрел, – кивнул на кочку здоровяк.

Не понимая, что он хочет, я все же начал взводить арбалет. Опустил приклад на землю и, вставив ногу в скобу, натянул тетиву. В это время Молок изобразил вентилятор, взмахнув всеми четырьмя руками так быстро, что они слились в один вращающийся круг. Восемь дротиков, выпущенные почти одновременно, разнесли в пух травяную кочку, а в каждой руке сартук уже держал булавы. Я же не успел даже уложить болт в ложе. М-да, несмотря на мою способность мобилизовать недоступные аборигенам резервы их оболочек, стрелять из арбалета с такой скоростью, с какой сартуки метают дротики, я однозначно не смогу.

А вот большой лук из-за улетевшей невероятно далеко стрелы вызвал у воинов неподдельное уважение. Однако я догадался заказать его лишь после неудачного внедрения арбалета, и получил опытный экземпляр уже накануне выдвижения на север. Впрочем, вряд ли бы кочевники научились пользоваться новым оружием с достаточным мастерством за короткое время. К тому же, стрелы стоили слишком дорого, а чтобы изготовить их самим, нужно было сперва добраться до северных лесов. Кривые ветви редких степных деревьев

для изготовления стрел никак не годились.

Лук подарил Гурику, больше всех восхищавшемуся новым оружием. Молодой воин время от времени натягивал тетиву и, наложив одну из доставшихся ему трех стрел, целился в различные далекие цели. Однако стрелять не решался, опасаясь не найти или поломать стрелу. В конце концов, сартук придумал забаву с луком, к которой привлек товарищей. Они соревновались, кто дольше продержится, держа лук в выставленных вперед левых руках и оттянув тетиву одной из правых.

После того как нить рассекла кожу на больших пальцах нескольким воинам, они самостоятельно изготовили надевающиеся на запястье кожаные ремешки с пришитыми к ним напальчниками – этакая перчатка для одного пальца. Только увидев эти приспособы, я вспомнил, что на Земле действительно лучники использовали специальные защитные рукавицы. Однако подобными видами оружия я никогда не интересовался, как собственно и другими техническими подробностями даров цивилизации. Вел себя в технически развитом мире как геймер, собирающий бонусы в виде вооружения и боеприпасов, не вникая в то, как они устроены. А может, техническая мысль свойственна лишь смертным существам...

В последний день я совершенно случайно выторговал у марыков две огромные корзины корней куфа. Похоже, куф был универсальным растением. Его стебли горные коротыш-

ки использовали для плетения корзин, изготовления дровигов и рукояток для булав, а так же для многого другого, где требовались деревянные детали. О том, что корни этого растения съедобны, я узнал у Цина эля, спросив – что за коренья иногда жуют его подмастерья? После объяснения не постеснялся попросить попробовать. По вкусу корень напомнил капустную кочерыжку. Откусив немного, протянул остаток сопровождающим меня братьям. Молоку и Гурику яство неожиданно понравилось. Судя по их восхищенному причмокиванию, они сочли его за изысканный деликатес. Впрочем, при однообразном меню сартуков, это и не удивительно.

Когда вниз спустились неразлучные Куна эль и Пана эль, я протянул им завернутый в лист клода шип стаха, содержащий несколько ценных капель используемого в местной медицине яда, и попросил взамен немного корней куфа, надеясь порадовать лакомством своих советников. Марыки удивленно переглянулись, и я уже решил, что они откажут в моей просьбе. Однако Пана эль забрал у меня сверток, и коротышки молча вернулись к лифту. Больше я их не видел, но через час с удивлением обнаружил у подножия каменной стены две огромные корзины, доверху наполненные белыми корнями, на которые с недоумением поглядывали снующие мимо соплеменники.

Молок и Гурик испустили восхищенный вопль, узрев такое количество лакомства и тут же, словно кролики, схрумкали по одному приличному корешку. Увидев, с каким удо-

вольствием братья умяли незнакомую пищу, к корзине потянулись сартуки.

Справедливо рассудив, что непривычная пища может непредсказуемо подействовать на желудки кочевников, я приказал не трогать коренья до утра. Завтра по состоянию желудков братьев будет ясно, насколько приемлема эта пища.

Утром братья выглядели вполне жизнерадостно, и я распорядился раздать одну корзину корней всем желающим, а вторую перегрузить в тачки.

***

Первый день пути внимание всего племени было направлено на тачки, в которые вместились невероятное, по меркам кочевников, количество поклажи. Разумеется, толкая перед собой тачку, новоявленные извозчики, даже часто сменяя друг друга, не могли бежать с обычной скоростью, что несколько замедляло передвижение всего племени. Однако этот недостаток должен был компенсироваться тем, что теперь можно перевозить гораздо большее количество воды и пищи, а значит, при необходимости дальних переходов, можно тратить меньше времени для пополнения припасов, и выбирать путь по более прямому направлению, лишний раз не делая крюк к источнику.

В конце дня я с удовлетворением отметил, что все тачки остались целыми и невредимыми. Их конечно многократно испытывали молодые сартуки, гоня порожняком и перевозя

друг друга по каменистой равнине, примыкающей к скалам, но все же мною овладевали некие сомнения в том, как они выдержат день непрерывного бега.

Утром следующего дня меня разбудил встревоженный Гурик.

– Крик, Крик, вставай!

– Что случилось, – промычал я недовольно, видя, что только начало светлеть.

– Там марыки, – указал юноша в направлении нашего движения.

– Марыки? – переспросил я удивленно, не понимая, что могут делать коротышки вдали от своих скал.

– Марыки, – подтвердил Гурик и возбужденно добавил: – С ними много стахов!

Ничего не поняв, я решил, что лучше увидеть собственными глазами причину, заставившую так разволноваться молодого сартука. Выйдя из походного шатра, обратил внимание на общее тревожное оживление. Направившись туда, куда устремлены взгляды гомонящих кочевников, и пройдя через расступившихся воинов, с удивлением увидел преградившую нам дорогу цепь стахов. Шипастые хвосты гигантских пауков были воинственно задраны, хоботы свернуты, лапы нетерпеливо переступали с места на место.

Марыка я увидел только одного. Он бесстрашно стоял перед пауками, важно отставив ногу и оперев все четыре руки в бока.

В принципе, я мог бы легко уничтожить не только примитивные сущности восьмилапых монстров, но и сущность этого наглого коротышки. Однако надо же выяснить, что нужно предводителю стахов? К тому же интересно, как один единственный марык управляет таким количеством тварей, не имея при себе шлема с хоботом, подобного тем, что я видел на погонщиках?

Я попытался прощупать сущность загадочного марыка, хотя заранее был уверен, что она из неподдающихся контролю.

В следующий миг я едва не устремился прочь из этого мира, ибо неожиданно обнаружил сущность создателя, которую по непонятным причинам не почувял ранее, пока не прикоснулся к ней. Уже покинул оболочку Крика и готов был оттолкнуться от столь ненадолго приютившего меня мира, когда остроносый карлик поднял правые руки, и я получил ментальный посыл:

– Привет, южанин. Не спеши удирать. Наши разногласия покрылись пылью тысячелетий. Может, временно о них забудем?

О чем это он? Создатель принял меня за кого-то другого? Или это хитроумная ловушка? Он хочет не дать мне сбежать? Он, конечно, может в меня вцепиться, но при этом будет рисковать не меньше моего. Без помощи остальных шестерых собратьев у создателя столько же шансов поглотить меня, сколько и у меня расправится с ним. Весь вопрос в том

как скоро может он призвать своих собратьев. Или сюда уже спешит кто-то из них? Ведь я могу не чують их так же, как не почуюл этого.

– Южанин, давай пообщаемся? – снова обратился ко мне Создатель. – Я смертельно устал от скуки. Честно говоря, сам уже вынашивал план, проникнуть на вашу территорию – посмотреть, чем вы там живете.

О чем он говорит? Точно с кем-то меня спутал. Но с кем? Не может быть, чтобы Создатель не узнал своего собрата. Или это не Создатель, а такой же, как и я странник? Эта версия показалась мне более правдоподобной. Два странника, встретившись в одном мире, как правило разбегались по разным полюсам, дабы не привлекать совместной деятельностью внимание Создателей. Но если это странник, то о каких разногласиях, тянущихся тысячелетиями, он говорил? Трудно представить, чтобы даже один странник смог так долго скрываться от Создателей...

– У меня есть к тебе предложение, южанин, – продолжила владеющая телом марыка сущность. – Пока мои собратья отсутствуют, я пренебрегу надоевшими обязанностями стража, и позволю тебе развлечься на нашей территории. Но взамен обещай устроить экскурсию к себе. Разумеется, мы выберем время, когда твои собратья будут находиться в забытьи. Что скажешь, южанин?

Окончательно сбитый с толку, я вернулся в оболочку Крика, которая уже начала безвольно оседать. Хорошо, сартуки

этого не заметили.

– Почему ты молчишь, южанин?

– Думаю, – ответил я вполне честно и сделал неожиданное для самого себя предложение: – Не желаешь пройти в мой походный шатер? Надеюсь, твои тараканы не разбегутся без присмотра?

– Не разбегутся, – марык решительно направился ко мне. – Я отправлю их обратно в горы.

И действительно, стахи сбились в беспорядочную толпу и ринулись бежать прочь. Сартуки ощетинились дротиками, но, увидев, что монстры бегут мимо, недоуменно загомонили.

– Все в порядке, – сказал я советникам и кивнул на приближающегося коротышку: – Это мой гость. Мне нужно с ним о многом поговорить, поэтому в путь мы двинемся несколько позже.

Марык подошел, и я кивком пригласил его следовать за мной, при этом проигнорировал искрящиеся любопытством взгляды Молока и Гурика.

– В качестве походного жилища сойдет, – оценил шатер горец. – Однако в жаркий полдень в обычной сартучьей норе будет гораздо прохладней.

– Ты рассуждаешь, словно раб оболочки, – ухмыльнулся я в ответ.

– Отчасти так и есть, – гость согласно развел руками, – Коль уж мы вселяемся в физические оболочки, то обрека-

ем себя на все те неудобства, что испытывают смертные. Но разве не ради этого мы создали Мир?

– Как к тебе обращаться? – прервал философские размышления марыка. – Я, если ты не знаешь, Крик. В данный момент являюсь вождем этого племени.

– Удобные сиденья, – похвалил гость набитые степными травами подушки, поудобнее пристраивая на них тощий зад, и только после этого ответил на мой вопрос: – Эль.

– Просто эль?

– Не просто эль, а Эль, – коротышка гордо задрал острый нос. – Не главный эль, не старший эль, а единственный Эль. Все остальные эль – мои слуги. Те марыки, чьи имена не заканчиваются на эль, являются слугами моих слуг.

– Понял, – я уже хотел было поведать гостю, что в мире, в котором прибывал ранее, некогда существовали такие правители – фараоны, являющиеся смертными богами. Однако вовремя спохватился. Но прояснить ситуацию все же требовалось, и потому я задал наводящий вопрос: – Как ты меня вычислил, Эль?

– А разве ты скрывался? – в свою очередь удивился марык. – Я заметил тебя сразу, как ты привел сартуков к скале обмена. Признаюсь, в первый момент изрядно испугался. Ведь так нагло появиться в северном мире мог только Восьмой. Но когда понял, что ты находишься в оболочке вождя кочевников – испуг сменился крайним недоумением. Восьмой никогда не стал бы влиять на ход истории мира, не по-

глотив прежде одного из семерых и не заняв его место. Поняв, что участь быть поглощенным мне не грозит, успокоился и вспомнил о своей роли стража. Ведь именно для того один из нас и бодрствует, чтобы предотвращать проникновения на нашу территорию южан. Кстати, ты не помнишь, какой стах пробежал между нами на заре сотворения мира? Нет? Вот и я подумал, что незачем сразу прогонять незваного гостя, не помня его вины. Единственное, что меня до сих пор удивляет – почему ты не скрываешь своего присутствия? Может, ты явился специально для того, чтобы уладить древние распри? Но почему тогда не ищешь встречи?

Слушая марыка, я все больше запутывался в собственных домыслах. Похоже, местные Создатели разделены на два враждующих лагеря – северян и южан. Но такого просто не может быть. Ведь семеро – суть одно целое. Одно ли?

Упоминание гостем о Восьмом навело меня на авантюрную мысль, которую, после секундного обдумывания, я изложил собеседнику, начав с деланно изумленного возгласа:

– Так вот почему я ничего не узнал о реалиях мира! Теперь мне все понятно. Значит я поглотил не того. Но почему тогда ко мне не перешли знания о южной территории, если я поглотил южанина?

– Ты поглотил южанина? – удивленно переспросил гость.

– Похоже, что так. Забавно получилось, – ухмыляясь, словно продолжая забавляться над комичностью ситуации, я налил в чаши воду и протянул одну из них марыку. Тот

машинально взял, но, даже не пригубив, поставил перед собой. – Охотился на северянина, а попался южанин.

– Я ничего не понимаю, – признался окончательно сбитый с толку марык.

– Я тоже секунду назад ничего не понимал. Просто не мог представить, что семеро могут разделиться.

– Как разделиться? – теперь уже коротышка сбил меня с мысли очередным вопросом.

– Но ты же сам только что рассказывал, что вы разделены из-за каких–то древних распрей, – пришла моя очередь высказывать недоумение.

– Семеро не могут разделиться, ибо составляют единое целое, на котором держится мироустройство, – окончательно запутал меня гость, на лице которого отобразилось крайнее непонимание, выразившееся в следующем вопросе: – Ты кто?

– Восьмой, – произнес я скромно, как бы даже извиняясь.

Леег. Торжище

За разговорами незаметно преодолели остаток пути.

Русло Гута свернуло к югу от дороги. Лес вскоре расступился, и мы оказались на берегу широкой реки, до противоположного берега которой не менее километра. Течение медленное, практически незаметное у берега. Вода, в отличие от Гута, мутновато-желтая.

На противоположном берегу ниже по течению видна пристань. У нее застыли на спокойной воде пара небольших суденышек – не более десятка метров в длину и трех в ширину. Выше пристани за редкими деревьями желтели кожурой зуха жилища местных сторов.

– Это и есть торжище? – поинтересовался я у Гоата.

– Нет. Торжище за этим холмом, – толстяк указал на поднимающуюся в гору дорогу. – А то селение рыбаков. Если удастся хорошо сбыть товар, то, возможно, найму кого-нибудь из них, чтобы отвезли на юг. Вот только как-то странно пусто в этот раз на дороге. И Лаба пуста.

– Мы тоже об этом говорили, – кивнул Скарос. – Вы единственные, кого мы встретили.

– Может, это и хорошо, сделал я предположение. – Меньше продавцов – меньше конкуренция.

– Не будет продавцов – не будет и покупателей, – озабо-

ченно ответил торговец.

Однако, вопреки опасениям, открывшаяся с вершины холма обширная площадь оказалась довольно многолюдной.

Торжище напомнило рынки Российских городов времен лихих девяностых. Неровные ряды торговцев. На разостланных по земле шкурах навалом лежит различный товар. Продавцу порою приходится подолгу рыться в собственном товаре, чтобы найти нужную покупателю вещь. Расплачиваются не всегда на месте, иногда покупатель предлагает в обмен что-либо из своего ассортимента, и они идут к его торговому месту.

Но все эти подробности я рассмотрел немного позднее. Сейчас увидел лишь площадь с неровными рядами торговцев. Рядом с площадью невероятное сооружение из нескольких плодов зуха соединенных меж собой каменной кладкой, которое оказалось местным постоянным двором. Все это ограживал высокий плетень, замыкавшийся на пристани, у которой стояли не менее десятка суденышек подобных тем, что я видел у противоположного берега. Снаружи плетня, словно пограничная полоса шириною шагов в пять, адели кустики плима.

Наше прибытие, как я и ожидал, вызвало всеобщее любопытство. Как только Мизгирь вкатил повозку в южные ворота и по рядам прокатилась волна известия о ручном стахе, торг сразу забросили, а нас окружили плотным кольцом, не давая продвинуться к постоянному двору.

Хорошо еще часть любопытных отвлекли на себя ткачи. Они с видом бывалых стаховодов объясняли особенности приручения летунов каждый своей части публики. И, судя по их удовлетворенным лицам, подобное внимание им очень даже льстило.

Да и мои односельчане тоже не особо смущались. Боат вон как руками размахивает, изображая какую-то пантомиму. Не иначе рассказывает, как я прыгнул сверху на летуна, срубая на лету направленный в грудь шип. А может, уже и не я, а он прыгнул? Хотя нет, судя по тому, как уважительно посматривали на меня его слушатели, прыгнул все еще я. Надо отдать должное моему говорливому приятелю – в своих рассказах про ту охоту он ухитрился ни разу не дойти до повествования о том, как метко я плюнул в летуна липкой нитью, прежде чем прыгнуть сверху.

Больше моего смущен вниманием, оказался только сам главный виновник этого внимания. Никогда раньше Мизгирь не видел столь много сторов. А тут еще наверняка ощущал своим звериным чутьем направленное на него внимание. Он сперва жалобно сигналил всеми доступными способами, умоляя скорее увести его от этого беспокойного места. Потом поджал хвост и, погасив глаза, опустился на землю, подогнув под брюхо ноги.

Я переживаний питомца не видел, стоя к нему спиной и отвечая на очередной вопрос, и обернулся, лишь отреагировав на возглас одного из сторов:

– Летун-то никак издох?

Увидев потухшие глаза Мизгиря, испугался не на шутку. Присев рядом, и положив ладони на панцирь, слегка потряс питомца.

– Эй, Мизгирь, что с тобой? Очнись!

По короне глаз пробежал оранжевый огонек. Летун пискнул, и, развернув хобот, положил его мне на колени.

– Ты чего это пугаешь меня, а? – облегченно выдохнув, я погладил панцирь. – Поднимайся на ноги, хватит притворяться.

– Может, все-таки дадите нам пройти, а сами займетесь тем, ради чего прибыли на торжище? – не скрывая раздражения, я громко обратился к столпившимся сторам. – Или так и будете торчать здесь, словно неразумные детеныши чика?

На несколько секунд воцарилась тишина. Сквозившие крайним удивлением взгляды скрестились на мне. Здоровенный красномордый стор, ехидно прищурившись, спросил:

– По какому праву не прошедший Выбор Пути юнец указывает уважаемым сторам? Или, случайно поймав это трусливое подобие молодого стаха, ты решил самостоятельно присвоить такое право? – громила ткнул толстым пальцем мне в грудь, и я только теперь обратил внимание на то, что вместо его верхней правой руки торчал лишь короткий обрубок, затянутый морщинистой от шрамов кожей.

– По праву, озвученному Жрецами Священного Острова! – выкрикнул я первое, что пришло в голову. – По Праву

Избранного Создателями.

Начавшиеся было смешки смолкли, и вновь наступила тишина.

Вот и зачем я ляпнул про свою богоизбранность? Теперь, в лучшем случае, окружающие помрут от хохота. В худшем, потребуют доказательств. И что смогу предъявить? Байку про две семечки зуха? Эх, как же мне не хватало возможностей некогда вселившейся в меня сущности. Впрочем, я ныне сам являлся вселившейся сущностью, только с весьма сомнительными возможностями.

– Ты избран Создателями? – снова первым нарушил тишину красномордый, и его физиономия начала расплываться в ехидной ухмылке. – И кто может это подтвердить?

– Я, – встал рядом со мной Боат.

– Я, – присоединился Ваал.

– Я, – выступил вперед Роам.

Ухмылка сползла с лица стора. Теперь на нем читалось раздражение.

– Гоат, – повернулся он к нашему нанимателю. – В какой луже ты выловил таких наглых личинок примов?

– Они говорят правду, Тарам, – развел руками лавочник. – Я хоть и не слышал лично заявление жрецов, но много раз успел убедиться в том, что Леег не совсем обычный стор. Начиная с того момента, как он достал из своего зуха два семени, и все последующее время юноша постоянно удивляет чем-нибудь из ряда вон выходящим. Одно только прируче-

ние летуна чего стоит.

– Так это тот малец, что достал два семени? – загомонили в толпе. – Разве ж он не умер от укуса морского стаха?

– Оклемался, значит.

– Эй, Милан, где твой сын? Он же рассказывал, что видел того, что с двумя семенами.

– Да он это, – протиснулся вперед высокий юноша. – Тот мне лица этих парней сразу показались знакомы.

– И в чем же его богоизбранность? – не сдаваясь, пере крикнул общий гомон красномордый Тарам. – Ведь не он же родил два семя, а случайно доставшийся ему зух.

– В мире нет случайностей, – серьезно заявил толстый коротышка в свободных, как у ткачей, штанах. – Есть лишь воля создателей.

– А если сомневаешься, – ободренный поддержкой, я придвинулся к громиле, – сходи на Священный Остров и спроси у жрецов сам. А сейчас нам пора устраиваться на ночлег.

Взявшись за хомут и увлекая за собой Мизгиря, двинулся сквозь расступившуюся толпу.

– Покажешь завтра, как охотится твой стах? – спросил молодой стор, вероятно наслушавшийся рассказов ткачей.

– Вряд ли. Ты же видишь, как он, – я кивнул на Мизгиря, – реагирует на толпу. Вот ты бы проявил желание охотиться, если бы вдруг попал в окружение такой толпы стахов?

Судя по тому, как у парня передернулись плечи, воображение у него работало отлично.

– А мы всем торжищем не пойдём, – заявил другой стор.

– Да? Ну, тогда максимум пять человек, – ответил я, уверенный в том, что желающих окажется гораздо больше. В голову опять закралась мысль о платном представлении.

Прежде чем отправиться на постоянный двор, лавочник выбрал в рядах свободное место. На подстеленные шкуры мы сложили заплечные тюки и накрыли от возможного дождя большим пологом, сшитым из тонких шкур. Рядом оставили и повозку.

На соседних торговых местах сторы так же закрывали товар на ночь пологами и расходились, ни мало не заботясь о его сохранности. Впрочем, отсутствие дверей, а соответственно замков и прочих запирающих устройств, давно уже наталкивали на мысль о незнании сторами такого понятия, как воровство. Но до сих пор это можно было списывать на добрососедские отношения в одном небольшом селении. Странным это казалось особенно на фоне того, что такое чувство, как зависть местным жителям было очень хорошо известно. Правда стимулировала оно их не к тому, чтобы отнять, а чтобы найти, добыть, достичь. Хотя, судя по рассказам о бандах, промышляющих ограблением купеческих экспедиций, отнять все-таки могли. Но не украсть. Крадут здесь только звери, в частности змеи. Если путники не озабочивались безопасностью места ночлега, то утром могли не досчитаться не только провизии, но и кого-нибудь из товарищей.

После того, как оставили товар, Боат ушел оплачивать

проживание и налог за торговое место, а мы в сопровождении полной женщины, с опаской поглядывающей на Мизгиря, двинулись устраиваться в отведенном помещении. По пути вновь встретился красномордый Тарам. Он подозвал Поута и о чем-то с ним заговорил. Когда поднимались на крыльцо, я оглянулся и встретился со взглядом Тарама. Он тут же отвернулся и пошел к другому крыльцу. Поут в это время уже догнал нас, но я решил повременить с расспросами до того момента, пока устроимся.

Нашими апартаментами оказалась небольшая комната с широкими нарами, занимающими более половины пространства. Ясно, что помещение предназначено исключительно для ночлега – зашел, лег, встал, вышел. Собственно, большего и не требовалось.

– Наконец-то можно будет отдохнуть нормально, – кинул свое тело на застеленные шкурами нары Поут.

– О чем тебя спрашивал красномордый? – все-таки задал я вопрос, опустившись рядом с ним.

– А, этот, – парень не сразу сообразил, кого я имел в виду. – Спросил, не было ли тебя с нами в прошлом году. Будто бы лицо твое показалось ему знакомым.

– Эй, Мизгирь, ты чего это ошупываешь вход? – отвлек нас возглас Боата. – Хочешь запечатать нас на ночь?

– С него станется, – согласился я вполне серьезно. – Он же нить в пути практически не тратил. А судя по тому, как не нравится ему это место, закупорить может весьма осно-

вательно.

– Пусть заплетает, – протиснулся мимо летуна лавочник. – Я рассказал об этих полотнах управляющему. Он желает купить их все и обещает неплохую цену. Так что, лишнее полотно не помешает.

– Имея личного стаха можно жить здесь постоянно, ежедневно продавая кусок полотна, сплетенного им за ночь – высказался Ваал.

– Даже если раз в два дня, и то неплохо, – поддержал его Поут.

– Зачем жить в этом бараке, когда можно спокойно жить дома, а торговцы пусть сами приезжают, если желают купить эксклюзивное полотно, – высказал и я свое соображение. – Заодно и различные товары будут к нам привозить.

– Разве я с этим не справляюсь? – встревожился лавочник, почуяв угрозу своей деревенской торговой монополии. Во взгляде, брошенном на сына, прочиталось раздражение, вызванное недовольством из-за поддержания тем такой очевидно невыгодной для их бизнеса темы.

– Тебе-то от этого только лучше будет, – спешно заверил я Гоата.

– Как это?

– Ну вот кто в нашем селении сможет заведовать подобным торжищем? У кого из наших односельчан есть достаточный опыт в торговых делах и в организации самих торгов?

Лицо толстяка заметно посветлело, в глазах появилось

мечтательно-задумчивая дымка.

– Кто такой этот красномордый Тарам? – прервал я его размышления. – Почему он интересуется мною?

– А? Тарам? Тарам бывший воин, как и твой отец. С чего ты взял, что он тобой интересуется? Впрочем, после того, как ты привел летуна и заявил о своей избранности Создателями, вряд ли кто-то здесь не хочет узнать о тебе больше.

Я попросил Поута рассказать отцу о разговоре с Тарамом.

– Ну что ж, этого можно было ожидать, – усевшись на нары, лавочник почесал один из свисающих на грудь подборошков. – Ведь ты похож на Стика. Вот Тараму и кажешься знакомым.

– Он знает отца?

– Очень хорошо знает, Они вместе воевали. Но лучше бы ему не узнать, что ты сын Стика.

– Почему?

– Это твой отец отрубил Тараму руку.

Разговоры и прочее шуршание вмиг стихли. Даже Мизгирь замер, словно бы наострив уши, или что там у него вместо них.

– Они воевали в противоположных армиях?

– О каких армиях ты говоришь, Леег? – брови толстяка взметнулись кверху. – Тарам и Стик много лет бок о бок стояли на сторанских рубежах, оберегая наши леса от набегов орд степняков. Говорят, они были добрыми друзьями. Но об этом лучше расспросить отца Роама. Он какое-то время слу-

жил на соседней заставе и кое-что знает. Твой-то отец никогда не рассказывает о своем воинском прошлом.

– Мой отец тоже ничего не рассказывал об этом случае, – вставил Роам.

– Ты-то откуда знаешь, что это отец отрубил руку Тараму? – снова повернулся я к Гоату.

– Я два раза в год бываю на торжище, а здесь можно услышать даже о неизвестном тебе прошлом собственной жены, – отмахнулся толстяк, и я перевел взгляд на Поута. Может, в этой фразе лавочника кроется секрет непохожести на него тощего отпрыска?

И все же, надо выпытать все, что он знает об отце и этом красномордом. Что-то не нравится мне внимание Тарама.

– Расскажи, что знаешь об этом, – не отставал я.

Товарищи придвинулись ближе, продолжая выказывать крайнюю заинтересованность.

– Да я почти ничего не знаю. Слышал краем уха, – попытался отмазаться Гоат, но под молчаливым давлением скрещенных на нем взглядов все же начал рассказывать: – Говорят, тогда случилось большое нашествие. Погибли почти все заставы от озера Немер и до истоков реки Камкот. Степняки как обычно гнали впереди своих орд сотни взбешенных стахов. Никто не знает, каким образом дикарям удастся заставить этих монстров собираться в таком огромном количестве и бежать в нужном направлении, уничтожая на пути все живое.

На заставах, заметив массовое бегство змеев и гиратов, сообразили в чем дело и послали гонцов с вестью о набеге. Однако войско уже не могло успеть подойти вовремя. После набега стахов на заставе, где служил твой отец, в живых остались только он да Тарам. Тарам без сознания лежал придавленный тушей убитого им зверя. Одна его рука была намертво приклеена к каменному полу крепости. Вероятно, стах в предсмертном плевке выбросил из железы всю клейкую массу, не успев превратить ее в нить. Представляете? Это все равно, что вмуровать руку в камень. А к лесу уже подступали первые степняки.

Выступить против дикарей в одиночку было бы, естественно, глупостью, но и уйти, оставив прикованного к полу Тарама врагам на посмешище, Стик не мог.

В общем, с тех пор Тарам обвиняет Стика в своем увечье, уверяя, что можно было сообразить выдрать у стаха железу с растворяющей нить жидкостью, но Стик специально его искалечил, желая стать первым в воинском искусстве. Стик говорит, что не было другого выхода – промедли он еще немного, и их заметили бы степняки. И тогда он не смог бы уйти от погони, неся на плечах находящегося в беспомощности здоровья.

Вот так вот, были друзьями, стали врагами.

Тарама, конечно, можно понять. Он по праву считался одним из лучших воинов порубежья. М-да, – толстяк поднялся, давая понять, что рассказ закончен. – Вы отвлекли меня

со своими разговорами. Пойдемте скорее в трапезную, пока там не собрались все сторы. А то не дадут ведь спокойно поесть. Тсодар уже зажарил для нас жирного гирата.

Трапезной оказался длинный навес, расположенный по кругу внутреннего двора гостиницы. На низких топчанах, вытесанных из внутренностей зуха, расставлены кувшины. В центре двора несколько выложенных из камней очагов, над которыми два парня под руководством взрослого стора крутили на вертелах большие куски змеиной плоти и кабаньи тушки... Кабаньи тушки? Моя челюсть отпала от удивления. Рот наполнился слюной от вида подрумяненных до нежной коричневой корочки кабанчиков, исходившихся словно потом капельками жира.

Неужели здесь водятся кабаны? Да нет. Это мое воображение сыграло на ассоциации с воспоминаниями из прошлой жизни. Тушка лишь по размерам соответствовала кабаньей. Не было ни свиначей головы, ни положенных окороков. Но выглядело все равно аппетитно. А шипение падающих на угли капель жира, заставляло постоянно сглатывать слюну.

Может, у этого зверя еще и сало имеется? Эх, сейчас бы с чесночком...

– Ты чего остолбенел, парень? У тебя глаза светятся, как у твоего летуна, – обратился ко мне стор, руководивший кухней. И повернувшись к уже усаживающимся под навесом моим спутникам, прокричал: – Эй, Гоат, зверя кормить буду только за отдельную плату.

– Не жадничай, Тсодар. Мизгирь ест только сырое мясо. А вот мы сейчас озвереем от голода. Видишь, Леег уже готов накинуться на твоих нерасторопных сыновей. Неси скорее обещанного гирата. Да не забудь достать из углей его лапы.

– Что-то ты в этот раз необычайно щедр к своим работникам, – удивленно спросил Тсодар, поднося с помощью одного из сыновей ароматную тушку.

– Это не работники, а компаньоны, – удивил всех без исключения лавочник. И, вероятно удивившись сам, уточнил: – Младшие компаньоны.

Снятую с вертела тушку тут же облепили хлебными лепешками, то ли для того, чтобы те впитали жир, то ли, чтобы согрелись сами. Тем временем второй сын повара принес на куске шкуры горку слегка обугленных членистых ножек, напоминающих рачьи, но размером каждого члена с человеческий локоть.

Наконец каждый из нас взял по лепешке, и Поут, ловко орудуя ножом, принялся нарезать румяную тушку на ломтики. Мясо внутри оказалось нежно-розовым. Кости отсутствовали так же, как и в змеином. Запах... Знакомый запах. Такое ощущение, будто я уже ел нечто подобное. Держа в нижней паре рук лепешку, положил на нее обжигающий пальцы и исходящий умопомрачающим паром ломоть. Отщипнул маленький кусочек и сунул в рот. М-м-м! Даже глаза прикрыл от удовольствия и нахлынувших воспоминаний...

Тихая речная заводь, окруженная лесом. В воде отра-

жаются установленные веером на рогатках удилица. Переливающийся малиновыми огоньками прогоревший костер. Нехитрые яства, выложенные на расстеленное на траве покрывало. Бликующие темным стеклом пивные бутылки. И раки. Красно-коричневые, запеченные в углях раки. . .

– Леег, да что с тобой? – толкнул меня под локоть Боат. – опять застыл как истукан.

Воспоминания рассеялись, и я начал резво поглощать нежную плоть неизвестного животного, напоминающую по вкусу мясо земных раков. Вкуснотища! Было бы еще в кувшинах пиво вместо хоть и необычайно вкусной, но все же простой родниковой воды. Но все равно, свининки на ребрышках очень не хватало. Неужели в этом мире совсем нет животных с внутренним скелетом?

Вздвогнув от неожиданного хруста, я увидел как Гоат, подняв один из валяющихся под топчаном увесистых голышей, начал дробить им запеченную в углях лапу. Расщепив твердую оболочку, он достал изнутри белоснежную ароматную колбаску и куском лепешки нанес на нее ярко-красный соус. Подняв яство над собой и запрокинув голову, лавочник изобразил желторотого птенца, заглатывающего принесенного родителями червяка.

Не зря торговец спешил на ужин пораньше. Не успели мы съесть половину тушки гирата, как трапезная начала наполняться сторами. Завидев нас, все они непременно стремились устроиться ближе, громко обсуждая трусливого летуна

и мою богоизбранность. Постоянно кто-нибудь подходил и задавал вопросы, вроде того, как научить стаха таскать повозку? При этом никто не задавался вопросом – как поймать самого стаха?

Поута подозвали к компании молодых сторов, в которой оказались его знакомые по прошлым посещениям торжища, и долго о чем-то беседовали. Было видно, что Поуту разговор неприятен, но один из собеседников настойчиво придерживал его за руку и, улыбаясь, что-то говорил, кивая при этом в нашу сторону.

– Чего хотели от тебя эти обормоты? – спросил у сына Гоат, когда тот вернулся за свой стол.

– Да ну их, – отмахнулся тот. – Я им сказал, что Мизгирь не продается, а они все равно говорят, мол, сделай так, чтобы нам продали его недорого.

Ничего себе заявочки! Я повернулся в сторону назойливой компании. Тот стор, что держал за руку Поута, встретился со мной взглядом и, оскалив зубы в подобии улыбки, подмигнул.

– Кто это такие? – опередил мой вопрос Ваал.

– Рудодобытчики из Локсена, – пояснил лавочник, дробя очередную лапу гирата. – Привозят на обмен болотную руду. Наглые ребята. Ходят слухи, что могут и напасть на караван, но подтвердить ни разу не удалось. Наверняка, просто слухи, распускаемые кем-либо, кому они однажды намяли ребра.

Насытившись, мы завернули в шкуру остатки мяса и по-

кинули трапезную под протестующие возгласы публики, желающей услышать еще какие-нибудь подробности о нашем необычайном питомце. Надеюсь, завтра ажиотаж спадет, иначе вряд ли Гоату будет толк от такого привлечения внимания – на его товар никто и не взглянет.

Крик. История Сторана

Заявив о своем статусе восьмого, я вдруг перестал ощущать сущность Создателя. Он как будто бы заперся в тщедушном тельце марыка. При этом в маленьких глазках стремительно отпрыгнувшего от меня коротышки отобразился неподдельный ужас.

– Не спеши удирать, – злорадно вернул я Создателю его фразу и, продолжая все больше входить в роль Восьмого, заявил: – Я не собираюсь тебя поглощать. По крайней мере, пока не разберусь, кого же я поглотил ранее? Я был уверен, что он является одним из семерых. Не скрою, сильно удивился, когда не получил вместе с поглощенной сущностью знания о реалиях мира. Надеюсь, ты, Эль, поможешь мне разобраться в этом.

Эль, продолжая стоять у входа в шатер, будто действительно веря, что смог бы сбежать от меня, находясь в этой карикатурной оболочке, озадаченно произнес:

– Я сам мало что понимаю. Но, похоже, ты поглотил южанина.

– Да кто такие, стах тебя задери, эти южане?

Далее, продолжая играть роль непонятно кого поглотившего и очень этим озадаченного Восьмого, я принялся выпытывать у гостя подробности о реалиях приютившего ме-

ня мира. И реалии оказались поистине фантастические. По словам Эля выходило, что мир, называемый Стораном, создали две семерки сущностей. Самому рассказчику, не ведавшему о существовании других миров, такой факт казался естественным и единственно правильным.

Я же думаю, что виной всему случай, чья воля столкнула в пустоте два создающихся мира. Не знаю, как восприняли столкновение Создатели, но, вероятно, остановиться уже не могли и продолжили совместное творение. Естественно, это всего лишь мое предположение, но Эль абсолютно ничего не помнил о тех событиях, сокрытых многими тысячелетиями.

Возможно, тогда и возникла вражда между семерками, видевшими друг в друге соперников. Так как все они теперь являлись одним целым, то об уничтожении противников не могло быть и речи. Создатели попросту поделили мир пополам, отгородив вотчины поясами отвесных скал, меж которыми протянулась раскаленная пустыня, населенная стадами, препятствующая проникновению на территории друг друга созданных соперниками существ.

Эль был уверен, что семерки Создателей не общались с тех времен, когда совместно созданный мир обрел физическую реальность. По сути, они существовали двумя отдельными мирами, по какой-то нелепой случайности соединенными раскаленной пустыней.

– Но если мы когда-то решили, что один из нас должен выполнять роль стража, значит южане делали попытки про-

никнуть на нашу территорию, – подытожил Эль свое повествование. – И на собственное счастье я, исполняя обязанности стража, просмотрел такое проникновение.

– На счастье? – переспросил я, делая вид, что не понял причины радости одного из семерых.

– Ты же уже понял, что, явившись в мир Восьмым, поглотил не ту сущность? Ты поглотил пробравшегося в наш мир южанина, – торжествующе озвучил навязанную мною мысль марык. – А это значит, что ты стал одним из южан. Странно, что к тебе не перешли знания о южном мире от поглощенной сущности. Может оказаться так, что ты получишь их, вернувшись на южную территорию. А может, и не получишь вовсе, так как проявился в северном мире, и ваши сущности не совсем совместимы. Но, не будем гадать о неизвестном. Я приглашаю тебя стать моим гостем. Ну, хотя бы до той поры, пока не проявится кто-нибудь из моих собратьев.

– Тогда я должен буду удрать на юг?

– Собратья могут не разделить мое гостеприимство, – виновато развел руками Эль. – К тому же, своей деятельностью ты можешь помешать чистоте нашего эксперимента.

– Эксперимента? Какого?

– Ты наверняка встречал в степи руины древних городов?

Я утвердительно кивнул, и Эль углубился в новое повествование. Оказывается на территории этой однообразной степи, по которой подобно стадам диких животных пасутся племена кочевников, более полутора десятка веков назад нахо-

дилась процветающая империя сартуков, объединившая под своим крылом все государства между замкнутой горной грядой и дремучим северным лесом, населенным дикими племенами сквилов, в своем развитии не далеко ушедших от животных.

Однажды между Создателями, находившимися в то время в оболочках правителей семи основных государств, возник спор на тему: Смогут ли смертные сущности сартуков процветать и далее без мудрого руководства Семерых? В результате решились на эксперимент.

Во время очередного съезда правителей было инсценировано отравление всех глав государств ядом пиккады. Покинув физические оболочки, Создатели пассивно наблюдали за дальнейшими событиями.

Первые два десятилетия наследники престолов продолжали править сообща, и жизнь в империи никак не изменилась. Но вот в одном из государств произошел дворцовый переворот. Остальные правители отказались признать захватившего трон самозванца и прекратили с его страной всяческие отношения, наглухо заперев границы стянутыми от северных лесов войсками. Последствия бойкота сказались немедленно и в запертом государстве вспыхнула гражданская война. Пока совет правителей решал, стоит ли вмешиваться, узурпатор был свергнут и казнен. Однако возвращать трон былой династии никто не собирался. Более того, страну поделили пополам два генерала, каждый из которых объявил се-

бя правителем и потребовал от соседей признания вновь образованного государства.

К тому времени участились набеги лесных дикарей на северных рубежах в тех районах, с которых были сняты сторожевые полки для блокирования границы мятежного соседа. Это обстоятельство повлияло на поспешное решение совета правителей, и они признали новые государства. Как только имперские войска сняли блокаду, оба генерала заявили о нежелании подчиняться совету правителей. Их неожиданно поддержал западный сосед, совсем еще юный правитель, буквально на днях унаследовавший трон от скоропостижно скончавшегося родителя. Процесс пошел...

Не прошло и полвека, а от империи остались лишь воспоминания. Разваливались и некогда составляющие ее крупные государства. Почти каждый провинциальный князек норовил объявить себя правителем суверенного государства, состоявшего из единственного городка и десятка окружающих его деревенок. Этот день тут же объявлялся Днем Независимости и широко, с размахом праздновался.

Далее, как правило, оказывалось, что сосед при развале государства несправедливо урвал более лакомый кусок, и вспыхивали междоусобные войны.

Итак, эксперимент доказал, что предоставленные собственной воле смертные быстро деградируют, что вызвало депрессию у тех Создателей, которые верили в разум подопечных. Разочаровавшись, решили не восстанавливать бы-

лую империю, а продолжить наблюдение, дабы выяснить, сколько времени пройдет, прежде чем сартуки скатятся до состояния животных.

Прошло еще два века, и от бывшего населения империи осталась едва четверть. Войны, голод, инфекционные болезни опустошили некогда многотысячные города. Бывшие заповедные лесопарки вырубил. Населяющих их животных перебили. Как-то само собой получилось так, что теперь племена лесных сквиллов были вынуждены защищаться от набегов одичавших орд сартуков.

Ранее изредка проникавшие через горную гряду пустынные стахи, теперь не покидали территорию бывшей империи. Постоянные войны и часто случающийся мор давали им обильную пищу. А при обильном питании восьмипалые твари начинали активно размножаться. И вот с вершин скал все чаще начали срываться целые рои летунов, разносимые потоками воздуха во всех направлениях.

Прошло еще несколько веков и зеленые равнины превратились в пустынную степь. Пересохли почти все реки, исчезли озера. Численность превратившихся в кочевников сартуков снизилась до того предела, который мог прокормиться одичавшим и неожиданно разросшимся по всей степи клодом.

По сути, эксперимент можно было считать законченным – смертные превратились в питающиеся подножным кормом стада животных. Но тут Создатели сделали неожиданное от-

крытие.

***

В дремучих северных лесах, кишачих лесными стадами, немного меньшими по размеру, чем пустынные, но гораздо более агрессивными, каким-то чудом ухитрялись существовать дикие племена некогда изгнанных, или отделившихся по каким-то другим причинам, сартуков. Цивилизованные обитатели Сторана называли лесных дикарей сквилами – опустившимися до состояния животных.

Неизвестно, каким образом брошенным на произвол судьбы Создателями сквилам удалось не только выжить в лесных дебрях, но еще и расплодиться, значительно потеснив и изрядно сократив популяцию восьмипалых монстров. Северные территории государств сартуков, в то время еще не объединенных в одну империю, зачастую страдали от опустошительных набегов лесных орд и, в конце концов, вынуждены были содержать постоянные войска на лесном порубежье.

Зачастую властитель сопредельного государства, узнав, что сосед бросил все силы на отражение очередного налета сквиллов, беспрепятственно вторгнулся на его территорию, отторгая себе какую-нибудь провинцию, или, подобно лесным дикарям, ограничиваясь обычным грабежом. Имперские законы положили конец подобному беспределу, и теперь общая армия надежно защищала северные границы.

И вот, когда в результате эксперимента Создателей импе-

рия распалась, и сартуки начали деградировать, у лесных дикарей вдруг проявились основы цивилизованного общества. Казалось бы при стабильном благоприятном климате, лишь изредка нарушаемом засухами, и избытку дичи, этому ничто не способствовало. Однако сквилы постепенно овладевали различными ремеслами. У них даже появились зачатки металлургии.

Если сартуки, зная с рождения, что их мир сотворен семью Создателями, принимали это как должное, даже не задумываясь о необходимости поклонения этим всемогущим существам, то у обитателей леса возникло некое подобие религии. Вдоль побережья покрывающего северную вершину мира Священного Озера, на семи равноудаленных друг от друга островах были воздвигнуты храмы. Хоть особого фанатизма в вере сквилы не проявляли, однако их жизненный уклад во многом определялся законами, вышедшими из-за стен этих храмов. Жрецы давали имена новорожденным, посвящали юношей в совершеннолетие, определяли выбор профессии.

Каким-то образом, возможно селекционным путем, жрецам удалось стимулировать рост зуха – шарообразного многолетнего растения, в диком виде достигающего в диаметре полутора метров. Теперь каждому отцу, у которого рождался сын, вручалось семя зуха с вырезанном на нем именем, данным жрецами новорожденному. Выросшее из семени растение к моменту совершеннолетия молодого сквила

иногда достигало в диаметре до десяти метров. Юноша обязан был прорубить внутри плода собственное жилище и достать единственное семя, находящееся в сердцевине растения. После чего он относил семя в храм на Священный Остров, где проходил обряд совершеннолетия и вступал в год выбора пути, в течение которого должен определиться с выбором профессии.

Не следовали заветам жрецов только жители крупных городов, выросших из селений, в которых особенно развились различные производства. Однако горожане, так же как и жители прочих селений обязательно выделяли воинов для охраны южного порубежья. Да, теперь уже лесным жителям приходилось охранять свои рубежи от одичавших орд степняков. Особенно досаждали кочевники в засушливые годы, которые случались в степи гораздо чаще, чем в лесных районах. Голод, возникающий из-за неурожая хлода, заставлял сартуков вторгаться в земли ненавистных сквиллов. Возможно, ради оправдания этих набегов возникло поверие, будто обитатели леса нарочно не пускают кочевников к Священному Озеру, в котором спят Создатели, не ведающие о бедах своих степных детей.

Сами лесные жители теперь называли себя сторами – детьми Сторана, мира, созданного для них Создателями.

Государств, подобно тем, что некогда были у сартуков, у сторов не образовалось. Они продолжали жить отдельными селениями, управляемыми старшинами и присланными

жрецами знахарями, которые одновременно следили за исполнением селянами покона. Крупные города управлялись владельцами градообразующих предприятий. Присутствующие в них знахари ограничивались лишь лечением.

Вдоль границ со степью в дне пути друг от друга сторы построили порубежные крепости. Располагающиеся в них заставы несли постоянное дежурство, патрулируя вдоль отведенного им участка. В порубежники шли юноши, выбравшие путь воина. Сделав такой выбор, они обязаны были отслужить на границе не менее пятидесяти лет, после чего вольны были вернуться в родные селения.

Долгое время Создатели с удивлением и непониманием наблюдали за тем, как некогда созданные ими и брошенные на произвол судьбы обладающие примитивным разумом оболочки развивались в довольно сложную цивилизацию. Вероятно, увлеченные наблюдением за сторами, они просмотрели развитие другого, пожалуй еще более загадочного народа.

Одновременно с появлением лесных сквиллов, в отделяющих плодородные равнины от раскаленной пустыни горах появились не менее одичавшие пещерные жители. В отличие от северных дикарей пещерный народец был не агрессивен, скорее даже пуглив. Сартукам очень редко доводилось встречаться с этими маленькими бледнокожими существами, и те всякий раз резво удирали. Цивилизованные обитатели равнин практически ничего не знали о марыках – духах

гор. Те не досаждали сартукам набегами, не нападали на забиравшихся в горы искателей приключений, потому не вызвали ответных действий.

Разумеется, изредка находились любопытные естествоиспытатели, отправляющиеся в горы для изучения их обитателей. Однако марыки не желали идти на контакт и, при появлении чужаков, скрывались в бесконечных лабиринтах пещер. Удалось выяснить только то, что питаются они воздушными корнями стелющейся по стенам подземелья лианы и безглазой разновидностью хита.

Но не обошлось и без полезного открытия. В населенных марыками подземельях были обнаружены удивительные животные, напоминающие подводных актиний. Возможно, где-то в глубинах бесконечных пещер водились существа, в симбиозе с которыми жили эти сухопутные актинии. Сами же они вели абсолютно неподвижный образ жизни, не имея никаких конечностей и мышц, способствующих самостоятельному передвижению. Тело животного ни толщиной, ни длиной не превышало локтя взрослого сартука. Увенчано оно копной раскидистых щупалец, от которых исходит ярко-желтый свет, озаряющий пространство вокруг не хуже факела.

Сартуки назвали светящееся животное фиалой – дар небесного светила. В результате почти вековой селекции удалось вывести разновидность фиал, способных жить на открытом воздухе. При дневном свете они сворачивали светя-

щиеся щупальца, накрывая их пятью широкими лепестками, подобно цветочному бутону, а после того, как солнце скрывалось за горизонтом, вновь распускались. Теперь города равнинных государств освещались не чадящими масляными светильниками, а живущими вдоль дорог и тротуаров фиалами.

В благополучные имперские времена образовались артели, добывающие стебли куфа (пещерной лианы), которые обладали большой прочностью и шли на изготовление элитной мебели. Марыки безропотно покидали места вырубки, забираясь глубже под землю, или переселяясь в другие горные районы.

Однажды артельщикам удалось поймать марыка и они привезли его в город, заключив в клетку из тонких стеблей куфа, словно экзотическое животное. Однако вид содержащегося в неволе жалкого существа не вызвал у сердобольных имперцев никакого интереса, лишь навлек волну порицаний на его пленителей. Больше обитателей пещер никто не ловил, а из-за начавшегося вскоре распада империи о них и вовсе забыли.

Предполагается, что скачок в развитии цивилизации марыков произошел примерно в то время, когда в горах обосновались полчища пустынных стахов. Но точно об этом не знают даже Создатели, ибо все происходило без их ведома. Просто однажды, будучи увлеченными наблюдением за самостоятельным развитием лесного народа, они вдруг увиде-

ли, что перед ордой движущихся в очередной набег кочевников несется армада восьмилапых тварей. После того, как стахи разгромили заставу и находящееся рядом селение, каждый из них схватил своим чудовищным хоботом по парализованному ядом стору, и вся армада, аккуратно обойдя остановившихся в ожидании степняков, умчалась обратно к горам. Только после этого на лишенный защиты участок леса набросились сартуки. К тому времени, когда к месту трагедии подоспели первые отряды с соседних застав, кочевники уже скрылись в степных просторах, унося небывалую добычу и не потеряв ни единого воина.

Ничего не понимающие властители мира в тот раз не обратили внимания на марыков, восседающих на загривках некоторых воинов. Возможно, Создатели приняли их за детей. Но, проследив обратный путь племени, обнаружили, что те отрядили большой отряд, который направился напрямиком к горам. Все кочевники в этом отряде были до предела нагружены добытыми в лесу трофеями. У подножия гор их встретили марыки. Это были уже не те пугливые существа, не покидающие пещер, а высокомерные коротышки, невообразимым образом ухитряющиеся смотреть на вдвое превышающих их в росте кочевников сверху вниз.

***

– Да-а, хороши же вы властители, – качая головой, обратился я к закончившему повествованию Элю. М-да, все-таки создателям не дано знать то, о чем знает каждый странник.

В любом достаточно зрелом мире самостоятельное развитие цивилизаций является обычным делом. А искусственные цивилизации, образованные Создателями, без присмотра разрушались еще быстрее, чем на Сторане, по прошествии тысячелетий заставляя потомков удивляться познаниям древних в архитектуре, астрономии и прочих науках. Но вслух я все же удивился: – Неужели вы все всемером веками смотрели в одном направлении, если просмотрели самостоятельно зародившиеся цивилизации оболочек?

– Мы были увлечены экспериментом, – развел руками марык, – Потом, чтобы не томиться в долгом ожидании, научились погружаться в небытие, похожее на ночной сон оболочек. В конце концов решили, что для наблюдения за развитием мира и охраны его от посягательств южан вполне достаточно, если бодрствовать будет кто-нибудь один.

– А как же твое вселение в оболочку марыка? И, замечу, не рядовую оболочку, а обладающую верховной властью? Разве это не нарушает чистоту эксперимента?

– Дело в том, – ничуть не смутившись, продолжил гость, – что мы обнаружили одну удивительную способность оболочек обитателей пещер. Не все, лишь оболочки смертных существ из верховных каст обладают способностью экранировать вселившуюся сущность Создателя.

Эль на некоторое время замолк, как-то напряженно глядя на меня, затем, отхлебнув-таки воды из чаши, продолжил:

– Вероятно, мне не стоило тебе об этом рассказывать.

Ведь ты поглотил сущность южанина и принадлежишь теперь к их миру. Но, в конце концов, даже зная этот секрет, вам все равно не удастся обнаружить Стража.

– Во-первых, не факт, что я стал южанином, – возразил я марыку. – Не забывай, что я не получил никаких знаний. Во-вторых, то, что южане не могут обнаружить Стража компенсируется тем, что и Страж далеко не всегда способен обнаружить незваных гостей. Ты, например, просмотрел сразу двоих – Восьмого, то бишь меня, и того, кого я поглотил по ошибке. Кстати, если я поглосю еще и тебя, не стану ли я универсальным владыкой сразу двух миров? Шучу, шучу. Не надо так бледнеть.

Видя, как напрягся Эль, поспешил перевести разговор на прежнюю тему:

– Так все же, почему ты вселился именно в верховного правителя марыков?

– Тут мы действительно отступили от правил, – признался продолжающий находиться в напряжении коротышка, – но Эль старается не влиять на прогресс горного народа.

Далее гость поведал о том, что Создатели намеренно объединили марыков под властью верховного правителя лишь для того, чтобы вселившаяся в него сущность могла контролировать через подданных всю протяженность пограничных скал. При этом он так и не смог вспомнить – были ли случаи проникновения южан, и почему северяне так настойчиво стараются этому препятствовать?

Увлеченный повествованием гостя, я совершенно забыл о своем недавнем паническом страхе и готовности мгновенно покинуть мир. Осознав это, крайне удивился тому, что в данный момент во мне не только нет никакого страха перед сущностью властелина, а даже присутствует некое превосходство, будто я сам поверил в байку о собственной причастности к сущности Восьмого. М-да... А чего, собственно, мне бояться? Эль напуган моей наглой ложью и, судя по тому, как он пару раз пытался задать стрекача, о противостоянии даже не помышляет. Похоже, в данный момент у меня были все шансы поглотить этого Создателя. Однако вопрос – оно мне надо?

А чего мне надо?

Вернее будет спросить – чего мне не хватает?

Мне не хватает общения. А говоря земным языком, мне не хватает друга.

До встречи с Олегом я по понятным причинам всячески избегал находиться поблизости от других сущностей, будь то хозяева миров или такие же, как и я скитальцы. Но этот смертный, ухитрившийся не слиться своей сущностью со мной, каким-то образом изменил меня. И сейчас, находясь в этом сером, однообразном мире, я испытывал недостаток в общении с кем-либо равным. С тем, с кем можно обсуждать возникающие идеи, строить планы. С тем, у кого можно спрашивать совета, или наоборот советовать ему. Молок с Гуриком не в счет. Они отличные парни, хорошие воины,

верные товарищи, но...

Так может, попытаться найти не хватающее мне общение в компании с этим обманутым Создателем?

Леег. Знакомство с Тарамом

Проснувшись еще затемно, я никак не мог снова уснуть. Проникающий в окно свет фиал отражался металлическим блеском от закрывающего дверь полотна. Замуровался-таки Мизгирь. Он лежал у входа, гоняя оранжевый огонек по короне.

– Леег, – заставил меня вздрогнуть громкий шепот лавочника. – Чего хлопаешь глазами? Откупоривай скорее дверь! Терплю с самой полуночи!

– Ну, так разбудил бы. Чего терпел-то? – я с трудом сдерживал усмешку, глядя на нетерпеливо топчущегося толстяка.

– Да не хотел отвлекать твоего ткача. А пока наблюдал за ним, задремал. А ловко он как нить к нити клеит. И лапами так это приглаживает, чтобы, значит, поплотнее было. Ну, давай уже откупоривай! – притопывания Гоата стали походить на земной танец степ.

Усмехаясь в темноту, я подошел к Мизгирию. Поднявшись, тот приветливо развернул хобот.

– Благодарю за очередное качественное изделие, дружище, – погладил я питомца по панцирю. – Но теперь его необходимо снять, ибо кое-кто стремится выйти на свежий воздух.

Толстяк восхищенно цокнул языком, ощупывая снятое полотно, но в следующее мгновение, прижав все четыре ладошки к низу живота, опрометью бросился наружу.

Так как сон прошел окончательно, я в сопровождении Мизгиря вслед за лавочником вышел на крыльцо. После душного помещения с наслаждением вдохнул свежий воздух и, расставив в стороны руки, устремил взгляд в звездное небо. Никогда не был знатоком астрономии, поэтому не могу назвать небо неземным. Такие же завораживающие яркие звезды. Был бы романтиком, назвал бы их манящими. Но я не романтик, и пыльные тропинки далеких планет никогда меня не манили. Да? Не манили? А как же тогда попал в этот мир? М-да...

– Эй, Избранник Создателей, ты чего тут руки растопырил? Дай пройти.

Пропуская вышедшего из дома стора, я отступил от дверей. Хотел было вернуться в помещение, но тут Мизгирь заскрежетал челюстями, выказывая желание пополнить внутренние резервы, потраченные на производство полотна. Пожалуй, не мешает развеяться на охоте. Горизонт на востоке заметно посветлел. Через полчаса, или четверть местного шага, совсем рассветет и лес станет относительно безопасным.

Я сообщил о решении возвращающемуся Гоату. Тот согласился, что спокойнее будет заpastись свежим мясом с утра, пока не навязались назойливые спутники. Однако от-

пустить со мной кого-либо из друзей категорически отказался, мотивируя тем, что в первый день ему нужны будут все помощники.

Накинув амуницию и положив в сумку немного снеди, под умиротворяющее сопение спящих товарищей я покинул постоянный двор. Летун, возбужденно попискивая, семенил рядом. Миновав торговые ряды, мы вышли через южные ворота, предварительно разбудив парня, вероятно исполняющего роль караульного. Тот проводил нас советом сильно не спешить. Солнечный диск хоть и показал свой краешек, но в лесу еще достаточно темно и крупные змеи могут быть весьма активны.

Миновав луг и убедившись, что под сенью деревьев все еще царит тьма, я сел на подвернувшийся пенек и достал из сумки прихваченный завтрак. Холодное мясо загадочного гирата тоже весьма вкусно. Надо будет выяснить, что это за зверь такой. А то встречу и оставлю без внимания.

Из зарослей выскочил Мизгирь и что-то проверещал. Наверное, недоумевает, чего это я тут уселся вместо того, чтобы сопровождать его на охоте?

– Ну ты, блин, без няньки уже и поохотиться не можешь, – проворчал я, поднимаясь.

И правда, чего я тут расселся? Если какой-нибудь гигантский змей захочет меня сожрать, прежде чем впасть в дневную спячку, то он легко может сделать это и на опушке.

Я начал было углубляться в заросли вслед за летуном,

но, подумав, остановился и прикрутил шипы поочередно на все дротики. Последнее время привык использовать их лишь как колотушки. Древам удара шарообразным набалдашником вполне хватало, но здесь, говорят, частенько встречаются и весьма крупные их сородичи.

Ввинтив последний шип, бросил взгляд на торжище и увидел направляющиеся сторону леса пять фигур. Это еще кто такие? Тоже решили поохотиться с утра пораньше, или из числа желающих поглазеть на охоту Мизгиря? Что-то не хочется устраивать представление.

Развернувшись, я поспешно удалился в лес, забирая к северу, так как решил пройти выше по течению Лабы и вернуться через северные ворота.

Навстречу проломился сквозь кусты летун. В хоботе небольшой древ, передняя половина тела которого была буквально измочалена ударом шипастой булавы. Помня об укусе, благодаря которому чуть не лишился конечности, Мизгирь теперь бил своим оружием змеев сразу, как только те оказывались в зоне досягаемости хвоста.

Я похвалил питомца, похлопав по панцирю, и надрезал шкуру дерева, чтобы охотнику удобнее было пожирать внутренности. Под шуршание срезающих плоть сухопутной пиявки челюстей прислушался, не слышно ли тех пятерых? Но было слышно только одинокое кваканье чем-то обеспокоенного чика, и чириканье каких-то мелких животных в кронах деревьев.

Охота оказалась неважной. Я так и вообще за час не обнаружил ни одного дерева. Даже парящие в воздухе глаза хитани разу не попались. Мизгирь временами ухитрялся выдергивать из кустов небольших пиявок, размерами еще меньше первой. Вероятно сказывалось нахождение рядом большого количества любящих плотно покушать сторов. Хотя, они же не охотники, а торговцы. Что-то не видел я, чтобы Гоат с сынулей хоть раз ходили на охоту. И если окрестный лес столь пуст, то от кого тогда торжище отгорожено высоким плетнем и широкой полосой плима? Оп-па, а не потому ли здесь мало мелкой дичи, что встречаются огромные монстры. Ни разу не видел гигантского змея. И не могу сказать, что в данный момент хочу его увидеть. Не готов я к такой встрече. Вот отслужу в местной армии лет пятьдесят, наберусь боевого опыта, тогда и... А это кто такой?

На стволе поваленного дерева расположился стор. Его нижняя пара рук была уперта в бока, верхняя сложена на груди. Лицо лучилось добродушным оскалом, не оставляющим сомнений в том, что ждет этот товарищ именно меня.

Я оглянулся в поисках Мизгирия. Но того не было видно. Он, вероятно, носился где-то в поисках дичи. Зато мне на глаза попались еще два стора, расположившиеся под деревьями слева и справа от первого.

Сзади хрустнула ветка. Снова оглянувшись и заметив еще двоих, я понял, что окружен.

А ребятки-то оказались знакомые – болотные рудодобыт-

чики. Значит это они вышли вслед за мной с территории торжища. Нетрудно догадаться, что этим парням нужно. И что теперь делать? Как доходчиво объяснить, что Мизгирь не продается? Да и купить ли они хотят? М-да. Вот тебе, Леег, и гигантский змей.

– Приветствую тебя, Избранный Создателями, – продолжая скалиться, заговорил сидящий.

– Приветствую и я тебя, неизвестный стор, – я поднял кулак в ответном жесте. – Что заставило тебя в столь ранний час придавить задом это поваленное дерево?

Оскал с лица стора на несколько мгновений исчез, и он непонимающе опустил взгляд на ствол. Но его губы тут же снова расплзлись, обнажив крупные крепкие зубы.

– Я Фликстр, бригадир рудодобытчиков. Меня и моих парней здесь все знают.

– Здесь? Все? – с деланным непониманием я осмотрел окрестные заросли. – Ты имеешь ввиду этого чика, который квакает не переставая все утро? Или того карликового дерева, которого только что сожрал мой стах? Или кто еще вас здесь знает?

– Ты, Избранник, ведешь себя дерзко в надежде на покровительство Создателей? Или ты действительно не знаешь, кто мы такие? – продолжив скалиться спросил Фликстр.

– А кто вы такие?

– Ну что ж. Похоже Поут забыл прошлогодний урок и решил, что мои слова можно безнаказанно игнорировать. Так

значит он тебе ничего не говорил?

– О чем? Мы много о чем разговаривали с Поутом. Но ни о каких рудодобывчиках, пользующихся известностью у местных чиков, он мне не сообщал. А должен был?

– Эй, Фликстр, – не выдержал один из его товарищей, низкорослый но широкоплечий стор, подпирающий дерево справа от меня. – Может, хватит тянуть? Видно же, что эта деревенщина нормальных слов не понимает.

– Заткнись, Варстр, – огрызнулся бригадир и вновь обратился ко мне: – Ты новичок на торжище и, возможно, поэтому мало что о нас знаешь. Мы, люди болот Локсена, не верим в каких-то Создателей. Мы верим только в себя. Стор сам является создателем своей судьбы. Но, тебе этого не понять. В данный момент для тебя, Избранник, важно понять, что нам плевать на твою якобы избранность. Ясно? Ты для нас в лучшем случае обычный плут, ухитрившийся воспользоваться подходящим моментом. В худшем – идиот. Я даже не прошу явить какое-нибудь чудо, дабы доказать избранность...

– Короче, Склифосовский, – пришлось прервать разошедшегося оратора. – Постарайся как можно быстрее изложить основную цель своего визита и можешь быть свободен.

Пока наглый рудодобывчик переваривал услышанное, я попытался сообразить, куда делся Мизгирь? Увлекся охотой и забрался так далеко, что его не слышно? Не могли же эти местные рэкетеры поймать его? Каким образом? Да нет, даже если они и сумели бы его поймать, то вряд ли это произо-

шло бесшумно.

– Вот, это более чем щедрая плата, – стор поднял какую-то темно-серую ноздреватую штукювину, формой и размером похожую на банан, и, повернув голову к широкоплечему коротышке, вероятно открывшему рот для возражения, бросил: – Заткнись, Варстр.

– Что это за засохшее дерьмо? – я с удивлением посмотрел на предложенный мне предмет. – Я конечно люблю всякую экзотическую пищу, но не до такой же степени.

– Я так и думал, – вздохнул Фликстр. – Ты, Избранник, обычный идиот. Пожалуй, ты даже глупее Варстра. Заткнись, Варстр! А это плохо. Лучше бы ты был хитрецом. С идиотом сложно договориться. Но, я терпеливый. Да, Варстр, я терпеливый. И именно поэтому бригадир я, а не ты...

– Ладно, ребята, не хочу быть свидетелем ваших семейных разборок. Приятно было познакомиться, но мне уже пора, – я сделал шаг, показывая стремление покинуть поляну, но, как и ожидал, окружившие меня рудодобытчики сразу выступили из-под деревьев, плотнее сжимая кольцо.

– Не спеши, Леег, – главарь впервые назвал мое имя. В его голосе, вопреки заявлению о терпеливости, зазвучало явное раздражение. Он снова поднял перед собой странный предмет неэстетичного вида. – За этот кусок болотного грома любой деревенский кузнец будет год бесплатно выполнять все твои заказы.

– Наш кузнец не употребляет дерьма, – огрызнулся я машинально, но посмотрел на ноздреватую штуковину уже с интересом.

В ответ на мою реплику Фликстр тяжело вздохнул, как бы сокрушаясь, что приходится иметь дело с таким непроходимым идиотом. Еще раз вздохнув, словно набираясь терпения, продолжил:

– Нам нужен твой летун. Тебе об этом должен был сообщить Поут. Но, либо он не внял моим словам, либо до тебя не дошел смысл. Но болотный гром я даю тебе не за летуна. Летуна ты подаришь за наше к тебе благорасположение.

– Да?

– Да, – вновь оскаливаясь кивнул наглый рудодобытчик. – Но есть один маленький пустячок. Ты должен научить меня управляться со стахом. Расскажи, что надо делать, чтобы эта тварь слушалась, и болотный гром твой.

– Да что ты тычешь мне это дерьмо? – искренне возмутился я, прикидывая свои шансы в драке с пятеркой наглецов.

Угла, в котором можно вынудить их нападать поодиночке, здесь нет, и это резко снижало мои шансы практически к нулевой отметке. А если эти черти решатся на убийство, то с помощью дротиков в двадцать рук вмиг превратят меня в ежика, и подходить близко не будут. Но и отдавать Мизгиря нельзя. Он этого не поймет. Да и сам я себя уважать после такого предательства перестану. И что делать?

– Послушай, Варстр, – сделал я шаг в сторону коренасто-

го коротышки. – Я вижу, ты более адекватный стор. Помоги мне пожалуйста объяснить твоему странному товарищу, что прирученный стах никогда не покинет своего хозяина, даже если тот будет его гнать.

– Да? – удивленно поднял брови Варстр.

– Да, – кивнул я, подходя ближе, и дружески положил руку парню на плечо. –

Ты же, судя по всему, неглупый стор. А потому должен понимать, что стах – зверь. А звери, в отличие от сторов, не способны на предательство. Они если признали тебя другом, то будут верны до конца. И если надо, умрут вместе с тобой. Понимаешь? Ты, Варстр, когда-нибудь слышал песню про лебединую верность? Нет? Ты никогда не был на Священном Острове? У вас поют только на Священном Острове? Только жрецы? Ну, брат Варстр, тебя кто-то намеренно ввел в заблуждение.

– Язык у тебя, Леег, подвешен не в пример лучше, нежели у Стика, – раздался знакомый голос, и из зарослей за спиной Фликстра появилась массивная фигура Тарама.

Так вот оно оказывается, кто тут главный. Да-а, проблема-то оказалась гораздо серьезней, чем я думал.

Меж тем здоровяк подошел к бригадиру рудодобытчиков и опустил руку ему на загривок.

– Значит ты не оставил свою затею, Фликстр? – Тарам слегка хлопнул парня по спине, от чего тот соскочил с поваленного дерева.

– Аккуратнее, Тарам, – Фликстру явно не понравилось такое отношение к собственной персоне. – А ты, я вижу, все-таки решил присоединиться к нам?

– Я решил проследить, чтобы вы не обидели сына моего друга. Но, похоже, помощь ему не требуется, – стор снова хлопнул Фликстра по загривку, и тому, чтобы не упасть, пришлось шагнуть вперед.

Я смотрел на происходящее с полным непониманием. Получается, что Тарам не заодно с рудодобытчиками? И он знает, что я сын Стика? Он назвал меня сыном друга? Но, судя по фразе Фликстра, у них с Тарамом уже был предварительный разговор, не приведший к согласию. И почему громила сказал, что мне не требуется помощь?

Вдруг глаза Фликстра расширились, словно он увидел за моей спиной нечто из ряда вон выходящее. Его руки тут же выхватили дротики. В следующее мгновение перед ним будто провернулись лопасти вентилятора, послышался сухой треск, и в руках бригадира остались только короткие обрубки. А Тарам вставил топоры в петли с таким видом, с каким втыкают револьверы в кобуры отстрелявшиеся ковбои из голливудских вестернов.

Видя так оскорбительно обезоруженного командира, на помощь к нему устремился Варстр, выхватывая на ходу топоры. Я машинально придержал его за ремень. Коротышка локтем отбил мою руку, повернулся и рухнул, получив в лоб удар булавой. Судя по тому, как Мизгирь пробивает на-

сквозь тела змеев, вгоняя в землю их челюсти, лоб у Варстра оказался крепости необычайной. Кость явно не пострадала. Лишь быстро вздулась приличная шишка, украшенная красными крапинками пробоев от коротких шипов.

Мизгирь, деловито скрежеща челюстями, начал опутывать ноги поверженного стора нитью.

Тут Тарам влупил ладошкой по Фликстровому загривку с такой силой, что тот упал на колени. Одновременно могучий стор метнул топорик в парня, стоявшего под деревом слева, который уже доставал из-за спины дротики. Лезвие топора воткнулось в ствол впритирку к уху бойца. Топорище при этом ударило по запястью одной из правых рук, выбив дротик. Парень скосил глаза на торчащее у его лица оружие, перевел взгляд на подмигнувшего ему Тараму, подбрасывающего в руке еще один топорик, и оставшиеся три дротика упали на землю.

Наконец до меня дошло, что я тоже могу кидаться всеми этими дротиками и топорами, а потому стоять истуканом, когда другие дерутся, не только неприлично, но может оказаться и вредным для здоровья. Выхватив дротики, я обернулся, в поисках тех двоих, что находились за спиной. Однако никого не увидел. Сбежали? А кого там увидел Фликстр, когда так страшно пялился в эту сторону? Не сожрал ли их гигантский змей? Так змеи днем не охотятся. И тут я увидел нечто висящее в просвете меж близко растущих стволов.

Что-то зашуршало под ногами. Бесчувственное тело Вар-

стра начало двигаться вперед ногами, увлекаемое нитью, переброшенной через толстую ветку, под которой расположился Мизгирь. Вот связанные ноги стора оторвались от земли. Летун уперся передними лапами в ствол и обхватил хвостом ближайший куст, чтобы самому не взмыть вверх и продолжил втягивать нить. Когда тело повисло в воздухе, паук прилепил конец нити к стволу и удовлетворенно пискнул.

А не процедуре ли подвешивания соратников так удивлялся Фликстр?

– Ты пожалеешь об этом, Тарам, – услышал я от бригадира рэкетиров классическую фразу обиженных всех времен и миров, и повернулся в сторону поваленного дерева.

Фликстр уже стоял по другую сторону ствола, предпочитая держаться дальше от грозного стора, который, несмотря на отсутствие одной руки, способен управиться не только с ним, но и со всей его компанией.

– Ты угрожаешь мне, слизь болотного хита? – Тарам подбросил топор, и Фликстр шустро скрылся под стволом. Здоровяк усмехнулся и пнул поваленное дерево. – Не бойся, не буду я пачкать топор о всякое дерьмо.

– Ты пожалеешь об этом, – снова прошипел бригадир, выбираясь из-под дерева. Фраза прозвучала хоть и тише, но голос рудодобытчика буквально кипел злобой.

Не обращая больше на Фликстра внимания, Тарам направился к парню, рядом с чьим ухом торчал его топор. Молодой стор при приближении здоровяка побледнел и закрыл

глаза, вероятно ожидая как минимум нехилой оплеухи. Но старый воин лишь выдернул из дерева свое оружие и, обернувшись ко мне, произнес:

– Если твой летун не будет пожирать пойманную дичь, то зови его и пойдем отсюда. Нам есть о чем поговорить.

– А это? – я указал на висящего Варстра, не сообразив, что именно его с двумя другими товарищами и имел ввиду Тарам, говоря про дичь.

– Лучше оставить, – с вполне серьезным видом заявил здоровяк. – Не советую тебе приучать зверюгу к мясу сторов. Тем более, что этими болотными хитами он может отравиться.

– Да Мизгирь и лесных-то хитов не ест. Только деревьев и других змеев.

Сопровождаемый восьмипалым другом, я двинулся вслед за Тарамом. Проходя мимо Фликстра, остановился и сказал:

– Не забудь поснимать с веток своих друзей. А то, если долго провисят вниз головой, получают переизбыток крови в мозг и станут слишком умными. И займет Варстр бригадирское место.

***

Плоский голыш, несколько раз подпрыгнув по поверхности воды, скрылся в речной ряби.

– Ловко, – одобрительно кивнул Тарам и нагнулся, выбирая подходящие камешки. Кинул он от живота, выбросив вперед одновременно три руки, и три голыша запрыгали,

расходясь веером. Когда средний миновал середину реки, из воды выпрыгнуло нечто похожее одновременно на крокодила и на рыбу, и, схватив камень, плюхнулось обратно.

– Кто это был? – спросил я, таращась на то место, где только что видел речного монстра.

– Я не рыбак, потому в сырой рыбе не разбираюсь, – пожал плечами стор. – Вот если ее зажарить, то по вкусу сразу скажу скрупач это или речной хлоп. Хотя, судя по размеру, это мог быть и малакир. Эх, утреннюю трапезу мы уже пропустили, а Тсодар отлично умеет запекать рыбу в листьях донного плащевика.

Тарам сел на гальку, оттолкнул хобот назойливого Мизгирия, обнюхивающего нового знакомого, и без всяких вступлений и переходов поменял тему разговора:

– Я ведь понимаю, что не было другого способа спасти меня. Понимаю... Но как вот так взять и отрубить руку другу, а? Вот кто я такой теперь с этим обрубок? – стор поднял заштрихованную шрамами культю. – Лучше бы он оставил меня там...

Ошарашенный таким поворотом в разговоре, я какое-то время молчал, соображая, что ответить. После чего спросил:

– Что бы ты сделал на месте моего отца? Неужели бросил бы товарища погибать, лишь бы не попортить его драгоценное тело?

– Я? – и без того красная морда Тарама кажется покраснела еще больше. В огромных кулаках захрустела галька.

– А как ты так вовремя оказался в лесу? – поспешил я в свою очередь сменить тему разговора.

– В каком лесу? – сбитый с толку собеседник непонимающе уставился на меня.

– Здесь, – мой палец указал в сторону опушки. – Я, кстати, благодарен тебе за то, что окоротил этих наглых парней.

– А-а, ты про это. Так Фликстр еще вчера предлагал мне выманить тебя в лес, чтобы ты показал, как охотится летун, и отобрать зверя. А я-то сразу, как только тебя увидел, понял, что ты сын Стика. Стик конечно в кости шире, но на лицо ты вылитый отец. Да и пришел вместе с толстяком Гоатом. А Гоат из одного селения со Стиком. В общем-то, поэтому и взъелся на тебя поначалу. Но когда этот болотный прохиндей пристал со своим предложением, до меня дошло, что ты-то никаким боком к моему увечью не причастен, – Тарам снова продемонстрировал обрубок. – А Фликстеру я сразу ответил, что если еще раз обратится ко мне с подобным предложением, то будет всю жизнь жалеть об этом.

Увидев утром, как компания этих болотных хитов выходит из ворот, подумал, что они возвращаются в свои края. Но потом удивился, что рудодобытчики отправились налегке, и решил задать пару вопросов парню, несшему ночной караул у южных ворот. От него-то и узнал, что незадолго до ватаги Фликстра торжище покинул ты со своим зверем. Вот и решил пройтись, посмотреть.

– А летун твой настоящим стахом оказался, – после

небольшой паузы продолжил стор. – Видел я однажды селение, через которое прошли гонимые степняками стахи. Все жители были парализованы ядом и развешены по деревьям. Вероятно, твари всегда так оставляют свои жертвы, когда не успевают сожрать сразу.

– Мизгирь никого раньше не подвешивал. Да и охотились мы в основном на древов. Честно говоря, я даже сомневался, сможет ли он напасть на стора, если случится такая необходимость. Слишком уж дружелюбен летун к нашим односельчанам. А с детворой так и вообще любит возиться, пожалуй, даже больше, чем охотиться. А после вчерашнего обморока, что произошел с ним, когда нас окружили торговцы, мои сомнения в его бойцовских качествах только усилились.

Мы просидели на берегу почти до полудня. Тарам расспрашивал о том, как сложилась жизнь у отца. Удивлялся моей потери памяти после укуса водяного стаха. Не понимал решения привести пойманного летуна в селение. Неопределенно хмыкал, когда я рассказывал о некоторых своих нововведениях. Но явная заинтересованность на лице старого воина проявилась после того, когда я упомянул о планах поимки и приручении других летунов с последующим воспитанием из них ездовых и боевых стахов.

– Ездовые стахи! Надо же до такого додуматься? А боевые? Нет, но я же сам видел, как этот восьмилапый орудует булавой. Не видел бы, ни за что не поверил бы. Может, это и не слухи вовсе, что ты, Леег, избран Создателями, а?

– Хорошо бы еще узнать, для чего избран? – пожал я в ответ плечами.

– Для того, чтобы изменить жизнь сторов, – не задумываясь ответил здоровяк. – Виданное ли дело, чтобы стах, пусть даже и всего лишь летун, вот так спокойно топтался рядом со сторами? А то, что он еще и возит грузы? Говорят, Гоат привез на торжище вдвое больше против обычного. А еще говорят, что летун мог бы притащить гораздо больше, будь лесная тропа шире. Это правда?

– Да, дороги здесь оставляют желать лучшего, – я согласно кивнул. – Если налаживать гужевое сообщение, то придется заняться их приведением в надлежащий порядок.

– Чего? – густые брови Тарама полезли кверху.

– Да это я пока только мечтаю, – отмахнулся я от вопроса. – Главная проблема не в дорогах, а в невозможности поймать летунов. Я-то своего поймал случайно. Можно даже сказать, что Мизгирь сам меня поймал. И даже если удастся каким-то образом напасть на летуна, то как избежать смертоносного шипа?

– Шипа? Не вижу проблемы, – стор пожал плечами и достал топорик. – Нужно просто отрубить шип, как это сделал ты. Разве это сложно?

В следующее мгновение топорик со стуком вонзился в ствол одинокого дерева, предварительно срубив ветку толщиной в руку.

– Укоротить хвост летуну не составит проблемы для вла-

деющего оружием стора, – прокомментировал Тарам свои действия. – Взрослому стаху конечно так просто хвост не срубить. Но взрослые нам, как я понял, и не нужны.

– Нам?

– Нам, Леег, нам. Или ты думаешь, что я отпущу вас без присмотра в южные земли? Я вообще удивлен, как это толстяк Гоат решился на такую авантюру. Тем более в такое время, когда там происходят какие-то странные вещи. Он же в случае чего от хита отбиться не сможет. И сына своего так же воспитывает. Да все они торговцы такие. Если бы не это, он снова продемонстрировал обрубок руки, – ни за что бы не связался с этими торгашами.

Крик. Альянс с Создателем

Проведя в беседе с Элем много часов, я с сожалением понял, что общение с этим существом не доставляет мне удовольствия. Пока тот рассказывал про не очень-то богатую историю созданного им сотоварищами мира, я еще испытывал какой-то интерес. Но в дальнейшем общении Создатель показал себя примитивной сущностью, с ограниченным мышлением. Не удивительно, что у таких Создателей получился такой бледный мир. Может, таким образом, сказывалась нестандартность данного мира, выраженная в дважды семи значности? Породив из одного яйца сразу две семерки, Вселенная поделила на двоих предназначенный для одного интеллект... Но оставим предположения. Точно ясно одно, видеть в друзьях это существо мне не хотелось.

Может, и правда, поглотить сущность Эля? И что мне это даст? А вдруг его ограниченность заразна? Ну уж нет уж.

Но как-то же нам разойтись надо. Вряд ли он, поговорив со мной, вернется к себе в горы, оставив чужака спокойно хозяйничать на просторах охраняемого Создателем мира.

– Ну что ж, – решил сам поторопить события Эль, – я получил удовольствие от беседы с тобой. Но теперь тебе пора отправляться в свою вотчину на юг. Нельзя долго нарушать семи значность.

– Не понял, ты меня выгоняешь, что ли? – удивился я наглости марыка, несколько часов назад трясшегося от страха передо мной.

– Но ты же понимаешь, – смутился тот, – я не могу иначе.

– Почему? – поднял брови я, удивляясь теперь уже собственной наглости. Сколько раз уносил в панике ноги, спасаясь от хозяев различных миров, не знаю и сам. Но мог ли я помыслить, что буду вот так находиться рядом с сущностью одного из Создателей, не только не испытывая к нему страха, но и нагло возражая против требования. Покинуть его территорию.

– Почему? – повторил я вопрос и, пока собеседник подыскивал внятные аргументы, попытался шокировать его авантюристическим предложением: – А отправляйся-ка ты на юг вместо меня! А?

Уже готовый было что-то ответить марык завис с приоткрытым ртом.

– Да ладно, – прочитал я весь ужас в его выпученных глазах, – мои собратья вполне адекватные сущности. Скажешь им, мол, прибыл по обмену опытом, то да сё.

– По-по обмену каким опытом? – заикаясь, пролепетал Эль.

– Ну, ты расскажешь южанам про то, как вы тут устраивали свой мир, они поведают о своем опыте. Тебе же интересно, как там они у себя все устроили?

– Мне нужно время, чтобы осмыслить твои слова, – после

долгой паузы произнес Создатель.

– Вот и хорошо! – обрадовался я. – Подумай как следует. Но не затягивай. Максимум, лет сто... Ну хорошо-хорошо, лет двести тебе хватит?

Окончательно опешивший марык смог лишь нервно сглотнуть и уставиться на меня выпученными глазками.

– Но учти, – решил я его добить, – если откажешься, я тебя съем!

Марык закашлялся.

– Съешь? – сдавленно прохрипел он, и у меня появились опасения, что его маленькие глазки выпадут и покатаются черными бусинками мне под ноги.

– Ну, в смысле поглосчу.

– Ты не сможешь, – без толики уверенности в голосе возразил Эль.

– Ты сомневаешься в моих возможностях? Думаешь, я не смогу переварить второго?

Вот тут-то моего собеседника прорвало. Активно жестикулируя тонкими ручками, он принялся втолковывать мне о зависимости мира от семи сущностей, и о том, что любое нарушение священного числа в большую или меньшую сторону непременно приведет к апокалипсису. Откуда ж ему было знать, что меня, прыгающего по мирам, аки земная блоха по собакам, не напугать апокалипсисом в одном единственном мире. Даже интересно будет посмотреть на такое представление, прежде чем свинтить отсюда. Однако понятно же, что

я блефую, ибо напасть на сущность Создателя теоретически могу решиться только будучи загнанным в угол. Но опять же, собеседник о моем блефе знать не мог.

– Так никакая связь и не нарушится, – выдал я после того, как он замолчал. – Если вслед за южанином я поглощу одного северянина, то нас все равно с обеих сторон останется по семеро. Не понимаешь? Но это ж так просто. И южан вместе со мной будет семеро, и северян со мною же тоже будет семеро. Все равно не понимаешь? Ну, извини. Я не в силах бороться с закаменелостью твоего мышления.

В конце концов, окончательно запугав и сбив с толку местного властелина, я успокоил его, заверив в своей к нему симпатии, и предложил совместное развлечение. Повторюсь, видеть в товарищах это ограниченное существо я не хотел, но и упускать его из виду опасался. Мало ли что придет ему в маленькую марычью голову. Вдруг пробудит своих собратьев, чтобы устроить травлю наглого пришельца. Или хотя бы для того, чтобы подсунуть мне на съеденье другого. В общем, решил я придержать Создателя при себе.

– Короче, мой гениальный план таков, – объяснял я внимающему Элю. – Соседи с приданными им погонщиками стахов устраивают в лесу большой шухер и оттягивают на себя ближайшие отряды лесных аборигенов. Воспользовавшись этим обстоятельством, я со своим племенем вторгаюсь на лесную территорию восточнее и закрепляюсь, пока сквилы разбираются с соседями.

– Закрепляешься? – вытаращил на меня глазки марык.

– Закрепляюсь. Если уж мне довелось стать вождем этого племени, то я не позволю ему и дальше пастись, как стаду безмозглых баранов.

– Баранов? – не понял сравнения с неизвестными ему земными травоядными Создатель.

– Баранов, – кивнул я, не вдаваясь в пояснения. – Закрепившись на лесной территории, я постараюсь объяснить сквилам, что теперь это будет земля моего племени, и им лучше быть нам добрыми соседями, чем врагами. Мои воины получили строгий приказ никого без крайней нужды не убивать и не калечить, а по возможности даже проявлять дружелюбие. По собственному опыту знаю, чем дружелюбнее относиться к населению аннексированных территорий, тем легче его ассимилировать.

– По собственному опыту? – не пропустил мою оговорку Эль.

– Кх-м... Наверное во мне проклевываются знания поглощенной сущности, – я сделал вид, что сам удивился. – Короче, пока твои собратья спят, еще раз предлагаю тебе присоединиться к развлечению и слегка изменить ход истории ваш... нашего мира.

Главный марык еще какое-то время пробовал вяло возражать, но в конце концов мне удалось увлечь его планированием операции по захвату сартуками лесных земель. Оказывается, Создатель мог воздействовать на примитивное со-

знание самцов стахов так, что те принимали его за самку и беспрекословно подчинялись навязываемой им воле. Но если горные стахи жили парами, то Эль своей волей собрал и привел сразу полсотни самцов. Пренебречь такой силой я не мог.

После совместных обсуждений у меня по принципу, послушай марыка и сделай наоборот, возникла идея, как эффективно воспользоваться восьмипалым воинством. Уже в пути я кое-как втолковал план операции компаньону, заодно внушив ему уверенность, будто он является соавтором сего плана.

Задача Эля заключалась в том, чтобы не гнать стахов во владения сквиллов как это делалось обычно обезумевшим стадом, заставлявшим разбегаться и прятаться всех обитателей лесной территории, а скрытно проникнуть под покровом ночи. Проникнув, восьмипалые должны были оцепить ровно такую территорию, границы которой могли надежно контролировать, дабы ни один лесной житель не смог пройти в ту, или иную сторону. Ведь чем дальше сквилы будут оставаться в неведении о вторжении моего племени, тем больше времени будет у нас, чтобы основательнее укрепиться в своих будущих владениях.

По уже озвученной выше причине я предупредил марыка, чтобы его монстры не убивали и не пожирали лесных аборигенов, а лишь парализовали небольшой дозой яда, дабы в дальнейшем их можно было вернуть к полноценной жизни.

Все же я хотел, чтобы доверившиеся мне сартуки развивались в прогрессе, а не выживали в бесконечных войнах, оказались сквилы способны на многолетнюю вендетту.

Итак, план более-менее обрисовался. Прорабатывать какие-то подробные детали с моим воинством, знающим лишь тактику «стенка на стенку», смысла не имело. Теперь осталось определиться с точным местом вторжения. С одной стороны нужно уйти дальше от той мясорубки, которую должны устроить соседи с приданными им стахами. С другой стороны, я для того и спровоцировал их вторжение, чтобы они оттянули на себя все ближайшие резервы сквилов, облегчив задачу моему племени. А значит, не стоит уходить дальше тех мест, откуда эти резервы будут сняты.

Леег. Охота на гератов

Через четыре дня после прибытия на торжище мы погрузились на три лодки и отправились вверх по течению Лабы.

С рыбаками договорился Тарам. Он же помог распродать товары Гоата, а вернее уговорил управляющего торжищем купить основную часть оптом. В итоге вместо седмицы толстяк управился за два дня. Так как обратный путь должен был пролегать опять через торжище, то закупленные товары оставили на хранение здесь же.

С нами в поход на юг отправились двое ткачей – Скарос и старший из сыновей Клитоса Протикс.

Наверняка нашлось бы больше желающих, но в последние несколько седмиц никто не приходил на торжище с юга. Это было странно и настораживало. Сторы терялись в догадках о причинах. Даже если предположить самый неожиданный набег степняков, то все равно кто-нибудь вырвался бы и предупредил о напасти. Да и не могло быть такого, чтобы степняки блокировали все заставы и пограничные селения, из которых на торжище приходили торговцы. А ведь никто не появлялся и из более удаленных от порубежья селений.

Узнав об этом, Гоат сначала даже решил отложить поход на юг до прояснения ситуации, и раздумывал отправляться ли в северные селения, или закупить все необходимое

здесь? Однако, услышав, что Тарам изъявил желание присоединиться к экспедиции, лавочник все же решил рискнуть. Решающим фактором в этом вопросе было заявление воина, что он берется сопровождать искателей приключений совершенно бесплатно.

– Надоела мне эта торговля. Брюхо вон какое уже выросло. Скоро толще тебя стану, – ткнул он Гоата в живот так, что тот гукнул и некоторое время молчал, восстанавливая дыхание. – Пройдусь, пожалуй, с вами на юг, посмотрю, что там нынче творится. Я же, как... к-хм, как с воинской службы ушел, ни разу в тех краях не был. Заодно и за сыном друга присмотрю. А может, ха-ха, и себе летуна поймаю. Нет, ну надо же было такое выдумать, а? Ведь не поверил бы, если бы сам не увидел.

В тот же день Тарам договорился с рыбаками, чтобы те отвезли нас вверх по Лабе. Старшина селения, расположенного на противоположном берегу, некогда служил на той же заставе, что и Стик с Тарамом. Правда, когда те появились там еще юношами, Ледив был уже опытным воином и некоторое время обучал новобранцев. Но случилось так, что при очередном патрулировании отряд порубежников схватился с бандой степняков, и Ледив получил серьезное ранение в колено, после чего нога перестала сгибаться. Вот и пришлось ему покинуть заставу, и вернуться в родное селение на берегу полноводной Лабы. А через четыре с лишним десятка лет он, посетив от безделья торжище, увидел здорового крас-

номордого стора, у которого не хватало одной руки, и чье лицо показалось знакомым. Так вновь встретились бывший десятник порубежной стражи, а ныне старшина рыбацкого поселка, и некогда молодой воин порубежья, а ныне заслуженный ветеран, списанный из-за увечья. Тарам тогда впервые прибыл на торжище с лавочником из своего селения в качестве его компаньона.

И сейчас, когда Тарам обратился с предложением нанять пару лодок, Ледив заявил, что как раз собирался отправить рыбаков к Семи Водопадам, чтобы те половили там гигантских малакиров, а потому будет рад заодно помочь добраться до тех мест Тараму и его друзьям, и не возьмет за это ни единой чешуйки с хобота стаха. После чего старшина намекнул, что был бы не против посмотреть на диковинного летуна, который дружит со сторами, и познакомиться с Избранником Создателей. А если бы Избранник еще показал, как прирученный им летун охотится с булавой на древов, то он (старшина) был бы просто счастлив.

Но кроме всего прочего Ледив предостерег Тарама забираться на юг дальше Семи Водопадов, пока не появится хоть кто-нибудь из тех мест и не прояснит ситуацию. И тут же посоветовал на свою изувеченную ногу, из-за которой не может бросить опостылевшее старшинство и отправиться вместе с нами на поиски приключений.

Как только лавочник узнал о том, что ценой за проезд на двух лодках будет всего лишь представление для сельского

старшины с участием Мизгиря и Избранного Создателями, то отринул последние сомнения. Ради такой халявы он готов был отправиться даже в нору к стахам. Правда при условии, что первым туда спустится могучий Тарам, убедится в безопасности предприятия и позовет следовать за собой его – храброго и мудрого торговца Гоата.

В итоге нам с Мизгирем предстояло с утра отправиться устраивать шоу на том берегу. Сперва мне эта затея не очень понравилась, но, устав за день от навязчивого любопытства публики торжища, к вечеру уже с нетерпением ждал завтрашнего дня, чтобы покинуть это беспокойное место. Возможно, рыбаки окажутся менее надоедливymi сторонами. К тому же, так как вопрос с реализацией принесенного нами товара практически решился, Ваал и Боат вызвались сопровождать меня, и я надеялся, что товарищи возьмут на себя часть любопытных, ежели рыбаки все же окажутся не менее назойливыми, чем торговцы.

Да и провизией для питомца следовало запастись. Охота на этом берегу оказалась не совсем удачной, если не считать троих подвешенных на деревьях рудо добытчиков. Но по заверениям Тарама на том берегу дичи должно быть не в при- мер больше.

Фликстра с компанией я больше не видел, хоть и высматривал их специально. То ли они покинули торжище, то ли старались не попадаться мне на глаза.

Селение рыбаков оказалось огорожено таким же высоким

плетнем, как и торжище. Дома располагались прямыми улицами, как и в нашем родном поселке. Однако дворы друг от друга не отгорожены, что создает впечатление необжитости. Словно поселок только что вырастили, помещения в плодах зуха уже вырубали, но больше ничего сделать не успели.

Кое-где между домов были растянуты рыболовные сети. Все же удивительно, почему при таком масштабном применении нити стахов до сих пор не одомашнили и не заставили производить нить в промышленных масштабах. Такое ощущение, что прогресс на Сторане намеренно тормозился. А раз так, то не привлеку ли я внимание какой-нибудь бодрствующей сущности? После знакомства с Создателями зарождающегося мира, я безоговорочно верил словам Странника об агрессивности этих существ и не имел ни малейшего желания с ними встречаться. Впрочем, нет смысла думать о том, чему нельзя найти ответ самостоятельно.

От ворот поселка навстречу нам двигалась компания рыбаков. Среди них выделялся высокий светловолосый стор, заметно хромавший из-за не сгибающейся ноги. Вероятно, это и был старшина. Я все никак не мог привыкнуть к тому, что сторы, достигнув зрелого возраста, практически не меняются до самых последних лет жизни. Зная, что поселковый старшина на полвека старше Тарама, ожидал увидеть старика. Приближающийся же к нам сухощавый мужчина выглядел, пожалуй, даже моложе Тарама. И не хромай он, вряд ли бы я понял, что он и есть Ледив.

Рядом со старшиной шагал невысокий юноша. Никогда ранее не видел сторов с длинными волосами. И руки у него были какие-то нежные и тонкие. Ё-мое, так это же девушка! Девушка в мужской одежде. И односельчанки, и встреченные на торжище женщины носили платья с длинными рукавами, скрывающие руки по запястья. Поэтому вид девушки с обнаженными руками поразил меня примерно так же, как если бы я увидел посреди земного города девушку в пляжном бикини. Интересно, все рыбачки так ходят?

Следующее, на что я обратил внимание – длинные ноги, вполне подходящие под земные стандарты. Вероятно, из-за второй пары рук туловища сторанцев длиннее, чем у землян, и ноги из-за этого кажутся непропорционально короткими, естественно, на взгляд землянина. И меня, как сущность землянина, сей факт отчасти угнетал. Теперь же ко мне приближался идеал, практически эталон женского совершенства! Обтягивающие бриджи и высокие сапоги-чулки подчеркивали стройность девичьих ног. И даже вторая пара рук не смущала. На лицо, кстати, девушка тоже вполне привлекательная. Проглядывались схожие черты с Ледивом. Наверняка его дочь.

Кроме девушки старшину сопровождали трое парней. Или все рыбаки подобно китайцам на одно лицо, или все они были родственниками.

Наши группы сблизились. Тарам и старшина приветственно похлопали друг друга по предплечьям. Завязался разго-

вор.

Я старался вникнуть в то, что говорят, но мысли вместе с глазами, словно магнитом притягивала фигура белокурой красотки. Хорошо еще, что внимание всех собравшихся привлекал Мизгирь, и никто не замечал того, как я пялился на девушку.

Впервые за время пребывания в этом мире появились мысли о сексе. Я представил за какие части женского тела смогу взяться одновременно четырьмя-то руками. Наверняка и у партнерши лишняя пара рук без дела не осталась бы. Все-таки местные Создатели те еще пройдохи в сравнении с земными. Вона какие многорукие оболочки себе подготовили, маньяки сексуальные... М-да.

Размышляя, я машинально отвечал на хлопки по предплечьям. Кажется, увлеченный своими фантазиями, я пропустил знакомство.

– А это моя внучка Ледива, – старшина обнял девушку за плечи и добавил: – По ошибке Создателей родилась не парнем.

Вот оно как, оказывается не дочка, а внучка. И зовут ее так же, как самого старшину – Ледива. Какая приятная у нее улыбка! Это ж она мне улыбается.

Девушка о чем-то меня спросила и теперь с улыбкой ждала ответа. А я стоял перед ней как идиот, пытаюсь сообразить, о чем она спросила.

– Он ничего не помнит из того, что было до выздоровле-

ния, – ответил за меня Боат.

– Совсем ничего? – девушка округлила глаза.

Я лишь виновато развел в ответ руками.

– Он даже с нами заново знакомился, – снова пояснил товарищ. – Словно заново родился. И, надо сказать, Леег действительно стал будто бы совершенно другим.

– Ага, – поддержал друга Ваал. – Леег раньше другой был.

– Да ладно вам, – решился и я вставить слово. – Какой был, такой и остался.

– Ой, он трогает меня хоботом, – произнесла Ледива в полголоса, словно боясь спугнуть Мизгиря. – А можно мне тоже его потрогать?

– Можешь даже погладить, – разрешил я снисходительно, испытывая одновременно и облегчение от того, что внимание переключилось на восьмипалого, и некую ревность от того, что девушке более интересно потрогать этого мигающего короной глаз монстра, нежели меня. Хотя, странно было бы, наверное, если бы она вдруг заявила о желании потрогать меня...

После того, как Ледива и ее родственники поочередно погладили пищащего от блаженства Мизгиря, церемония знакомства закончилась, и мы, не заходя в поселок, направились вдоль окаймляющей ограду полосы плима к опушке леса.

Теперь начались расспросы о поимке летуна и о процессе его приручения. Похоже, в отличие от меня Боат с Ваалом ничуть не устали от непрерывных потоков одних и тех

же вопросов за два дня пребывания на торжище, и теперь в очередной раз рассказывали обо всем с таким азартом, будто делали это впервые. Я же старался больше помалкивать, и лишь утвердительно кивал, когда Ледива обращала на меня свои большие изумрудные глаза, ища подтверждения услышанным невероятным вещам.

Странно, что Мизгирь так сразу проникся доверием к внучке рыбацкого старшины, и теперь семеня рядом с ней в ожидании очередного поглаживания по хитиновой спине. Так он вел себя только с Гоатом и Ваалом, да и то не с первых дней знакомства. А может, он разделял мои отношения к параметрам женской красоты? Пожалуй, скорее всего питомец чувствовал мое отношение к Ледиве.

***

Направляясь вместе со всеми в лес, я думал, что будет обычная охота – Мизгирь будет вышибать булавой челюсти деревьям, вызывая восхищенные возгласы зрителей. Поначалу все именно так и началось.

Мы углубились в лес шагов на двести, когда летун заскрежетал челюстями и рванулся к одному из деревьев. На бегу он плюнул в гущу веток нитью и, в попытке выдернуть жертву, сам повис в воздухе, смешно перебирая конечностями и размахивая вооруженным булавой хвостом. Сообразив, что так просто змея не оторвать, стах вытравил нить и, утвердившись на земле, начал пятиться, взрыхляя лапами лесной грунт.

Рыбаки окружили Мизгиря, пытаясь высмотреть в ветвях его жертву. Тарам, тоже впервые видя такую охоту, решил вдруг помочь летуну и, ухватившись за нить сразу тремя руками, принялся тянуть. Удивленный стах непонимающе пискнул, ослабил нить и отошел в сторону, предоставив стору напрягаться в одиночку. Тот, кряхтя от усилия, даже не заметил, что остался один, так как находился спиной к летуну.

– А ну, дай-ка, – к Тараму присоединился Ледив. – Давай, дружище, рывками. Оп. Ага-ага! Еще раз! И-и оп!

Окончательно отбросив нить, Мизгирь переминался с ноги на ногу, неистово гонял огонек по короне глаз, пищал и гугукал в хобот, в азарте наблюдая за интересным представлением.

Молодые рыбаки топтались вокруг упирающихся сторов, пытаясь тоже ухватиться за нить, но свободное место было слишком высоко.

– И-и оп! – скомандовал Ледив для очередного рывка.

В ветвях чмокнуло. Нить резко ослабла, заставив свалиться Тараму и старшину. Из листвы вырвалась огромная бурозеленая масса и сбила с ног молодых рыбаков.

Как оказалось, Мизгирь заарканил не древа, а более крупную дичь – змея длиной более метра. И теперь этот монстр извивался между тел сбитых им сторов. Присоска раскрылась, и из нее показались страшные челюсти. «Хрясь», – от топора, которым поспешно прикрылся поднявшийся на чет-

вереньки один из юношей, осталась срезанная на косую половинка топорща. Кинув ею в пиявку, парень кувырком ушел в сторону.

В следующее мгновение в тело змея с чавканьем стали втыкаться дротики. Еще миг, и лесной монстр стал напоминать то ли невероятно длинного дикобраза, то ли гигантскую мохнатую гусеницу. Из всех собравшихся на поляне не метнул в него дротики только я. Ну и, естественно, Мизгирь. Тот восторженно верещал, требуя повторить небывалое зрелище. Боюсь теперь, заарканив очередного змея, он будет предлагать сдернуть его кому-нибудь из нас. М-да...

Чувство неловкости и даже какой-то неполноценности овладело мной, когда я заметил, что даже Ледива послала в зверя все свои дротики. Пытаясь как-то оправдать свою нерасторопность, я подошел к затихшему змею и, покачав головой, вздохнул:

– Э-эх, такую великолепную шкурку испортили.

И тут охотников словно прорвало. Нервно похохатывая и перебивая друг друга, они начали обсуждать происшествие.

– Я как увидела челюсти змея перед лицом Валада, так подумала – все. Остался братец без носа, – весело хлопнула юношу по плечу Ледива.

– Ага, я тоже так подумал, – кивнул тот. – А видали, что от моего топора осталось? Это ж он мог мне и руку срезать по самое плечо.

Все непроизвольно посмотрели на Тарама. Но тот не слы-

шал слов парня, так как хохоча обсуждал со старшиной нюансы сдергивания змеев с деревьев.

– У вас всегда охота проходит так весело? – обратилась ко мне прелестная рыбачка.

Пока я разводил руками, соображая, что бы такое умное сказать, опять встрял Боат:

– Нет. Только когда в охоте принимают участие Тарам с твоим дедом.

– А разве вы с моим дедом уже охотились?

– Нет. Сегодня первый раз.

Девушка залилась звонким смехом. Похоже, блондинки всех миров одинаковы...

Меж тем к истыканному дротиками змею подошел забытый всеми Мизгирь и с непониманием, выражающемся в протяжном попискивании, принялся разглядывать жертву охотничьего беспредела. К нему присоединился Ваал. Здоровяк повыдергивал дротики, отбирая свои и откладывая чужие в сторону.

После того, как ажиотаж стих, мы скормили Мизгирию кусок добычи и двинулись дальше. Теперь были все предупреждены, что если хотят увидеть, как охотится летун, то вмешиваться в процесс не стоит.

– Если только попадется по-настоящему крупный змей, тогда можно, – уточнил я на всякий случай. Мало ли на какого гиганта нарвемся. Не зря же местные жители так основательно огораживают свои селения.

Не прошли мы и полсотни шагов, как Мизгирь рванулся вперед, скрывшись из виду. Через секунду выскочил обратно, проверещав о чем-то, и снова исчез в зарослях.

– Что это с ним? – удивился Тарам.

– Не знаю, – пожал я плечами.

До нас донесся звук глухого удара, будто по дереву врезали огромной кувалдой.

– Что это? – пришла моя очередь удивиться.

В ответ местные жители лишь развели руками пожимая плечами.

– Мне кажется, что мы можем пропустить что-то интересное, – слова Боата прозвучали командой к общему старту.

Ломясь вперед сквозь заросли, я думал о том, что пошло оно все интересное куда подальше – лишь бы с Мизгирем ничего не случилось. А то, судя по звуку, таким ударом можно размолотить всмятку любой панцирь.

Мы выбежали из чащи на свободное пространство. Здесь на довольно большом расстоянии друг от друга росли огромные раскидистые деревья, напоминающие земные вековые дубы. Вокруг одного из них носился привязанный нитью к стволу зверь, похожий на африканского носорога. Нить быстро наматывалась на ствол, и наконец, монстр с глухим ударом врезался в дерево. От сотрясения на землю обрушился град коричневых плодов размером с яблоко, посыпались сухие ветки. В воздухе, плавно опускаясь, закружились сбитые плодами листья.

Под таким же деревом справа слышались возня и похрюкивание. Повернувшись, я увидел еще одного монстра, скребущего короткими хитиновыми лапами по стволу, в попытке освободиться от прилипшей к панцирю нити.

Раздались восторженные крики рыбаков. Посмотрев в том направлении, куда они показывают, я увидел, как Мизгирь приклеивал к стволу очередную нить, на другом конце которой бесновался еще один зверь. Пока нить не была приклеена, летун выпускал ее по мере передвижения гигантского жука. Но вот нить закреплена. Резкий рывок, и пойманный монстр перевернулся на спину. Неуклюже перевалившись и встав на ноги, он начал бег по кругу.

Мизгирь, убедившись, что все идет как положено, устремился дальше и вновь скрылся из вида.

– Сразу три гирата! Это ж... Это... А вы уже придумали, как будете ловить летунов? – обратился восхищенный Ледивк к Тараму, и я понял, что кроме ткачей к нашей экспедиции присоединятся и представители рыбацкого селения.

***

Рыбацкие суденышки не были рассчитаны на комфортную перевозку пассажиров и не имели какого-либо подобия кают. Все пространство под палубой десятиметровой лодки предназначалось для пойманной рыбы и благоухало соответственным амбре. Для команды имелся лишь низкий навес в носовой части, защищавший от дождя или солнца. Вся команда состояла из восьми гребцов и кормчего.

Тарам, Goat с сыном и ткачи погрузились на одну лодку, я с друзьями, в число коих теперь входил и Роам, на другую. Мизгирь, естественно, со мной.

В трюм нашей лодки спустили два тюка мяса набитых на вчерашней охоте змеев, предназначенного для кормления нашего восьмипапого друга. Продолжительные остановки не предполагались. Поэтому возможности поохотиться в пути не предвиделось, а растущему организму летуна требовалось регулярное питание. Он, кстати, заметно подрос с момента нашего знакомства, и я теперь мог гладить его хитиновую спину не присаживаясь. Панцирь стаха перестал быть идеально гладким, покрылся осязаемыми пока только на ощупь пупырышками и слегка помутнел.

Перед самым отплытием два дюжих селянина принесли завернутую в шкуру свежезажаренную тушу одного из пойманных Мизгирем гиратов. Вчера, когда мои спутники начали сообща забивать одного из гигантских жуков, я поинтересовался у Ледива, почему они не хотят приручить этих животных? Старшина искренне удивился вопросу, заявив, что никому из их селения даже в голову не могла прийти такая глупая идея. Однако когда я рассказал, что приручение летуна мои односельчане в свое время тоже считали глупой идеей, он задумался.

– Но стах – охотник. А еще Тарам говорил, что ты хочешь ездить верхом на стахе и даже создать отряд воинов, которые будут сражаться верхом на этих зверях. Это невероятно, но

на сегодняшней охоте я стал свидетелем не менее невероятных событий, – ответил тогда Ледив. – До сегодняшнего дня никому не удавалось поймать живого гирата – приходилось на ходу забивать ударами топоров. Но для чего приручать этих жирных тварей?

– Ну, например для того, чтобы под рукой всегда была свежая еда, за которой не надо гоняться по лесу. А если приучить их перевозить грузы, то получатся неплохие вьючные животные. Представляешь, сколько груза может тащить этот носорог?

– Носорог? Я никогда не слышал, чтобы гирата называли носорогом, – удивился старшина, после чего распорядился, чтобы двоих из четырех пойманных Мизгирем жуков, оставили в живых.

– Ты хочешь их отпустить? – не поняла деда Ледива.

– Нет. Леег сказал, что если ты будешь кормить пойманных гиратов плодами чиндрагора, то когда-нибудь они станут такими же послушными, как его летун, и позволят тебе ездить на их спинах.

– Да-а? – блондинка перевела взгляд на меня. – А зачем мне ездить на их спинах?

– Ну-у, – я попытался найти какое-нибудь объяснение, ловя ухмыляющийся взгляд старшины. – Ну-у... Ты никогда не слышала о скачках на гиратах? Нет? После охоты расскажу.

– Обязательно расскажешь, – не спросила, а утвердительно заявила Ледива. – А этих гиратов можно использовать для

скачек?

– Честно говоря, не знаю. Конечно, для приручения лучше поймать маленьких зверюшек...

– Каких таких маленьких зверюшек, – перебил тоже заинтересовавшийся старшина.

– Ну, маленьких гиратов.

– Где ты видел маленьких гиратов? – присоединился к допросу Тарам.

Я осмотрел собравшихся вокруг сторов и понял, что сморозил какую-то нелепость.

– Ну, не помню, если честно. Видел где-то бегали маленькие такие, шустренькие. А что? Вы же знаете, что у меня с памятью не все в порядке. Разве гираты маленькими не бывают? Они что, сразу большими рождаются? Или вылупляются?

– Гираты сразу такими и выводятся из личинок, которые три года развиваются в речном иле, куда самки откладывают яйца, – пояснил Валад. – А я смогу ездить верхом на гирате?

– Ты сможешь, – заверил я самого молодого из рыбаков.

Крик. Вторжение

Переход дался племени нелегко. Я повел сартуков по прямой, не сообразив, что путь будет пролегать по землям, где урожай клода уже выкопан и съеден. А мои советники не посмели указать на сей факт, ибо после встречи с Элем были, как и все остальное племя, буквально подавлены моим авторитетом. Ведь мало того, что их новый вождь общался с верховным марыком не просто на равных, а как бы даже свысока, так он еще и взобрался верхом на ужасного стаха!

Нет, ну в самом деле, зачем бить ноги по колдобинам выжженной солнцем степи, если можно спокойно подремывать на спине восьмипалой твари? Тем более, это была не моя идея. Таким образом, путешествовал Эль. Он же и мне предложил последовать его примеру. Надо было видеть глаза соплеменников, когда я первый раз прогарцевал по стойбищу на кошмарном скакуне. У меня даже возникла идея создания отряда всадников, но Эль обломал ее. Оказывается стах терпел меня лишь повинаясь приказу самки, за которую принимал Создателя. Верховный марык мог посадить наездников и на других монстров, но если те удалятся на расстояние, на котором контакт с Элем ослабнет, то стахи наверняка убьют своих наездников. Такая ненадежная кавалерия мне была не нужна.

Через седмицу, когда двигающееся ускоренным маршем племя преодолело почти половину пути до намеченной цели, советники вдруг огорошили меня неожиданной новостью. Оказалось, во время ночной стоянки племя догрызло последние запасы провизии, и пополнить их в ближайших окрестностях негде. На мой вопрос, почему не предупредили заранее, братья в один голос ответили, мол, кто они такие, чтобы указывать великому вождю, восседающему на спине грозного стаха?

Темных сартуков можно было понять. Но как такую очевидную промашку мог допустить я, опыт которого измеряется вечностью!? Вероятно, примитивное существование делает соответственным мышление. Хотя, вряд ли вождь даже самого примитивного племени мог бы допустить такую ошибку.

Но сколько себя не бичуй, а исправлять ситуацию надо. Ибо еще сутки, и у голодного племени пошатнется авторитет вождя, оседлай он хоть сразу десяток стахов. А там и до саботажа недалеко.

Наказав Молоку продолжать вести племя намеченным путем, я взял Гурика и еще пятерых молодых воинов, и верхом на стахах отправился к ближайшим нетронутым полям клада. Разумеется, все было не так просто.

Во-первых, заупрямился Создатель, которому предстояло гнать восьмилапых. Он, видите ли, не нанимался на побегушки к дикарям. Пришлось напомнить, что эти самые ди-

кари являются его детищем, и он несет за них полную ответственность. Слова про ответственность для Эля явились явным откровением. Но, в конце концов, мне удалось его убедить.

Во-вторых, и это было уже сложнее, мне с большим трудом удалось заставить молодых сартуков забраться на ужасных стахов. Каждый из них готов был броситься на монстра в самоубийственную атаку, но при одной только мысли забраться на него верхом, воины бледнели и едва не падали в обморок. Тогда я, демонстративно косясь на других воинов, стал вполголоса обрисовывать Гурику, какими уважительными взглядами будут взирать на него его товарищи, если он проедет на спине стаха! А восхищенные девушки просто посыпятся к его ногам! Вот тут-то взор юноши подернулся мечтательной пеленой. А когда я, как бы размышляя вслух, заговорил о том, кого бы из парней выбрать на роль лидера, если уж Гурик такой нерешительный, тот, вдохнув, как перед прыжком в воду, мгновенно взлетел на топчущегося рядом монстра. В следующее мгновение до воина дошло содеянное им. Глаза скосились на торчащий хвост монстра, увенчанный смертоносным шипом. Кровь отхлынула от лица юноши. Тело напряглось, готовое стремительным прыжком метнуться прочь. Но вот Гурик заметил открытые в немом восхищении рты товарищей. А тут еще и кислород закончился в легких. Судорожно вдохнув, он наконец-то расслабился. Плечи расправились. Подбородок, слег-

ка приподнявшись, гордо выпятился. Взгляд пытался выражать превосходство над всеми теми, кто ходит пешком, но то и дело нервно срывался вниз, следя за движениями стаха.

Не прошло и десяти секунд, как товарищи отчаянного юноши попрыгали на предоставленных им монстров и теперь нервно хихикали, поглядывая друг на друга.

В общем, за провизией мы таки отправились. Восьмилапые скакуны неслись со скоростью земного внедорожника. Было удивительно, как неопытные наездники ухитрялись держаться на жестких спинах стремительных монстров.

Когда племя остановилось на ночную стоянку, мы уже вернулись, привезя в кожаных мешках достаточный запас клада.

***

Наконец-то час начала пути новой цивилизации сартуков пробил. А если попросту, то вторжение с целью аннексии благодатных земель началось.

Последние двое суток я тщательно выбирал место будущего центра цивилизации. Мне приглянулась крепость, расположенная на пологом очищенном от леса холме. Холм огибала мелкая речушка с кристально чистой водой. По северному склону от крепостных ворот и до берега реки одной улицей протянулась слобода на полсотни дворов.

В моем воображении уже рисовался град на холме. Лес придется вырубить еще дальше. Во-первых, весь холм займет центр города, далее расположатся слободы, за ними про-

мышленная зона – мастерские, то да се. Во-вторых, нужны будут поля для сельскохозяйственных культур. Кроме клода будут выращиваться культуры, из которых сартуки пекут лепешки. Надо будет узнать о местном животноводстве. От сартуков я о нем ничего не слышал, но в степи и живности никакой нет.

В общем, впереди нас ждут великие свершения. Если конечно местные Создатели не остановят. Эль у меня под постоянным контролем, но вдруг очнется от спячки его собрат. Вряд ли мне удастся запудрить мозг еще одному.

Итак, сегодня племя остановилось в суточном переходе от порубежной крепости. Далее был риск напороться на дозоры сквиллов. Мы с Элем, конечно, могли легко вычислить и нейтрализовать эти дозоры, но в мои планы не входило поднимать шум раньше времени. А если в крепости не дождутся посланную к дозорным смену, то могут сложить два и два, и послать гонца с известием о новом вторжении. Потому сартуки по моему приказу затаились в густой роще каких-то мелколистных деревьев, протянувшейся вдоль каменистого русла пересохшей реки, по берегу которого и двигались последние несколько дней. На дне русла под камнями кое-где поблескивала вода. Далее, примерно в двух часах бега взрослого сартука, по дну уже журчал веселый ручеек, постепенно превращающийся в речушку. Эта речка и огибала облюбованный мною холм.

Дождавшись ночи, мы с Элем повели стахов выстраивать

кольцо оцепления. Попутно я нейтрализовал дозоры сквиллов, забив сущности лесных воинов глубоко в их собственное подсознание, что соответствовало глубокому обмороку или крепкому сну.

Вернувшись в тело Крика, я подозвал Молока, объяснил, где находятся спящие дозоры, и приказал пленить их аккуратно, без членовредительства. Меня же велел не беспокоить, ибо хочу выспаться. После чего телом Крика завалился спать, а сущностью метнулся вслед за Элем.

Вместе с Создателем мы принялись расставлять восьмилапых тварей так, чтобы охватить как можно большее пространство вокруг холма. Благодаря моей идее, границы контролируемой территории удалось значительно расширить. Саму идею я позаимствовал у земных пауков. Повинуясь приказам Эля, стахи разошлись шагов на пятьсот друг от друга, растягивая ловчие нити. Пусть в отличие от земной паутины нити стахов не были липкими, но монстры мгновенно реагировали на любой толчок или натяжение. И уже вряд ли в этом мире найдется существо, способное соревноваться с восьмилапыми тварями в скорости.

Эль долго не мог понять мое требование заставить стахов не убивать пойманных аборигенов, а лишь нейтрализовать их небольшой дозой яда. Но, в конце концов, он согласился удовлетворить мою прихоть. Однако из-за этого пришлось отложить начало операции более чем на час, чтобы дать монстрам поохотиться на лесную живность. Инстинкт самосо-

хранения мог заставить голодного зверя послушаться приказа Создателя, изображай тот из себя хоть десяток властных самок.

И вот, когда кольцо оцепления почти замкнулось, оставив лишь брешь со стороны степи, я повел в эту брешь уставших томиться в ожидании воинов. Задача у них была необычная, от попытки осознать которую терялись в недоумении даже опытные сартуки, не раз ходившие в набеги на владения лесных жителей. Ведь на этот раз, виданное ли дело, они шли не для лихого набега, после которого полагалось так же стремительно убегать в степь, пока сквилы не нагрянули большим числом. Сегодня сартуки шли для того, чтобы навсегда занять благодатные земли на границе степи и леса, основав на них великое государство, подобное тем, что существовали в незапамятные времена, когда степь была зеленой и ее пересекали полноводные реки, а в окружении цветущих садов располагались многолюдные города. Если верить преданиям, то в одном таком городе проживало больше сартуков, чем ныне кочует по всей степи. Наверное, потому степь и превратилась в скудную пустыню, ибо такое количество ртов рано или поздно должны были выкопать весь клад, выловить всю окрестную дичь, и выпить всю воду из рек. Так думали сартуки, обсуждая последние дни между собой грандиозные замыслы нового вождя, способного в одиночку справиться с парой свирепых горных стахов.

Но решающий час пробил, и все сомнения отодвинулись

в сторону. Ибо в схватке нет места посторонним мыслям и, тем более, сомнениям.

Мы миновали последнюю скрывающую наше приближение рощу, и вышли к выдававшемуся из сплошной стены леса открытому склону холма. На его вершине черной скалой выделялся на фоне ночного неба порубежный замок. Не позаботься я заранее о глубоком сне часовых на стенах, они уже подняли бы тревогу, разглядев в достаточно ярком свете крупных сторанских звезд многочисленных степных воинов.

Честно говоря, я сильно сомневался, стоит ли настолько облегчать задачу моим подопечным? Понятно, что я мог сам захватить крепость и открыть ворота перед сартуками. Но задача, которую я перед собой поставил, заключалась в воспитании уверенного в своих возможностях народа, а не в выращивании тепличного стада. Опыт местных Создателей наглядно показал, что случается с тепличными государствами. Мало кто ценит то, что само падает в руки. А вот добытое потом и кровью ценится порой дороже жизни. Потому хоть я и планировал изначально обойтись малой кровью, но после нейтрализации часовых решил в дальнейший ход событий не вмешиваться, каких бы жертв это не стоило.

Послав воинов на штурм, я оставил тело Крика дремать на спине стаха, а сам вознесся над холмом.

Окружив крепость, сартуки одновременно бросились к стенам. Бежали молча, бесшумными тенями. Вот Молок и еще несколько передних воинов раскрутили и бросили вверх

привязанные к веревочным лестницам заказанные мной у марыков металлические кошки. Удары стальных крюков о камень стены прозвучали в ночи подобно выстрелам.

Внутри крепости не все спали. Послышались вопрошающие возгласы. После того, как ответа со стен не последовало, вопрошающие разразились тревожными криками. Но в этот момент первые сартуки уже поднялись на стену.

В это же время молодые воины под предводительством Гурика окружили слободу, и уже врывались в первые дома. Здесь все должно было пройти гладко, ибо часть лесных порубежников ушли на помощь своим западным соседям, а оставшиеся вместе с семьями перебрались в крепостные казармы. В слободе на ночь оставались лишь не желавшие покидать дома старики, да кое-кто из постоянно проживающих здесь сквилов.

Однако первую потерю племя понесло именно при захвате слободы. Наблюдая сверху за всем ночным действием, я краем своего поля обзора уловил, как нечто огромное рухнуло из-за деревьев на пробирающихся по воде сартуков. Тут же дикий крик боли и ужаса разорвал ночную тишину.

Приблизившись и рассмотрев нападшую на воинов тварь, я понял, что вижу того самого гигантского зуула – хищного червяка, длиной более десяти метров. Воины всегда вспоминали о встречах с зуулом с содроганием. Но в то же время этот монстр являлся самой желанной добычей для племени, ибо состоял почти из одних мышц, то есть являлся одним

сплошным куском мяса. Эдакая колбаса длиной до пятнадцати метров и полтора шириной. Разве что колбаса не круглая, а плоская, как болотная пиявка. Пиявка длиной более десяти метров...

Как и встречающиеся в кронах редких степных деревьев деревья, их гигантские сородичи были медлительны и неповоротливы днем и стремительны ночью. Лесные жители ограждали свои селения от ночных поползновений многосоткилограммовых червяков посевами плима, пыльца и порошок из семян которого вызывают мгновенное раздражение на коже зуула. Но вот сейчас один из этих монстров подкараулил жертву у воды, за пределами посевов жгучего растения. Одним ударом он накрыл двоих воинов. Тело одного изломанной куклой лежало в воде. Второй был еще живой. Змей пожирал его, с хрустом перемалывая кости. Сожранный почти по пояс воин дико орал. Пятеро оказавшихся рядом сартуков метали в зуула дротики, но тот не обращал на такую мелочь внимание.

Я поспешил сделать единственное, чем мог помочь в данной ситуации попавшему в челюсти гиганта воину – вышиб из оболочки его сознание. При этом сам зацепил изрядную порцию боли и ужаса, заставившую мою сущность на некоторое время оцепенеть. Страхнув оторопь и воспылав гневом к ползучей твари, попытался нащупать ее сущность. Однако кошмарное создание оказалось слишком примитивно, чтобы обладать хотя бы толикой какого-нибудь подобия разума.

Это была одна сплошная мышца, по центру которой тянулся пищеварительный канал. И лишь один инстинкт – жрать.

Ощувив свою беспомощность перед прожорливой массой, я порадовался тому, что оболочка Крика находится на противоположной стороне холма и не может показать молодым воинам свое бессилие перед зуулом.

Можно было прыгнуть несколько стахов, чтобы те парализовали чудовище ядом. Но для этого пришлось бы разорвать кольцо окружения холма. А давать даже малейший шанс кому – либо из сквиллов улизнуть и предупредить раньше времени соседей я не хотел.

Вот один из воинов ловко вскарабкался на дерево, пробежал по толстой ветке, спрыгнул на спину зуула и принялся неистова колоть того дротиком. Я только успел узнать в отморозке Гурика, как в следующий миг, монстр вздыбил переднюю половину туловища. Храбрец не удержался и полетел в воду. Следом в реку обрушился всей своей массой зуул, изо рта которого все еще свисал наполовину проглоченный сартук. Но расстроиться из-за гибели советника мне не пришлось. Гурик чудом избежал удара гигантской туши. Его лишь отбросило подымавшейся волной метров на тридцать вниз по течению. С невольным облегчением я увидел, как юноша бодро выбрался на берег. Но когда он, выхватив из колчана новые дротики, вновь побежал на монстра, мне осталось только мысленно сплунуть и переключить внимание на штурм крепости.

А здесь уже во всю шли схватки внутри крепостных стен. С первого взгляда стало понятно, что без жертв не обойдется. При чем, с обеих сторон. Лесные жители лихо орудовали огромными боевыми топорами. Держа один топор в правых руках, второй в левых, сквилы изображали ими такую смертоносную мясорубку, что у сартуков, несмотря на большое численное преимущество, не было никакого шанса к ним приблизиться. Оставалось только забрасывать противника дротиками. Впрочем, большая часть дротиков отбивалась стремительно вращающимися топорами.

Несколько таких воинов крутили свое смертельное оружие у обоих ворот, не позволяя проникшим через стену сартукам приблизиться и открыть массивные створки, за которыми в нетерпении топталось мое воинство. Я вознамерился вывести из строя могучего сквила, положившего у южных ворот не менее десятка сартуков, но меня опередил Молок, принявший оригинальное решение. Мой старший советник нашел где-то бревно длиной метров шесть, ухитрился в одиночку его поднять и теперь неся с этим тараном на могучего сквила, на ходу крича соплеменникам, чтобы те посторонились. Ударом сразу двух топоров порубежнику удалось отбить направленный на него конец бревна. Но все же воин не устоял, когда Молока занесло и он споткнулся, выронив тяжелый таран противнику на ноги. От удара по коленям сквил упал навзничь, продолжая при этом крепко сжимать топоры и отмахиваться от наседающих степняков. Мо-

лок поднялся на мгновение раньше противника. Это дало ему шанс схватить бревно за один конец и перебросить так, чтобы оно придавило торс сквила. Повинуясь его команде на оба конца бревна тут же насели сартуки, и могучий защитник крепости оказался прижат к земле. Сверху он походил на упавшего на спину и придавленного тяжелой веткой жука, неистово шевелящего в воздухе лапками. Вот только в лапках у этого жука были зажаты боевые топоры, которыми он едва не доставал насевших на концы бревна сартуков, не давая тем придавить его как следует.

Окрик Молока остановил воинов, занесших дротики над придавленным противником, и я с удовлетворением услышал, как мой советник распорядился брать сквила живым. Если все лесные жители такие же отчаянные рубаки, как защитники этой крепости, то мне крайне необходимо будет наладить с ними мирный контакт. Иначе свои новые, пока еще не завоеванные владения степному народу придется отстаивать долго и большой кровью.

Прием с бревном был повторен на других сквилах. Теперь уже два сартука брали бревно с двух концов и с разбегу сбивали им очередного мастера фехтования топорами. Южные, а за ними и северные ворота открылись, в крепость хлынуло и быстро заполнило все свободное пространство степное воинство. Отдельные группы защитников забаррикадировались в казарме и других крепостных постройках, но их судьба уже была предрешена.

Леег. Путь к семи водопадам

Наконец лодки отчалили и под мерный плеск синхронно опускающихся в воду весел двинулись против неспешного течения. Держались ближе к берегу, где течение практически не ощущалось.

Вскоре мы прошли место впадения Гута. Здесь чистая вода притока заметно разбавляла мутные воды Лабы. Даже у противоположного берега можно было разглядеть неглубокое дно. Но чуть выше вода вновь приобретала свой мутновато-желтый цвет.

Я с интересом смотрел на проплывающий мимо берег. Когда-то любил так же смотреть из окна вагона на проплывающие мимо бесконечные земные леса. Только сейчас не мелькали столбы, и вместо стука колес слышался более степенный всплеск опускающихся в воду весел.

Вот деревья на берегу стали реже, но с более массивными стволами. Я узнал раскидистые чиндрагоры и машинально начал высматривать пасущихся гиратов. Однако вместо гигантских жуков-носорогов заметил стоящих под одним из деревьев сторов. Лиц с такого расстояния различить невозможно, но одна низкая коренастая фигура показалась знакомой. Вероятно, встречались на торжище. Я попытался вспомнить, кто же это такой, но отвлек девичий смех,

раздавшийся с соседней лодки. Обратив удивленный взгляд на плывущее впереди суденышко, я увидел Ледиву, расположившуюся на корме в компании с Поутом и Протиксом. Кормщик Редил, положив на весло одну руку, остальными активно жестикулировал, рассказывая о чем-то молодежи. Заметив, что я смотрю в их сторону, девушка приветливо помахала правыми руками.

И как это староста отпустил в столь опасное предприятие внучку? Ведь наверняка девчонка отправилась не рыбку половить. Ну, или не только рыбку. Готов спорить на что угодно, она намерена принять непосредственное участие в охоте на летунов.

***

Не представлял, что путешествие по реке может быть таким монотонным. Когда едешь на земном поезде, там пейзажи за окном периодически меняются – леса, поля, переезды, полустанки, населенные пункты. А здесь изо дня в день сплошная стена леса.

Монотонность путешествия сказывалась и на сторах. Все разговоры переговорили в первые сутки. Теперь рыбаки молча гребли, без усталости работая то верхней парой рук, то нижней. А пассажиры подремывали в носовой части лодки.

Веселей стало, когда подул попутный ветер. На лодках установили мачты и подняли треугольные паруса. Я думал, что теперь гребцы будут отдыхать, ан нет. Поставив паруса, рыбаки еще азартней налегли на весла, словно соревнуясь с

ветром. В итоге, когда наша лодка начала обгонять лодку, на которой плыла Ледива, вспыхнули настоящие соревнования. Третьей лодке ничего не оставалось, как присоединиться к гонке.

Азарт захватил всех. Мои товарищи рвались подменить гребцов. Но когда им это позволили, они не смогли попасть в общий ритм, лодка завияла и сразу начала отставать. Под смех вырвавшихся вперед соперников рыбаки отогнали оконфузившихся парней и заняли свои места. Однако мы так и плыли позади всех до самого вечера. А вечером причалили к мосткам первого попавшегося на пути селения. Оно же было и единственным на пути к озеру Семи Водопадов. Благодаря попутному ветру мы добрались сюда более чем на сутки раньше запланированного.

Кроме старосты нас встретили женщины, дети и не достигшие возраста определения пути подростки. Как и в любом близком к порубежью селению мужчины этого рыбацкого поселке, получив тревожную весть, обязаны были явиться в ближайшую крепость для пополнения гарнизона. Почти четыре седмицы назад прибыл гонец с вестью о нападении степняков на западных соседей. Часть местного гарнизона спешно выдвинулась на помощь соседям. На смену ушедшим в крепость отправились рыбаки. С тех пор в поселке не получали никаких вестей.

После рассказа старосты толстяк Гоат впал в серьезные сомнения по поводу благоразумности нашего предприятия.

Не будь с нами Тарама, он, скорее всего, свернул бы экспедицию. Ветеран порубежной стражи не мог допустить и мысли о возвращении. По его решительному виду можно было предположить, что он готов отправиться дальше и в одиночку, поверни все остальные вспять. Мои товарищи, собиравшиеся через год выбрать путь воина, тоже вспыхнули азартом, который, казалось, передался даже Поуту.

На коротком совете решили не задерживаться и рано утром продолжить путь. Тут же на совете я ухитрился испортить отношения с Ледивой. Всего-то, в связи с открывшимися обстоятельствами, предложил девушке остаться и подождать нашего возвращения в поселке. Надо было видеть, как вскипела юная сторанка. Выплеснувшийся поток негодования заставил меня втянуть голову в плечи. Обозвав напоследок меня лесным дикарем и выразив сочувствие Мизгирию, за то, что ему достался такой хозяин, Ледива гордо удалилась. Бросая на меня осуждающие взгляды, за ней последовали рыбаки.

– Все девчонки одинаковые, – ободряюще похлопал меня по плечу Боат. – Пойдем спать.

Остальные предпочли сделать вид, что не обратили внимания на инцидент. Лишь красномордый Тарам ехидно ухмылялся, поглядывая в мою сторону. Знали бы они, во что это выльется, наверняка приложили бы все усилия для немедленного погашения конфликта. Однако в этом мире не была известна поговорка про бабу на корабле.

Кстати, Мизгиря мы местным жителям не продемонстрировали. Договорились об этом заранее, и мой восьмипалый друг послушно притаился в лодке, не показываясь на глаза. Понятно, что узри рыбаки такое чудо, как прирученного стаха, нам не удалось бы покинуть селение без подробных рассказов и демонстрации возможностей питомца. К тому же мы не хотели раскрывать истинную цель предприятия. Старосте сообщили, что плывем порыбачить у Семи Водопадов и заодно разведать, почему никто не появляется на торжище из близких к порубежью земель. Пусть второе частично прояснилось и насторожило, но наш пыл не остудило, а кое у кого даже подогрело.

***

Светило еще не выползло полностью из-за вершин деревьев, когда мы миновали очередную излучину. Ранее пологие берега начали подниматься крутыми обрывами. Течение заметно усилилось. Лодки теперь держались почти вплотную к обрывистым берегам подальше от стремнины. Грести становилось все тяжелее, и вскоре усилий рыбаков хватало лишь на то, чтобы лодки не сносило назад. Не помогал даже легкий попутный ветерок.

Бросив якоря, мы остановились. Команды и пассажиры выгрузились на берег, для чего пришлось взбираться по почти отвесной круче, цепляясь за норки неизвестных береговых обитателей и за торчавшие наружу корни.

Ловчее всех на круче оказался Мизгирь. Он мгновенно

взлетел наверх и носился по краю обрыва, азартным писком подбадривая неуклюжих сторов. А когда под ногой шумно пыхтящего лавочника обрушился край земляной норки, и тот повис, зацепившись за пучок корней, летун плюнул в него нитью, зацепив за рюкзачок, который толстяк не пожелал оставить в лодке. Сил у легкого Мизгиря было мало, чтобы поднять наверх тяжеловесного стора, но, упершись лапами в землю и обвив хвостом чахлый кустик, он дал возможность лавочнику закрепиться, после чего подстраховывал, втягивая нить, пока тот не перевалился через край обрыва. Я опасался, что отдышавшись, толстяк бросится обвинять героически спасшего его летуна, но Мизгирь уже юркнул вниз, чтобы помочь рыбакам подать наверх широкие кожаные ремни. Я в очередной раз поразился интеллекту восьмипалого, а вот сторы, из покоя веков считавшие стахов безмозглыми кровожадными тварями, воспринимали сообразительность летуна как нечто само собой разумеющееся.

Далее нам предстояла роль бурлаков. В ремни впряглись все – и команды, и пассажиры. На лодках остались по два стора – кормчий и рыбак с багром, следивший, чтобы судно не притиралось к берегу.

После полудня берега вновь начали понижаться, одновременно удаляясь друг от друга. Течение постепенно ослабевало. Наконец снова можно было двигаться на веслах. Однако, несмотря на то, что светило находилось еще достаточно высоко, все слишком устали, чтобы продолжить путь.

Утром меня разбудили возбужденные возгласы. Ночевали мы как обычно в лодке на расстоянии от берега, дабы не смог забраться ни один хищник. Открыв глаза, я увидел, что все собрались у борта и оживленно что-то обсуждают. Когда поднялся и подошел, моя челюсть отвалилась от удивления. Такого Мизгирь еще не вытворял.

От борта лодки до огромного валуна на берегу тянулась крупноячеистая сеть полутораметровой ширины. На полноценное полотно такого размера у летуна попросту не хватило бы нити. И в данный момент мой питомец, пятась по собственноручно, или ножно, изготовленному подвесному мосту, тащил тушу огромного змея. Таких крупных экземпляров я еще не видел – шириной почти метр и длиной раз в пять больше туловища самого Мизгиря, что-то около семи метров. Голова добычи измочалена в лохмотья. Восьмипалый охотник хорошо усвоил урок, когда гораздо более мелкий змей своими бритвенно острыми челюстями откусил ему кончик и без того укороченного хвоста. Теперь, поймав древа или более крупного змея, Мизгирь неистово долбил жертву булавой по голове, пока не выбивал крепкие челюсти и не вбивал их в землю. Вот и сейчас хозяйственный Ботат сокрушался по поводу потерянных где-то в лесу ценных трофеев.

Капающая из жертвы кровь привлекла речную живность. Вода начала буквально закипать от возникшей в ней суеты. Собравшиеся на запах крови речные существа активно по-

жирали друг друга. Мелькали спины довольно крупных экземпляров. М-да, тут вам не спокойные лесные озера, некогда напугавшие меня мелкими примами. Тут сожрут, и испугаться не успеешь.

Мощный всплеск окатил брызгами зрителей, заставив отпрянуть от борта. Мизгирь же среагировал, как положено настоящему охотнику. Заметив показавшийся над водой хребет речного гиганта, он немедленно оставил ношу и плюнул в новую дичь ловчей нитью. На удивление та надежно приклеилась к мокрой спине хищника. Резкий рывок наверняка сдернул бы летуна в воду, но его лапы провалились в сплетенный им сетчатый помост, позволив выдержать первый рывок и крепко зацепиться хоботом и хвостом. Следующий рывок качнул подвесной мостик так, что с него слетела туша брошенного змея. Вода от такого подарка взбурлила вдвойне сильнее, выражая ликование собравшихся на пир монстров. Не ожидавший такого подлого удара судьбы, Мизгирь протестующе заверещал, продолжая при этом стойко удерживать рвущийся на свободу новый трофей.

Я с ужасом смотрел на кошмарное действие, и мне казалось, что при каждом следующем рывке хищник вырвет из тела моего питомца вместе с выделяющей нить железой все прочие потроха. Однако, чем помочь восьмилапому другу я не знал. Лишь орал, чтобы тот бросил к стахам эту рыбину. Тоже Мизгирию орали и другие. Но они, как мне кажется, переживали не столько за летуна, сколько за опасно раскачи-

вающуюся лодку. При этом сами усугубляли ситуацию, сгрудившись у одного борта.

Когда спина пойманного монстра в очередной раз оказалась на поверхности, Ваал метнул в нее дротики. Но те лишь бессильно звякнули о прочную чешую и сгнули в темной воде.

Полный боли визг заставил меня вздрогнуть. Я едва сдержался, чтобы не перемахнуть через борт на помощь питомцу. Причиной вопля оказалась зубастая тварь размером с локоть, вцепившаяся в одну из конечностей летуна, почти касающихся воды. Мизгирь тут же поджал лапы, но тварь продолжала висеть, не желая отпускать дичь, превышающую ее размерами в десятки раз. Боль стимулировала сообразительность незадачливого охотника. Он приклеил нить с пойманым монстром к подвесному мостику, а сам, наконец-то, шустро перебежал на лодку и, жалобно пища, поднял передо мной лапу с висящей на ней тварью. Тварь напоминала покрытого рыбьей чешуей крупного тритона с рыбьим же хвостом. Я немедленно проткнул ее дротиком, но она продолжила упорно сжимать челюсти. Тогда Ваал схватил ее за туловище, а Боат с некоторым трудом отпилил зубастую голову ножом. Хватка челюстей не ослабла. Разжать их удалось только с помощью двух дротиков. Мизгирь тут же обработал раненную конечность из пережигającego нить хоботка, продолжая жалобно верещать, вероятно сокрушаясь по упавшему в воду змею.

Меж тем лодка продолжала содрогаться от рывков. Ее сорвало с якоря и протянуло вдоль берега насколько позволило прикрепленное к валуну изделие Мизгирия. Я собрался заставить летуна отцепить трап от борта, но в следующий момент речной хищник крутанулся, показав светлое брюхо, и один из рыбаков, мгновенно среагировав, метнул в него гарпун с привязанным к древку шнуром. Зазубренное острие вошло в плоть хищника и надежно в ней застряло. Рыбина закрутилась вокруг своей оси, окрашивая воду в бурый цвет и наматывая на себя нить Мизгирия и шнур от гарпуна. Рыбаки застопорили ворот со шнуром, и пойманная тварь в пару витков сама себя прижала к борту, развернув при этом лодку носом к берегу.

Только теперь я получил возможность рассмотреть монстра подробно. Хищная зубастая морда сразу напомнила морду корюшки. Но если корюшку размером более двух метров еще можно представить, то двух с половиной метровая корюшка, скребущая по борту крокодильими лапами, походила на горячее видение.

Из восхищенных возгласов рыбаков стало понятно, что именно за такой добычей они в эти края и направлялись. Но не маловаты ли лодчонки для такого улова? Сколько таких рыбин они смогут увезти? Однако, как выяснилось, гигантский малакер, так называлось это чудище, не такая уж и частая добыча. Но даже одна пойманная рыбина оправдывала экспедицию. Ценилось в ней вовсе не мясо, хотя и оно

вполне сошло бы за деликатес для жителей лесных деревень. Настоящую ценность в малакере как раз представляло все остальное – чешуя, жилы, кости и когти. М-да, рыбы когти – весьма оригинальное словосочетание.

Витон, старший брат Ледивы, огорошил неожиданным предложением, купить у меня часть или даже всего пойманного малакера. Разумеется, если я не захочу забрать всю добычу домой. Какое-то время я пытался осознать услышанное, но тут вмешался лавочник. Пройдоха мгновенно сообразил, что пойманная Мизгирем рыба принадлежит мне, так как я являюсь его хозяином. На правах старшего партнера Гоат взял переговоры по малакеру на себя. Однако Витон оказался торгашом ему под стать. Он сразу предложил поговорить о стоимости услуг по правильной разделке добычи. Пошел эмоциональный торг. Глядя на эту парочку можно было сказать, что они нашли друг друга.

Часа полтора, или шаг по сторански, ушло на разделку туши. Наконец двинулись дальше, по-прежнему держась возле правого берега. Вокруг опять поднялись отвесные кручи, сквозь глиняную массу которых теперь проступала скальная порода. Но кручи не подступали к самой воде. Перед ними тянулась довольно широкая полоса пологого берега, поросшего густым лесом. Река расширялась, и вскоре противоположный берег превратился в едва различимую полосу.

– Интересно, когда уже будет озеро? – спросил я, ни к кому не обращаясь. – Хочется увидеть семь водопадов.

– Эх-хе, парень, – тяжелая рука Тарама опустилась мне на плечо, – мы же с утра плывем по озеру.

– А где же водопады? – разделил мое любопытство Ваал.

– Видишь скалу? За ней будет первый. Самый большой.

Вскоре стал слышен шум падающей воды, и, обогнув выступающую скалу, мы, наконец-то, увидели сам водопад. В общем-то ничего впечатляющего. Двумя уступами метра по три вода падала в небольшую заводь. Ширина водопада не превышала десятка метров.

Здесь рыбаки намеревались устроить первую охоту на малакера. Наша команда приготовилась разведать окрестности на предмет нор стахов. Да и Мизгирию не мешало поохотиться. Он хоть и отведал мяса пойманного речного монстра, но было видно, что оно его не впечатлило. Но тут вмешался Тарам. Бывший воин категорически настаивал, чтобы мы продолжили плыть до центрального водопада, который образует река, протекающая мимо порубежной крепости. Рыбаки уступили напору Тарама, и следующую половину дня усиленно гребли, подгоняемые азартом. Очень уж им не терпелось поскорее начать желанную рыбалку.

Если первый водопад подходил под свое определение, то следующие по земным меркам больше напоминали высокие пороги. Разве что центральный падал с довольно большой высоты, но зато был самым узким. Тарам объяснил это тем, что был короткий сезон дождей, и все реки сильно обмелели.

Ночевать в лодках нам изрядно надоело, потому сразу ре-

шили строить изгородь для лагеря на берегу. Этим ответственным делом занялись Гоат с Поутом, Протекс и Ледива с Валадом. Рыбаки, выгрузив все лишнее из лодок, поплыли ловить рыбу, пригодную для использования в качестве живца на малакера. Наша команда, накрутив острия на дротики, направилась на разведку окрестностей и добычу свежего мяса.

После высадки на берег мое внимание привлек разговор рыбаков с Ледивой. Похоже было, что они крайне удивлялись нежеланию девушки отправиться с ними на рыбалку. Вероятно раньше внучка старосты была заядлой рыбачкой. Ее поведение было бы понятно, намеревайся она отправиться с нами на разведку местности. Но девушка даже не заикнулась об этом. Последние двое суток она вообще не разговаривала со мной, обидевшись на мое предложение оставить ее в поселке. Даже ни разу не подошла к Мизгирию. Лишь постоянно шепталась о чем-то с младшим братцем Валадом.

– Я надеюсь на твое благоразумие, сестренка, – с подозрением посмотрел на девушку Витон, забираясь в лодку.

– Я присмотрю за ней, – пообещал Валад.

– Ну-ну, – выразил сомнения старший брат, и мне передались его сомнения.

Но тут меня окликнул Тарам. Бывший порубежник проверил наше снаряжение и в приказном тоне распорядился следовать только за ним вслед. Гуськом мы углубились в заросли.

Крик. Центр будущей цивилизации

Прошел месяц после захвата сартуками порубежной крепости сквилов. Да, именно месяц. Ранее аборигены исчисляли время только седмицами. Я же, по земному опыту, ввел для своего племени понятие месяца. Подопечные не понимали, для чего это нужно, и с недоумением перекачивали во рту непривычное слово.

Кстати, ведя дикарский образ жизни, я как-то не удосужился выяснить, сколько седмиц в местном году и от какой вехи год исчисляется. Пока слышал только о сезоне дождей, но вряд ли этот сезон наступает каждый год в какой-то один определенный день. Надо будет прояснить этот вопрос.

Итак, мы уже месяц владеем холмом с порубежной крепостью и слободой, и его окрестностями. Сартуки, привыкшие пограбить и убежать, находились в постоянном напряжении, каждую минуту ожидая появления отрядов воинственных сквилов, вооруженных кошмарными топорами. Но, управляемые верховным марыком стахи надежно стерегли доверенный им периметр. Эль неожиданно увлекся охраной, уйдя в нее с головой. Оседлав одного из сторожевых стахов, он сидел над сторожевой сетью, словно паук. На каждого пойманного сквила он реагировал как рыбак, поймавший крупную рыбину. Сетовал лишь на то, что я не позволял скармливать

пойманных его стахам. Но им и так хватало пищи. Сторожевую сеть то и дело тревожили древы и более крупные змеи. Таких гигантов, как тот, который напал на молодых сартуков в первый раз, не попадалось, но зато попался один ранее не виданный мною зверь – огромный, похожий на земного носорога, то ли жук, то ли краб. Перед броней этого монстра стахи оказались бессильны. Сартуки категорически отказались принимать трофей.

– Только дикари сквилы могут есть это нечистоплотное животное, – заявил Молок.

По поводу того, кто тут дикари, я в последнее время изменил свое мнение, но сейчас сообщать об этом Молоку не стал. Сквилы, или сторы, как называли себя сами лесные жители, нравились мне все больше. Оставалось только сожалеть, что в свое время я не добрался до леса, а вселился в первого попавшего дикаря. Но теперь, как говорят земляне, я в ответе за тех, кого приручил.

Плененные сторы, которым было отведено половина внутреннего двора крепости в качестве резервации, действительно с желанием приняли герата – так они называли бронированного монстра. Короткими засапожными ножами, которые было позволено иметь, сторы ловко отделили лапы и сняли панцирь. Нежно-розовую тушу насадили на вертел и повесили над углями. Вскоре аппетитно зашкворчало. Моих ноздрей достиг запах, напомнивший земных омаров. Рот наполнился слюной. Интересно, как отреагируют находящиеся ря-

дом Молок и Гурик, если я отведаю кусочек сочного мяса?

Чтобы не искушать себя пришлось отвернуться и отойти.

Пленные порубежники с самого первого дня пребывали в недоумении, пытаясь выяснить, с какой целью их не убили сразу и даже кормят. Как я понял, до сих пор в отношениях между лесными и степными жителями такого понятия, как плен не существовало. Они просто и без затей у бивали друг друга, не имея даже мысли о возможности как-то договориться о мирном сосуществовании. Теперь мне приходилось, рискуя прослыть сумасшедшим, пытаться внушить эту мысль и сартукам, и сторам.

Проживавшим в слободе женщинами, детям и несколькими покалеченным в былых схватках воином я позволил вернуться в свои дома, предварительно проведя экскурсию к охраняемому стахами периметру. Они впечатлились, и мысли о побеге, если таковые посещали их головы, надеюсь, выветрились.

В тот же день я собрал женщин племени сартуков и выступил перед ними с пространной речью. Говорил, что привел сюда племя, чтобы сартуки больше не скитались подобно диким животным, чтобы их дети не умирали от голода, а мужья и братья не гибли в сражениях за кусок снеди. Какое-то время расписывал радужные перспективы сытой жизни в благодатном крае, наблюдая за мечтательно-блаженными улыбками, расцветающими на лицах слушательниц, и, в конце концов, ушатом холодной воды опрокинул на них за-

верение, что лесные жители никогда не смирятся с захватом части их исконных земель, и нам придется либо вечно сражаться с ними, пока не падет последний член нашего племени, либо снова бежать в степь и вернуться к скотскому образу жизни.

Выдержав наполненную гробовой тишиной паузу, я ткнул указательными пальцами верхней пары рук в слушательниц:

– И только вы, жены, матери и сестры, можете изменить ситуацию. Да-да, не воины, а вы, женщины, которым Создателями завещано не отнимать, а дарить жизнь. Только вы можете заставить сквилов смириться с мыслью, что теперь мы такие же полноправные хозяева этих земель, как и они!

Глаза женщин расширились в непонимании. Но одновременно в них заискрилась надежда. Понизив тон до заговорщицкого и вынудив слушательниц вытянуть шеи вперед, дабы лучше слышать, я сказал, что они должны наладить контакт с женщинами из слободы. Женщины всегда поймут друг друга, будь они хоть из разных племен, хоть из разных народов. А затем следует сделать так, чтобы дети сартуков и сквилов смогли играть вместе. Именно из дружбы детей вырастет будущая дружба народов, а позже, но об этом я пока промолчал, и единая нация.

На удивление эта часть моего плана довольно легко начала осуществляться. Не прошло и седмицы, а женщины уже мирно болтали, обсуждая различные блюда, секреты рукоделия, воспитание детей и прочие жизненно важные вопро-

сы. А рядом резвилась детвора, обучая новых друзей своим играм, хвастаясь собственными достижениями, рассказывая захватывающие истории, смеясь, ссорясь и снова мирясь.

А вот с мужчинами, как и ожидалось, все оказалось гораздо сложнее. Воины порубежной стражи и воины степного племени на генетическом уровне воспринимали друг друга смертельными врагами, и объяснить им, что отныне придется спокойно жить рядом, было так же трудно, как, например, объяснить, что отныне придется ходить вниз головой, перебирая по земле ушами.

Сторы верили, что их сородичи вскоре придут и выбьют нас из захваченной крепости. Но приходившие извне соплеменники, попадавшие в сторожевую сеть стахов, вылеченные мной и отправленные к остальным пленникам, рассказывали им о непроходимом периметре, охраняемом восьмипалыми монстрами. В конце концов, я показал этот периметр Маку – старшине порубежной стражи, обладающему непререкаемым авторитетом среди соплеменников, тому здоровяку с топорами, которого никак не могли одолеть мои воины во время захвата крепости. Экскурсия заставила его задуматься. На обратном пути воин попытался бесхитростно выведать, каким образом степным дикарям удалось заставить подчиниться стахов? Я рассказал полуправду о марыках и благоволении коротышкам одного из Создателей. Мол, волею Создателя нам определено осесть на этой земле и жить в мире со сторами. Потому марыкам, народу, повелевающе-

му горными стахами, было велено поддержать нас в охране новых земель.

– Но это наша земля! – возмутился Мак.

– Ваша, – согласился я, – но теперь и наша тоже. Такова воля Создателей.

– Если это воля Создателей, то почему вы напали на нас ночью и убивали защищающих крепость сторов?

– А как иначе было принудить вас к мирной беседе? Что бы ты сделал днем ли, ночью ли, увидев степняка?

– Убил бы, – не задумываясь, ответил стор.

– Вот видишь. Жертвы были неизбежны. Но мы никого не убивали специально. Лишь защищая свою жизнь. Всех кого мог, я вылечил с помощью дарованных мне Создателями возможностей. Вы, кстати, накروшили наших воинов в два раза больше. Лично ты убил пятерых. Но сартуки не держат злобы, ибо шли на эти жертвы сознательно, во имя нашего общего будущего блага.

Насчет сознательности сартуков я конечно загнул. На самом деле они в принципе считали гибель воина делом обычным и почетным, и ни о какой мести понятия не имели.

Впоследствии я еще не раз беседовал с Маком. А в тот день позволил сторам свободно перемещаться по половине внутреннего двора крепости. Это позволило воинам обеих сторон начать общаться друг с другом. Инициатива, как водится, пошла от молодежи. Молодые воины сперва подтрунивали над соперниками, потом начали соревноваться в лов-

кости и силе, прыгая, бегая, выполняя акробатические трюки и поднимая тяжести. Затем Гурик вспомнил о забытой в походе забаве и достал лук. По привычке считая стрелы большим дефицитом, он предложил сторам соревноваться лишь в удержании натянутой тетивы. Когда те поинтересовались, для каких же целей служит сия безделица, юноша придушил внутреннюю жабу, принес единственную оставшуюся стрелу и выпустил ее вертикально в небо, мысленно моля Создателей, чтобы ветром не снесло драгоценную вещь, и она упала назад в пределах видимости. Сторы впечатлились невиданным оружием и предложили стрелять в цель, на что Гурик развел печально руками и сообщил о наличии всего одной стрелы. Удивленные сторы спросили, что мешает степняку отправиться в лес и нарезать стрел сколько душе угодно? Пораженный таким очевидным решением оказавшейся пустяковой проблемы, Гурик пробормотал что-то о вечной занятости и быстро ретировался. А через час появился с пучком нарезанных прямых веток. Сторы критически осмотрели их, бормоча что-то о криворукости степных дикарей, отобрали подходящие и уже сами довели их до пригодного для стрельбы состояния.

Сперва стреляли по поставленным вертикально бревнам. Затем положили на бревна крупные плоды чиндрагоры. Теперь к забаве подключились и старшие воины с обеих сторон, которые до сих пор посматривали на возню молодежи со снисходительными ухмылками. Пришлось бежать за но-

вой партией стрел, так как, сделанные из сырых веток они быстро ломались.

Опытные воины, сделав по несколько выстрелов, начали степенно обсуждать из какого дерева лучше изготавливать сам лук, из какого стрелы, из чего лучше делать тетиву из волокон синего плюща или из жил гигантского малакера. Вносились предложения по усовершенствованию. А так же спорили, в каком случае будет больше скорострельность – если у воина будет один лук, и тремя руками он будет накладывать стрелы, или иметь по луку в каждой паре рук.

На следующий день ко мне подошел Гурик и спросил, можно ли ему взять с собой в лес парочку сторов, соображающих в древесине?

– Не можно, а нужно, – хлопнул я его по плечу. Однако попросил Мака провести со своими людьми разъяснительную беседу, ибо если они обманут мое доверие и попытаются сбежать, я позволю стахам сожрать их.

– Воина не испугать смертью, – гордо заявил порубежник. – Но мои воины не станут убегать, даже если не будет стахов. Мы так решили. Во-первых, здесь наша земля, и не нам с нее убегать. Во-вторых, твои слова, необычный вождь степняков, смутили наши умы. Наши женщины вместе готовят пищу, наши дети вместе играют, и даже наши юноши почти сдружились. Мы понимаем, что как прежде уже не будет, но не знаем, что делать. И от этого не убежишь.

– Я понял тебя, Мак, и верю твоим словом. Но стахов не

уберу пока весь лесной народ не примет нас, как равных. Надеюсь, ты и твои товарищи помогут ускорить этот процесс.

На самом деле была еще одна причина по которой я не мог в ближайшее время убрать сторожевой периметр. И этой причиной был Эль. Пока верховный марык увлекся отловом нарушителей периметра, он мне не мешал. Порой я даже забывал о его существовании. Но когда-то же ему надоест эта забава...

Пока я наводил мосты взаимопонимания между сартуками и сторами, не заметил, как мои степные подопечные накопали нор, удивив тем самым лесных жителей и вызвав у них легкое недопонимание, граничащее с брезгливым пренебрежением. Пришлось объяснять соплеменникам, что земляные норы были пригодны лишь в степи для того, чтобы пережидать дневной зной. Теперь им необходимо нормальное постоянное жилье, и звериные норы для этого никак не подходят. Вновь пришлось обращаться к Маку с просьбой помочь со специалистами в строительстве. Сторы свои дома либо выращивали, либо строили из камня и дерева. Выращиваются дома из семени зуха, плод которого достигает более десяти метров в диаметре, но растет он пятнадцать лет, что никак меня не устраивало. Да и сами семена в большом дефиците.

Когда я сообщил Молоку, что необходимо отрядить в помощь сторам пару десятков сообразительных сартуков для заготовке материалов и строительства домов, то встретил

очередное непонимание. У степных племен копанием нор и обустройством жилища занимались исключительно женщины и подростки. Предложить подобное дело воину значило оскорбить его. Пришлось собирать воинов и втолковывать им, что строительство настоящего дома, а не копание звериной норы, это дело только для мужчин, и доверять его женщинам нельзя ни в коем случае.

Пребывая в сомнениях и повинуюсь лишь моему авторитету, сартуки поплелись за мастерами.

При заготовке материала сторы оценили тачки, заказанные у марыков. Сартуки без моей подсказки начали использовать эти колесные средства при заготовке камня и глины для фундамента. Кузнец-порубежник тут же потребовал предоставить ему доступ в кузню. Я, разумеется, с радостью удовлетворил его просьбу, ненавязчиво определив к нему в подмастерья парочку юношей из степного племени. Вскоре были изготовлены металлические обода для нескольких колес. Сами колеса другие мастера сделали из дерева. Далее кузнец изготовил две колесные пары. Я думал, что он собирается сделать двухколесные тачки, а не. Обе пары переправили к лесозаготовителям. После проведенного кузнецом инструктажа заготовщики уложили на колеса сразу три огромных бревна и довольно легко покатали к месту строительства. Также в кузне изготовили несколько одно и двухколесных тачек для перевозки камня и глины.

Началось строительство фундамента, и мне удалось за-

действовать еще пару десятков бездельничающих сартуков. Строить решил не отдельные дома, а один длинный по типу земного тенхауса – экономились время и материалы.

Но на строительстве мне удалось занять лишь пятую часть сартуков. Еще столько же несли постоянную сторожевую службу своих новых владений и занимались охотой. Необходимо было срочно занять остальных. Степные скитальцы привыкли находиться в постоянном движении, либо в добычании клада. Неожиданно свалившееся безделье их угнетало, порождало в головах ненужные мысли и могло привести к непредсказуемым последствиям. А чем лучше всего занять большие народные массы? Нет, война не вариант. Правильно, – сельским хозяйством.

Я собрал бездельников, пригласил желающих со стороны сторов и вдохновенно распространился на предмет пользы садоводства, огородничества и животноводства. Соплеменники как обычно ничего с первого раза не поняли. Лесным жителям огородничество было знакомо, но и только. Зачем сажать плодовые деревья, если их и так полно растет в лесу, сторы решительно не понимали. А такого понятия, как животноводство, у них отродясь не существовало. Как аргумент мною был приведен нынешний короткий сезон дождей, как следствие плохой урожай клада. Аналогичные проблемы бывали и в лесу. Здесь порой случались как засухи, так и затянувшиеся сезоны дождей. И в том, и в другом случае плохо плодоносили деревья, дичь уходила в более благоприят-

ные районы. В любом случае сторы страдали от голода не так сильно как сартуки, но пояса затягивать ту же приходилось.

– Теперь, – поднял я к небу указательные пальцы правых рук, – вы забудете, что такое голод. Ведь для того Создатели и насылали на нас неурожайные времена, чтобы мы не уповали на дары леса и степи, а сами научились обеспечивать себя пищей!

Не вдаваясь больше ни в какие объяснения, а лишь дав личным авторитетом, я принялся распределять аборигенов по специализациям. Изначально решил, что садоводство и животноводство будет уделом мужской части, а женщины, на которых и так лежит забота о детях и домашнем очаге, займутся огородничеством. Однако в процессе выявления личных интересов каждого все перемешались.

Итак, самую большую площадь выделили, естественно, под клод. Группа молодых воинов с тачками отправилась в экспедицию по степи за отборными плодами.

Рядом с клодом разрабатывались поля под шиповник. Шиповник не имеет ничего общего с земным кустарником. Это местный дикорастущий злак, внешне напоминающий гигантский подорожник – розетка больших жилистых листьев, из центра которой торчат от трех до пяти полуметровых стрел, усыпанных зернами. Очищенные от зерен стрелы аборигены несколько суток вымачивали в воде, после чего втыкали в раскаленные угли и выдерживали несколько мгновений. Далее обуглившаяся оболочка счищалась, и получа-

лись весьма крепкие и острые шипы. Из шипов делали швейные иглы, наконечники для дротиков и крепеж типа гвоздей для деревянных деталей. Теперь без моей подсказки догадались из них же делать наконечники для стрел.

Ближе к лесу разбивались опытные грядки под ягодные, пряные и прочие однолетние культуры. Одновременно в лесу выкапывались саженцы плодовых деревьев и высаживались по периметру полей и огородов.

Правильно ли я распорядился, нет ли, не знаю. Но новоявленные агрономы и садоводы сами разберутся, когда наберутся опыта. Тоже и с животноводством.

Пока решили попробовать разводить два вида местной живности – древов и гератов. Для древов сплели из прочной лианы большие кубы. В них посадили несколько десятков мелких особей, и теперь подростки откармливали их, таская из леса молодые сочные побеги. Взрослые аборигены все еще не могли понять, почему нельзя было дать деревьям откормиться в лесу, потом поймать и запечь. Но я надеялся, что откормленные в кубах особи начнут активно размножаться, обеспечивая население мясом независимо от удачи охотников, и тогда непонимание исчезнет. Потом можно будет приступить и к разведению крупных змеев. А таких гигантов, как тот монстр, что напал в день штурма на моих воинов, возможно, удастся использовать в качестве тягловой силы.

Разведение гератов оказалось более сложным делом. Во-первых, надо было преодолеть неприятие этого зверя сарту-

ками. Возможно, я и вовсе отказался бы от такой идеи, но вот сторы считали гератов изысканейшим деликатесом. Однако самих сторов в нашей общине было слишком мало. А те, что были, являлись нужными специалистами в более насущных областях. Кроме того для разведения гератов нужны были более специфичные условия, чем для деревьев. Свиноподобные жуки откладывали яйца в речной ил, где вылуплялись и развивались в течение трех лет личинки. Достигнув гигантских размеров, личинки покрывались прочным хитином и выходили на сушу уже в виде кошмарных с виду бронированных созданий. На самом деле гераты вполне безобидные существа, питающиеся плодами чиндрагоры, лесным клодом и различными корешками. Водились гераты только вблизи берегов больших рек с неспешным течением. Но очень редко какой-нибудь заблудившийся жук мог отложить яйца в заводи мелкой речушки. Такая заводь имелась рядом с холмом. По моему заданию подростки процедили ил через мелкоячеистую сеть и обнаружили несколько личинок-первогодок, вероятно из потомства пойманного стахами герата. Выжить самостоятельно у личинок не было шансов, так как из-за короткого сезона дождей речка постепенно мелела, и заводь пересыхала. Я распорядился углубить и расширить ее, одновременно сузив протоку к реке и перегородив плетеной заклонкой, дабы личинки случайно не сбежали и в заводь не проникли хищные любители порыться в донном иле.

В общем, постепенно мне удалось занять полезным тру-

дом все население будущего центра новой цивилизации. Конечно, до результатов было еще очень далеко. Но одно то, что сартуки и сторы мирно сосуществовали, уже было не малым шагом, который не пройдет бесследно, даже если местные Создатели изгонят меня из своего мира.

Однако за всеми заботами я не забывал, что вот-вот должен вернуться большой отряд порубежников, отправленный на помощь западным соседям, на которых напали спровоцированные мною степные племена. После долгих раздумий на встречу порубежникам я отправил Мака, и готовился при их появлении выйти на переговоры лично. Эля предупредил, чтобы при появлении крупной группы сторов его монстры не проявляли агрессии, но и никого не пропускали без моего позволения.

И вот, когда в моем сознании прозвучал эмоциональный призыв верховного марыка, я решил, что прибыл отряд сторов, и поспешил навстречу. Быстрее было бы оставить тело Крика и явиться в бесплотном состоянии, но так-как я собирался общаться с прибывшими, то пришлось добираться вместе с материальной оболочкой, на что ушло более получаса.

Первое, что бросилось в глаза, подвешенные за ноги на деревьях парализованные тела сторов. Среди них выделялась необычайно длинными для аборигенов ногами белокурая девица. Опустив взгляд, я увидел разбросанные по поляне части тела разодранного на куски стаха. Судя по темному цве-

ту панциря, это был представитель лесных стахов. К тому же весьма мелкий.

– Что здесь произошло? – повернулся я к Элю, но увидел только безвольно шевелящееся тельце, лежащее на спине сторожевого стаха. Сущности Создателя в нем не было.

– Ты не поверишь! – возбужденно отозвался на мой вопрос молодой стор, бесстрашно стоявший перед мордой восьмипапого монстра. Создатель теперь занимал эту оболочку.

Я внимательно присмотрелся к молодому стору. Вроде бы самый обычный юноша. Но по каким-то непонятным причинам этот парень вызывал у меня симпатию. И мне было неприятно, что туповатый Создатель занял его оболочку, наверняка уничтожив сущность хозяина.

– Зачем ты вселился в это тело? – спросил я у Эля.

– Ты не поверишь! – повторил тот и принялся рассказывать: – Сперва на сторожевую нить наскочили те лесные дикари, что висят на ветках чиндрагоры. Два ближайших стаха быстро их парализовали. А когда подвешивали, выскочил вот этот стор, – Создатель хлопнул себя по груди, – и бросился освобождать вон ту дикарку. Представляешь? С какими-то жалкими топориками бросился на стаха!

– Не зря парень сразу мне понравился, – пробормотал я.

– Но не это удивительно! – продолжил Эль. – Безрассудных дикарей хватает. Удивительное произошло в следующее мгновение. Когда вот этот стах уже занес шип над ди-

карем, из зарослей выскочил детёныш лесного стаха и бросился на защиту дикаря! Представляешь? Эти твари живут одними инстинктами. В случае смертельной опасности ради собственного спасения они бросят даже члена своей семьи. Бросят даже меня! А детеныши и вовсе панически боятся взрослых особей, ибо те считают их дичью, пока молодняк не достигнет половозрелого возраста. А тут такое! И вот еще смотри. Видишь, у этого стаха на хвосте отсутствует ядовитый шип. Так вот, он держал хвостом будто рукой вон ту шипастую булаву и молотил ей по моим стахам! Да так яростно, что даже успел размозжить один глаз моему малышу. Видишь, у него теперь корона щербатая? Я бы конечно предпочел сохранить столь необычную тварь. Но взбешенный из-за выбитого глаза стах с такой яростью вонзил шип в корону глаз лесному наглецу, что пронзил того насквозь. Потом просто разорвал его на куски.

– Я вижу, – окинул я взглядом поляну.

– Но на этом чудеса не закончились, – отрицательно покачал головой Эль и снова ударил себя в грудь. – Теперь этот стор бросился на стаха с такой яростью, будто он разорвал его родного брата! А знаешь, как я успел спасти эту оболочку, чтобы мой малыш не разорвал и ее? Я вселился в нее. Правда стор успел получить укол с парализующей дозой яда, и я пока не могу вытащить его сознание, чтобы вытрясти информацию. Об их симбиозе с лесным стахом. Собратья не поверят, если я поведаю им об этом голословно...

Неожиданно Создатель замолчал. Тело занятой им оболочки передёрнуло словно от судороги, и он запел... Запел на русском языке: – Возвращаюсь я с работы, рашпиль ставлю у стены, вдруг в окно порхает кто-то из постели от жены...

Ледива. Охотники и дичь

– Нет, ты слышал, этот зазнайка думает, будто я, подобно лесной дикарке, способна только прятаться за мужскими спинами и заниматься домашними делами! – возмущенно высказывала младшему брату Ледива.

– Ну вообще-то, сестренка, дед говорит, что таких, как ты, не сыскать ни в одном рыбацком селении. Ты лучше объясни, чего ради мы остались здесь, а не ловим сейчас малакера?

– А ты не понимаешь, Валад? – девушка схватила брата за грудки. – Разве мы с тобой не собирались поймать собственных летунов?

– Но почему тогда мы не пошли в лес вместе с Тарамом? – ни как не мог понять сестру юноша.

– Потому, что я хочу доказать этому лесному дикарю, что... что...

– что? – прищурился Валад.

– Что я не нуждаюсь в его заботе, как какая-то лесная дикарка! – подобрала слова девушка.

– я ничего не понял, – разведя руками, признался Валад, – что ты хочешь доказать Леегу, рубя жерди для ограды?

Ледива ловко сунула топорики в петли, и вдруг обняла брата и поцеловала его в щеку, удивив и озадачив того еще больше.

– Братик, ты же всегда и во всем меня поддерживал. Давай отнесем эти жерди и немножечко разведем окрестности по левую сторону водопада? Ну, братик!

Надо отдать должное Валаду, он долго не поддавался на уговоры. Однако, когда Ледива заявила, что все равно пойдет одна, сдался. У него даже и мысли не могло возникнуть, удерживать старшую сестру насильно.

Так как по этой стороне пролегала широкая тропа от порубежной крепости, то, рассудив, что вблизи оживленного места самка стаха копать нору не станет, решили разведать места немного западнее. На склон все же поднялись по тропе, ибо быстрее, и лишь наверху направились левее. Кое-как продрались через густое переплетение синей лианы, в которой потревожили свадьбу хитов, едва в нее не вляпавшись. Хороши бы они были, вернувшись в лагерь покрытыми вонючей слизью, от запаха которой во время брачного периода разбегаются даже питающиеся хитами крупные змеи.

Но вот пошел более свободный лес с могучими многовековыми чиндрагорами и другими не менее массивными деревьями. Такой лес просматривался на много шагов вперед, заросли кустарника здесь встречались только на редких участках, доступ солнечного света к которым не заслоняли густые кроны лесных великанов. Вблизи одной такой поляны, окруженной кустарником, Ледива заметила тусклый отблеск в жухлой траве.

– Стоять, братик! – схватила она за шкуру Валада,

неосторожно занесшего ногу над меткой самки стахов.

Теперь вдвоем, разглядывая окрестности более внимательно, они обнаружили множество таких слизистых меток в траве и опавшей листве. Пришло и осознание смертельной опасности. Юные искатели приключений непроизвольно отступили к необхватному стволу ближайшего дерева.

– Что будем делать? – перешел на шепот Валад.

Нерешительность брата неожиданно придала уверенности Ледиве.

– Надо узнать точно где нора, – нарочито громко заявила она.

– Но как? Даже если нам повезет, и мы не встретим сейчас стахов, то все равно вляпаемся в это, – парень указал взглядом на слизь под ногами, – и тогда стахи придут по нашим следам в лагерь.

Девушка прищурилась в задумчивости и еще раз обвела взглядом окрест. Затем посмотрела вверх.

– Надо забраться на дерево. Сверху мы возможно увидим то, что ищем.

Валад с сомнением посмотрел на гигантский ствол, самая нижняя ветвь у которого находилась метрах в пяти над землей. Но девушка уже начала действовать. Она вогнала в ствол дротик на высоте своего роста и для надежности постучала по древку обухом топорика. Отступив на ширину плеч, вогнала второй дротик.

– Подсади, – скомандовала она брату и ухватилась верх-

ними руками за дротики.

Через пару мгновений Ледива стояла на вбитых в ствол дротиках и забивала вторую пару. Теперь Валад уже не мог ее подсадить, но девушка ловко подтянулась и перебралась на следующий уровень самостоятельно. Третья пара дроти-ков позволила ей перебраться на нижнюю ветвь. Сев и све-сив ноги, она задорно подмигнула восхищенно наблюдавше-му снизу братцу.

– Чего рот разинул? Забыл, дед рассказывал, как степняки однажды забрались в одну из западных крепостей и вырезали половину стражи? Но ты лучше не лезь, А то еще обломишь дротик. Как потом спускаться?

– Я могу забить свои, – обиженно буркнул юноша, одна-ко остался внизу, решив быть на чеку и поймать сестренку , если та сорвется.

А девушка уже ловко перебиралась с ветки на ветку, за-бираясь все выше и выше. Вот сверху открылся вид на окру-женную кустарником поляну. Бросив взгляд в ту сторону, Ледива едва не сорвалась вниз от испуга. Если не считать Мизгиря, которого и полноценным-то стахом пока не назо-вешь, она до сего момента ни разу не видела живого взрос-лого восьмипалого монстра. На ее памяти вблизи селения несколько раз появлялись семейства лесных стахов, и муж-чины немедленно устраивали на них охоту. Иногда стахи уходили, иногда охотники приносили в селение расчленён-ные тела тварей. Бывало, кто-либо из односельчан погибал

или получал увечья от этих монстров. Но, не имея личного опыта встреч со стахами, девушка не осознавала, насколько они ужасны.

И вот теперь, узрев темно-бурого гиганта, под брюхом которого смог бы свободно пробежать Мизгирь, Лидива от ужаса потеряла дар речи. Широко открыв глаза, она смотрела, как монстр перебирает чудовищными лапами, как бегаёт оранжевый всполох по короне глаз, как искрятся капли яда на увенчивающем вздыбленный хвост метровом зазубренном шипе, как распрямляется свернутый в улитку хобот. Заметила она и черный провал норы в самом центре поляны. И этот провал вдруг словно расцвел пучком сухих жердин, Жердины вытянулись из норы, подломились в разные стороны, превратившись в членистые ноги, и вот наружу показалось тело еще одного монстра.

Первый стах гулко протрубил, под его хоботом что-то сверкнуло, и в следующее мгновение в ветвь, на которой стояла Лидива, ударил клейкий сгусток. Ветвь содрогнулась, Находившаяся в ступоре девушка соскользнула, но в последний момент машинально схватилась за толстый сук. Оцепенение как рукой сняло, Подтянувшись, она снова забралась на ветку и шустро стала забираться выше.

– Валад, стахи! – крикнула она ожидающему внизу брату.

Тот не сообразил, откуда исходит опасность, и выбрал единственный очевидный путь к спасению – наверх за сестрой. Ловко взлетев по вбитым дротикам, юноша быстро на-

гнал сестру.

– Где стахи? – спросил он, загнанно дыша. Проследив за взглядом Ледивы, присвистнул и непроизвольно передернул плечами. А стахи тем временем перемахнули через кустарник и уже кружили вокруг дерева. – А они на дерево не заберутся? Может, полезем выше?

– Я бы полезла, – в голосе девушки появились нотки паники, – но нас не пропустят.

– Кто? – Валад посмотрел вверх и невольно помянул Создателей.

Метра на два выше ствол обвилось плоское тело гигантского змея. В таком положении трудно было определить его длину, но она явно превышала пять шагов взрослого стора. Обнаружив такой экземпляр на земле, юные охотники прыгали бы от счастья. Конечно, справиться с таким гигантом не просто даже днем, но в любом случае в дневное время все шансы были на стороне сторов. Но на высоте, когда стоишь на круглой ветке, крепко держась, чтобы при неосторожном движении не рухнуть вниз, а под деревом топчутся восьмиллапые монстры, готовые метнуть ловчую нить, как только жертва покажется в просвете меж ветвей, то какой бы не был медлительный ползучий гигант при дневном свете, а в таких условиях шансов увернуться от его бритвенно острых челюстей ничтожно мало. Да ему достаточно случайно мотнуть лежащим на ветке широким хвостом, чтобы смести притаившихся искателей приключений.

– Что будем делать? – прошептал Валад, боясь пробудить впавшего в дневную спячку монстра. – Скоро сумерки.

Уточнять, что с наступлением сумерек змей проснется и непременно нападет на них, не было необходимости.

Девушка затравленно посмотрела вокруг, Ее взгляд зацепился за темный зев дупла в стволе соседнего дерева. Неизвестно, какая тварь могла жить в этом дупле, но если оно пусто, то забравшись внутрь, можно обороняться от кого угодно. А можно попросту замаскировать дупло ветками, посыпав соседние ветви порошком плима. Благо мешочек с этим порошком всегда приторочен к охотничьей сбруе. Лишь бы места в дупле хватило на двоих.

Но как перебраться на соседнее дерево?

Ледива посмотрела вниз. Пока их внимание было занято змеем, один стах куда-то убежал, а второй застыл неподвижно. Лишь нервно подергивался чудовищный шип на конце задранного хвоста. Но бегающий по короне глаз всполох предупредил о том, что зверь видит все окрест. Понятно, что перебраться на соседнее дерево по земле шансов нет. И все же, определив дупло, как шанс спастись, юная сторанка обрела цель, и от этого унялся панический мандраж, и пришла холодная рассудительность.

– Нам надо перебраться на то дерево, – сообщила она брату. – Видишь дупло? В нем мы спокойно переночуем. А завтра нас обязательно найдут и выручат.

– Перебраться на то дерево? – брови Валада взлетели

вверх. – Но я не умею летать...

– Да-а? – деланно разочаровалась сестренка. – Значит, найди другой способ.

Обличенный доверием старшей сестры, парень размышлял не долго.

– Смотри, – указал он на переплетение ветвей немного ниже, – ветка с нашего дерева лежит на ветке с того дерева. Наша ветка тонковата, но если быстро перебежать, то она наверняка выдержит.

Оценив предложенный путь, Ледива непроизвольно сглотнула. Успокаивала лишь мысль, что если сорвется вниз, то наверняка разобьется насмерть, прежде чем будет разорвана ужасным восьмилепым монстром. Однако, похвалив брата за находчивость, предложила поискать другой менее рискованный путь.

Но ничего другого в их головы так и не пришло. Да и что еще в данной ситуации можно было придумать?

А на лес вот-вот должны были опуститься сумерки. Да под деревьями они уже практически наступили. Змей вверху грузно пошевелился, обрушив вниз куски отмершей коры и сухие ветки. Стах под деревом заскрежетал челюстями. Как забравшиеся на дерево сторы, так и гигантский змей, были для его семьи желанной добычей.

– Я пойду первым, сестренка, – посмотрел на Ледиву брат, – если ветка выдержит мой вес, то ты легко перебежишь по ней.

Девушка сразу не нашла, что ответить. Но Валад и не ждал ответа. Он решительно спустился ниже и перебрался на нужную ветвь. Его движения не остались, не замечены. Стах оживился, заскрежетал челюстями, приподнял свернутый хобот и принялся топтаться туда-сюда, вероятно высматривая просвет в ветвях, через который можно метнуть ловчую нить в передвигающуюся дичь.

А Валад, сделав несколько глубоких вдохов, ринулся вперед, отталкивая мешающие мелкие ветки и ловко огибая или перепрыгивая через более крупные. Ледива закрыла лицо ладошками, боясь увидеть, как брат сорвется вниз, однако все же смотрела за его бегом сквозь растопыренные пальцы, едва сдерживая крик при каждом прыжке бегущего юноши.

Вот после очередного прыжка ветвь под ногами Валада прогнулась так, что казалось она, переломится или соскользнет с противоположной ветки, и отчаянный юноша полетит вниз. Из горла побледневшей сестры все же вырвался отчаянный крик. К счастью не случилось ни того, ни другого. Ветка спружинила и высоко подбросила готового прыгнуть дальше парня. Пролетев метров пять, он плашмя рухнул на более толстую противоположную ветку, обхватив ее всеми шестью конечностями.

А в то место, где он находился мгновение назад, мокро шлепнул липкий сгусток ловчей нити. Разочарованный ускользнувшей жертвой, стах громко заверещал и дернул нить с такой силой, что ветка все же соскользнула с проти-

воположной, повиснув на полметра ниже, да так и осталась после того, как монстр отбросил неудачно брошенную нить. Валад меж тем, не поднимаясь, шустро проскочил на шестерёнках к более толстому участку. Здесь пришлось встать, ибо дорогу преградила вертикальная ветка. Последний бросок, и вот юноша прижался к необхватному стволу, судорожно вцепившись в глубокие борозды толстой коры многовекового лесного гиганта. Из груди вырывалось такое хриплое дыхание, как будто он преодолел не два десятка шагов, а бежал добрую половину дня.

Едва отдышавшись, Валад повернулся и попытался изобразить на лице бесшабашную улыбку, однако сестра смотрела не на него, а на перекрещивание ветвей. Посмотрев туда же, парень увидел, что произошло.

Само по себе то, что ветка дерева, на котором осталась сестра, находилась теперь на полметра ниже, не сильно усложняло задачу. Но наверняка от нагрузки она прогнется. Пусть Ледива в два раза легче его, но все же она не пушинка. Парень поднял взгляд. Там, почти под телом пробуждающегося змея, отходила еще одна длинная ветвь, нависающая над той, по которой перебрался он.

– Ледива! – окликнул он сестру и указал руками наверх, – Перебирайся на ту ветку! Живее, пока змей не проснулся! Быстрее!

Крик брата вывел девушку из оцепенения. Она с ужасом посмотрела на шевелящееся тело ползучего монстра, но оче-

редной крик подстегнул ее, и Ледива подчинилась. Когда забралась на нужную ветку, тело монстра тоже опустилось, слегка придавив ее. Девушка испуганно дернулась, уколов змея парой оставшихся в колчане дротиков. Зверь рефлекторно отдернулся, одновременно вздыбив чудовищную безглазую голову.

– Беги! – истошно заорал Валад.

Не осмеливаясь оглянуться, девушка вжала голову в плечи и быстро поползла на шестеренках, как это делал ее брат.

– Беги-и! – продолжал вопить тот, с ужасом наблюдая за нависающей над сестрой тушей, выпускающей из раскрывшейся присоски, матово отблескивающие челюсти.

Ледива все же оглянулась и, увидев нависшую над ней смерть, встала на ноги и припустила с удвоенной скоростью, ежесекундно рискуя сорваться.

А змей все тянулся и тянулся, пока масса оторвавшегося от ствола тела не перевесила, и он не рухнул вниз. Тяжеловесная туша обрушилась в двух шагах за убегающей сторонкой и, подминая и ломая мелкие ветки, немедленно ринулась в погоню. Под столь тяжелым грузом ветвь затрещала и начала прогибаться. Наклон быстро увеличивался. Ледива соскользнула, и некоторое время катилась по густому переплетению ветвей, оглашая окрестности диким визгом. Змей целеустремленно скользил за ней с невероятной для такой туши сноровкой, прогибая ветвь все ниже. Продолжая оглушительно визжать, девушка сорвалась и упала на ветку

противоположного дерева, на которую и должна была перебраться по задумке Валада. Но не удержалась, соскользнула дальше, лишь в последний момент, схватившись обеими парами рук и повиснув над оживленно верещащим стахом. К счастью восьмипалый монстр отдал предпочтение более мясистой дичи, и его ловчая нить на этот раз удачно впечаталась в тушу змея. Последовал рывок, при котором стах даже оторвался от земли. Толстая ветвь не выдержала и с хрустом переломилась, обрушивая массивную дичь прямо на охотника, В следующий миг панцирь стаха хрустнул от чудовищного удара, Однако и ядовитый шип пронзил насквозь плоское тело змея, отчего тот безвольно распластался, накрыв собой стаха. Теперь сверху они казались единым чудищем с длинным змеиным телом и подрагивающими членистыми лапами.

Однако Ледиве и Валаду было не до любования композицией соития двух самых ужасных сторанских монстров. Девушка из последних сил цеплялась за ветки. Кричать она была уже не в силах, и из ее горла вырывались только натужные хрипы. Брат спешил на помощь сестре. При этом сам едва не сорвался вниз, поскользнувшись на попавшей под ногу листве. А тут еще ветка под его весом начала опасно прогибаться, и дальше пришлось пробираться ползком. Наконец руки брата и сестры встретились, Он втянул ее на ветку и начал пятиться назад. В этот момент Валада что-то сильно ударило по ноге и сдернуло с ветки. На этот раз сестра не

выпустила его рук, держа брата верхними руками и обхватив ветвь нижней парой.

Оказалось, это вернулся второй стах и метнул нить в ползающих по дереву сторов. Теперь он, азартно попискивая, тянул пойманную жертву.

Ледива держала брата из последних сил, но чувствовала, что его ладони выскользывают. От отчаяния она начала подвывать. Валад же молча смотрел ей в глаза, словно прощаясь.

Неожиданно натяжение ослабло. Юноше удалось вцепиться свободной парой рук в ветки и он легко забрался наверх. На правой ноге отсутствовал сапог. А внизу разочарованно скрежетал челюстями стах, отбросивший в сторону несъедобную добычу. Впрочем, ему ли было расстраиваться, когда рядом лежала целая туша гигантского змея.

Когда чудом выжившие юные искатели приключений добрались до дупла, на лес уже опустилась кромешная тьма. Внизу, судя по звукам, копошилось не менее двух стахов. Вероятно, к оставшемуся самцу присоединилась покинувшая логово самка. А может, откуда-то прибежал еще один самец. Ведь в семе лесных стахов самцов может быть и более трех.

Не обращая внимания на доносившиеся звуки, ребята долго сидели, обнявшись, и молча приходили в себя. Первым вернулся к действию Валад. Срубив ветку, он пошуровал ей в дупле. Не нащупав никого агрессивного, решил залезть туда сам.

– Двоим тут не поместиться, – донеслось из дупла до Ле-

дивы, – но древесина трухлявая. Я сейчас его расширю. Отползи пока в сторонку.

Ледива еще слабо воспринимала реальность, потому смысл слов брата дошел до сознания только когда послышались глухие удары и в нее полетели куски вырубленной древесины.

Леег. Смертельная схватка

Озерце, в которое падал центральный водопад, с основным озером соединяла узкая протока протяженностью метров сто. Однако ее берега столь густо поросли высоким кустарником, что идущему впереди Тараму приходилось прорубаться с помощью топора. Как он объяснил, по ту сторону протоки есть нормальная тропа, и подъем там более пологий, но с этой стороны мы срежем напрямик излучину реки, значительно сократив путь, когда завтра пойдем к крепости. А сейчас просто разведаем это направление, коль уж все равно отправились разведать окрестности.

Вскарабкавшись на крутой каменистый склон, мы какое-то время шли вдоль берега небольшой, но бурной речки.

Но вот река постепенно удалилась влево, а Тарам повел нас в только ему ведомом направлении.

– А когда мы будем искать норы стахов? – подал голос Боат.

– В такой чащобе взрослым стахам точно не разгуляться, – продолжая срубать заслоняющие дорогу ветки, ответил бывший порубежник, – Они любят более свободные пространства. Выше лес поредеет, там будет шанс встретиться с этими тварями. М-да-а... Кто б сказал мне, что я сам буду искать встречи со стахами... Да еще и зачем!

Из-за куста выскочил Мизгирь с очередным деревом в хоботе.

– Молодец! – похлопал я его по панцирю, – Но если не хочешь, есть, то больше не надо. Охотиться будем на обратном пути. Иди рядом.

Повинуясь хлопку по ноге, летун обиженно пискнул и понуро засеменил рядом.

Наконец кустарник поредел, и стволы деревьев расступились, став гораздо толще – иное только вдвоем и обхватишь. Теперь мы получили возможность растянуться в цепь, но более чем на десяток шагов друг от друга не отдалялись, дабы всегда быть на виду у товарищей. Об этом строго настрого предупредил Тарам.

Оглядывая окрестности, я вспоминал все, что узнал о стахах. О близости норы можно было узнать по слизи на траве, которой самка метила территорию. Эта слизь как предупреждала чужаков, что сюда лучше не заходить, так и метила случайно забредшую дичь, позволяя самцам идти по ее следу. Каждому стору с самых юных лет внушалось обращать особое внимание в лесу на любой блеск под ногами. А ежели случится вляпаться, то самым разумным будет снять испачканный сапог, забросить его как можно дальше и улепетывать со всех ног, жалея о том, что Создатели дали сторам четыре руки, а не четыре ноги. Мне об этом поведали приятели в тот первый памятный выход в лес, когда я поймал Мизгирия. А вернее будет сказать, когда мы с ним поймали

друг друга.

И вот теперь мы специально выглядывали отблески в траве. Но когда таковые будут обнаружены, предстоит еще решить, что делать дальше. Как пробраться к норе не вляпавшись? Как определить состояние кладки? В принципе можно без затей ждать, когда вылупятся летуны, и отлавливать их на выходе из норы. Дело в том, что перед вылуплением молодняка, самка уводит самцов от норы. Иначе они пожрали бы потомство, не дав ему разлететься. Но срок созревания кладки от тридцати до сорока седмиц. А провести хотя бы одну вблизи норы восьмилпых монстров лично мне ни сколько не улыбалось.

Наша команда много раз обсуждала возможность завладеть кладкой. Однако ни одного реально выполнимого плана так и не было предложено. В конце концов, решили сперва найти нору, и далее действовать по обстоятельствам.

Срезав излучину, мы снова вышли к реке. Удовлетворившись разведанным путем, Тарам повернул назад. Необходимо было вернуться до сумерек. А сумерки в лесу наступают быстро. Тарам погнал нас бегом, ибо еще предстояло миновать опасную чащобу, где на каждом шагу можно ждать нападения очнувшегося от дневной спячки крупного змея. Когда мы спустились по склону, под кронами деревьев уже сгустился сумрак. Последнюю сотню шагов до лагеря бывший порубежник ломился сквозь заросли, словно спасающийся от пожара зверь. При этом он подгонял и нас постоянными

окриками.

Лагерь встретил нездоровым оживлением.

– Ледива с Валадом с вами не уходили? – подбежал Витон.

Удивившись вопросу, мы вразнобой дали отрицательный ответ.

– Я же говорю тебе, они исчезли почти через шаг после того, как Тарам с парнями ушли на разведку, – явно обиженный на недоверие к его словам, обратился к Витону Гоат.

Как оказалось, девушка, и ее младший брат недолго покрутились на благоустройстве лагеря. Они сами вызвались отправиться на заготовку жердей и гибких веток для восстановления старой плетеной изгороди, оставшейся от былых посещений. Принеся несколько охапок, ушли в лес в очередной раз и больше не вернулись. Так как заготовленного материала хватило, Гоат сперва не обратил внимания на их отсутствие. Когда же забеспокоился, то вместе с сыном обошел ближайшие заросли, но нигде и ничего не обнаружил. Углубляться дальше благоразумно не стал. Ни лавочки, ни оставшийся с ними ткач не были следопытами. Да и оставлять лагерь они не имели права. Так и дождались рыбаков, которые явились буквально за четверть шага перед нами.

Пока мы выясняли детали происшествия, окончательно стемнело. Я посмотрел на мрачную стену леса, которая из-за поднимающегося склона казалась вдвое выше. Н-да... На Сторане и речи быть не может ни о каких ночных поисках. Заночевать-то в лесу дело обычное, при условии тща-

тельной подготовки и наличии порошка плима. Но вот перемещаться в ночных зарослях сродни самоубийству. Хотя я и не мог представить, как с наступлением темноты такие медлительные твари, как гигантские змеи, могут вдруг стать стремительными и опасными хищниками, но не доверять опытным охотникам не было оснований. И рыбаки наглядно продемонстрировали эти опасения, не высказав даже мысли о немедленных поисках пропавших. Хотя моя земная сущность и требовала немедленно броситься на поиск Ледивы, но умом стора я вынужден был подчиниться благоразумию и дожидаться утра.

***

Утром, едва развеялся мрак под деревьями, мы отправились по следам пропавших. Теперь вместе с Тарамом впереди шли Витон и Роам. Несмотря на молодость, Роам имел большой опыт путешествий по лесам и считался в нашем селении лучшим следопытом после своего отца. Брат Ледивы и бывший порубежник не уступали в опыте юному охотнику. И сейчас они втроем уверенно вели нас ведомым только им направлением.

В зарослях синей лианы и неопытный взгляд легко отмечал, что здесь недавно кто-то прорубался. А когда миновали заросли, следопыты остановились. По нахмуренным лицам можно было догадаться о каких-то замеченных неприятностях. Оказалось, они обнаружили след стаха. След не свежий, оставленный примерно за сутки до прохождения здесь

Ледивы с Валадом. Но само его наличие говорило о нахождении в ближайших окрестностях логова восьмилапых монстров. Пройдя еще немного, следопыты окончательно утвердились в своем предположении еще и потому, что нигде не обнаружили следов гератов. И это при том, что земля под гигантскими чиндрагороми буквально усыпана созревшими плодами. Стахи хоть и не могли питаться этими свиноподобными тварями из-за их крепкой брони, но и не терпели их присутствия поблизости от логова. Впрочем, как и чье бы то ни было другое.

После недолгого совещания Роам побежал в лагерь, чтобы привести оставшихся там рыбаков и ткачей и прихватить емкости с маслом для факелов.

Я никогда не участвовал в охоте на стахов, но знал, что они боятся огня. Первое время, когда мы разводили в лесу костер, Мизгирь едва не падал в обморок, отбегал подальше и тревожно сигнализировал мне всеми доступными ему способами. Сейчас при виде огня он не паниковал, но предпочитал держаться так, чтобы между ним и костром всегда находился я или кто-то из моих друзей.

И вот, все готово для встречи со стахами. Даже Поут не пожелал остаться с отцом в лагере и явился вместе со всеми. Он воинственно держал топорики в нижней паре рук и пока незажженные факелы в верхней паре.

Следопыты вновь пошли по следу, а мы, растянувшись цепью, двинулись за ними. Мизгирь вопреки обыкновению

не носился по зарослям, высматривая дичь, а семенил рядом, тревожно попискивая. Вероятно, он ощущал присутствие поблизости взрослых сородичей. И от этого мне тоже было тревожно. Я не думал о предстоящем личном столкновении с монстрами, наводящими ужас на сторов. В данный момент две мысли скреблись в моей душе – тревога за длинноногую строптивую рыбачку и не понятное беспокойство за восьмипалого питомца.

Тарам поднял руку, и все остановились. Следопыты прислушались к чему-то происходящему впереди, перебрались несколькими фразами и Витон крикнул:

– Огонь!

Запалив факелы, мы сдвинулись более плотно. Теперь и следопыты встали с нами в одну цепь. Через пару десятков шагов впереди раздался трубный звук, перешедший в пронзительный нечеловеческий визг. Я сразу опознал эти звуки, такие же, но десятикратно слабее, издавал Мизгирь, призывно трубя в хобот или выражая беспокойство писком, переходящим в визг при откровенной панике.. Вот и сейчас, услышав голос взрослого сородича, питомец заверещал и, несмотря на пугающий его чад факелов, попытался спрятаться за моей спиной. Я хотел сказать ему что-нибудь умиротворяющее, но заметил впереди меж деревьев движение, и мое внимание сосредоточилось на пока еще не ясном приближающемся огромном силуэте.

Сторы сомкнулись еще плотнее и вытянули вперед факелы.

лы.

И вот я впервые увидел чудовище, коим предстояло однажды стать и прирученному мною летуну. Вид этого монстра поистине внушал ужас. Описывать не имеет смысла, ибо на открытое пространство выбежала троекратно увеличенная копия Мизгиря. Но именно размеры и внушали ужас. Имеющий живое воображение землянин может представить длинноногого краба, тело которого размером с хорошего бычка, с ногами соответствующих пропорций. При таких размерах смешное суетливое существо сразу превращается во внушающего ужас монстра. И все же никакое воображение не способно вызвать тех эмоций, которые возникают при реальном столкновении с чудовищем.

Однако восьмипалый гигант не напугал моих товарищей. Они дружно шагнули вперед, и мне пришлось поспешить следом. И еще шаг. И еще...

Стах снова протрубил, свернул хобот, наклонил хвост так, что метровый шип оказался над мерцающей оранжевыми всполохами короной глаз. Когда мы сделали очередной шаг, монстр совершил скачок навстречу, нанес удар шипом в наш строй и сразу отскочил назад от пылающих нестерпимым чадающим пламенем факелов, одним из которых ему заехали по ядовитому шипу. На наше счастье от выпада стаха никто не пострадал. Не дав нам сделать очередной шаг, монстр прыгнул влево, сделав ложный выпад хвостом, и тут же прыгнул к правому флангу. На этот раз его удар едва не достиг це-

ли. Молодой рыбак едва успел принять шип на перекрещенные топоры и факела. Находившийся рядом Витон взмахнул большим боевым топором, намереваясь отсечь смертельно опасный шип, но неожиданно развернувшийся хобот мощным ударом отбросил старшего брата Ледивы на добрых пять шагов. Сразу несколько факелов ткнулись в монстра, заставив того отскочить с диким визгом.

Двое парней бросились к Витону. Но тот закричал, чтобы они возвращались в строй. После чего поднялся самостоятельно, подобрал топоры и, слегка пошатываясь и прижимая нижние локти к бокам, вернулся на свое место.

Стах сделал еще несколько ложных бросков. Как оказалось, зверь отвлекал наше внимание от заходящего с правого фланга сородича. Первым второго монстра заметил Поут. Тут же на опасное направление переместился Тарам. Двумя руками здоровяк держал гигантский топор, в третьей держал факел.

– Подержи, – сунул он факел Поуту, выхватил из петли обычный топорик и метнул в стаха. Удар пришелся чуть ниже короны глаз, едва не погасив монстру часть поля зрения и вызвав дикий визг.

Сообразив, что неожиданного нападения не получится, стах присоединился к собрату. Теперь они вдвоем совершали наскоки-отскоки, периодически сбивая кого-нибудь с ног. Было очевидно, что звери пытаются нас прогнать со своей территории. Возможно, в виду нашей многочисленности,

они даже не стали бы преследовать, обратись мы в бегство. Но и сами стахи не бежали от огня. А это значило только одно – рядом было их логово, которое они будут защищать до последнего.

По примеру Тарама то один стор, то другой начали метать дротики и топорики, метясь в короны глаз. Пока попаданий не было, но такая тактика заставила восьмилапых попятиться. Вдруг во время выпада один из них выстрелил ловчей нитью и отскочил назад, выдернув за собой здоровяка Ваала. Парень упал на четвереньки, выронив факелы, но продолжая сжимать топорики. Он попытался встать, но стах опрокинул его новым рывком. Покрытый каплями яда и сам по себе смертельный шип взметнулся, готовый пронзить тело пойманной жертвы.

– Ваал! – закричали мы с Боатом одновременно и бросились вперед, пытаясь закрыть собою друга.

Нанося удар топориками по летящему в Боата шипу, я бросил оба факела в корону глаз монстра. Боат же, оказавшись проворнее меня, буквально прыгнул под шип, оседлав пытающегося подняться друга, скрестив над собой топоры и факелы. Ощувив нечто тяжелое, упавшее ему на спину, Ваал издал панический крик и перекатился на спину, сбросив с себя самоотверженного товарища, тем самым спасая жизнь и ему, и себе. Метровый шип, способный пронзить двоих сторов, ударил в землю в том месте, где мгновение назад находились мои друзья. Одновременно мои топорики врезались

в чешуйчатый хвост. Первый чирком надрезал его у самого шипа, второй завершил дело, перерубив полностью. Удар развернувшегося хобота оглушил и отбросил меня, потому до моего сознания не донесся дичайший визг зверя. И вызван этот визг был вовсе не отрубленным шипом, а попавшими точно в корону глаз факелами. Я и помыслить не мог о такой удаче, когда бросал их. Однако мне удалось повторить давний подвиг отца, убившего стаха точным попаданием в корону глаз. Я монстра не убил, но огонь выжег ему почти все глаза. Дико визжа, ослепленный зверь отпрянул прочь, дернув нить с Ваалом с такой силой, что того подбросило высоко в воздух.

До последних своих дней буду жалеть, что находился в тот момент в отключке и не видел приземление здоровяка, а так же последующего действия. А приземлился Ваал точно на загривок второго стаха, лицом прямо в корону глаз. Наверное никогда до того ни один стор не смотрел так близко в глаза стаха. Мизгирь не считается, ибо он пока еще не полноценный представитель сего племени.

Впоследствии Ваал и сам не мог сказать, действовал он осознанно, или просто сработал охотничий рефлекс, но прежде чем новый рывок нити сбросил его на землю, он успел выхватить из-за спины дротик и с силой вонзить его в центр мигающего оранжевыми всполохами круга. Тонкий в этом месте хитин проломился, дротик погрузился на треть длины, мерцание глаз мгновенно погасло. Хобот и хвост зве-

ря безвольно опали на землю. А ослепленный стах, продолжая оглашать окрестности пронзительным визгом, совершил очередной прыжок, На этот раз Ваал ухитрился приземлиться на ноги. Приземлился он настолько близко к монстру, что прилипшая к его груди нить опала на землю несколькими свободными петлями.

– Беги вокруг дерева! – заорал парню Тарам.

Понял ли задумку Ваал, или просто подчинился команде старшего товарища, но немедленно принялся наматывать круги вокруг толстого ствола чиндрагоры.

– Стой! – подал очередную команду Тарам, когда нить обмотала ствол три раза, и между деревом и Ваалом осталось не более метра. Приложив нить к дереву, воин одним ударом перерубил ее, после чего вогнал в ствол метательный топорик почти на все лезвие, намотав нить на топориче и завязав крепким узлом.

Не знаю, на что рассчитывал бывший порубежник, привязывая стаха, но когда нить натянулась, ограничивая перемещение монстра, тот попросту отбросил ее и снова принялся свободно скакать в слепом неистовстве. Однако идею Тарама неожиданно подхватил Мизгирь. Все это время восьмипалый друг суетился вокруг моего полубессознательного тела, панически вереща и пытаясь привести меня в чувство весьма чувствительными шлепками хоботом. И вот, когда ослепленный стах опасно приблизился, грозя растоптать меня, Мизгирь вlepил нитью в его заднюю часть тела, после чего, как

при охоте на гератов, прилепил нить к ближайшему необхватному стволу. Зверь дернулся и закрутился на привязи, сослепу не в состоянии понять, что его держит. Продолжая пронзительно верещать, он стегал во все стороны хоботом и обрубленным хвостом. Несмотря на отсутствие смертельного шипа, хлесткий удар покрытого твердой чешуей хвоста мог легко перешибить позвоночник подвернувшемуся стору. А Мизгирь, решив не останавливаться на достигнутом, вlepил во взрослого сородича второй нитью, прикрепив ее к стволу напротив. А третья нить ограничила метания монстра настолько, что охотники приблизились к нему достаточно близко, чтобы прицельно метать топоры и дротики. Четвертой нитью Мизгирь промазал, ибо стах попытался встать на дыбы, и она попала в одну из лап. Это-то попадание и стало для монстра роковым. После нескольких движений его лапы запутались, а когда летун прилепил четвертую нить к стволу, зверь завалился вперед, подставив под удары корону выжженных глаз, и в ее центр немедленно врубился боевой топор Тарама.

Монстр рухнул и затих. Сторы стояли вокруг, продолжая держать наготове оружие и горящие факела, пока не осознав, что битва закончилась.

К этому моменту я уже пришел в себя, поднялся и пытался устоять на качающейся земле. Подбежавший Мизгирь что-то заботливо верещал и тихонечко тыкал хоботом, словно проверяя, все ли у меня цело.

– Ты в порядке, Леег? – подбежал Боат.

Я задумался над ответом. Но мои размышления прервал новый пронзительный душераздирающий визг, возвестивший о том, что ничего еще не закончено.

К месту побоища приближался третий монстр. Я поджег новые факелы и поспешил присоединиться к вновь вставшим плечом к плечу товарищам. Мизгирь благоразумно держался сзади.

– Это самка, – разглядел лопатообразные передние лапы Витон.

– Значит, самцов больше нет, – сделал вывод Тарам, – нам повезло.

Приближающаяся самка, размерами заметно превышающая самцов, навевала сомнения в нашем везении. А ее возмущенный визг не предвещал ничего хорошего.

Приблизившись к самцу, в короне глаз которого торчал дротик Ваала, самка перестала верещать и печально протрубила в хобот. Пораженный в мозг самец остался безучастно стоять неподвижным изваянием. Она подбежала ко второму поверженному сородичу. Но и тот лежал, не подавая признаков жизни. Новый тоскливый трубный звук вырвался из чешуйчатого хобота. Теперь она трубила в нашу сторону, словно спрашивая, зачем мы явились сюда и убили членов ее семьи.

Минута тянулась за минутой, а мы все стояли друг против друга, и никто не решался напасть первым. Наконец, Тарам

сделал шаг вперед, и мы последовали за ним. Самка подняла хобот, еще раз укоризненно прогудела и вдруг развернулась и унеслась прочь.

Однако праздновать победу было преждевременно. Ведь нашей задачей были поиски Ледивы и Валада. Все присутствующие понимали, что если они встретились со стахами, то шансов выжить не было. Но вслух об этом никто не говорил.

Вперед вновь вышли следопыты. Теперь по следу шли только Тарам с Роамом. У Витона похоже было сломано ребро. Возвращаться в лагерь он отказался. Ему наложили тугую повязку, и теперь он плелся позади всех.

Шли довольно быстро, но, как мне показалось, бесконечно долго. И в действительности прошло не менее земного получаса, прежде чем следопыты остановились, разглядывая что-то замеченное впереди. После недолгой заминки мы снова двинулись и вскоре вышли к месту недавней схватки гигантского змея с одним из стахов. От змея остались только разбросанные между деревьев куски плоти, по размерам которых и можно было судить о его величине. А вот восьмилапый монстр валялся почти невредимый, если не считать разможжённой короны глаз. По ней будто врезали огромной кувалдой. Нам оставалось только гадать, как сие произошло, и благодарить ползучего гиганта за то, что он избавил нас от схватки с еще одним стахом.

– Они забирались на дерево! – воскликнул Роам и указал

на попарно вбитые дровишки в ствол ближней чиндрагоры. По ним действительно можно было добраться до нижней ветви, и следопыт тут же это доказал. Вскоре он сообщил сверху: – Здесь дневал змей.

Затаив дыхание, все ждали сообщение о судьбе потерявшихся. Но Роам молча продолжал ползать в кроне могучего дерева. Вот он прошел по толстой ветке, пока она не стала слишком тонкой, затем опустился и пополз дальше. Ветка при этом опасно прогнулась.

– Эй, Роам, ты куда ползешь? Свалишься же! – закричал Боат.

– Здесь кто-то удирал от змея, Судя по... – договорить Роам не успел, ибо сорвался вниз.

Дыхание наблюдавших за ним сторов на миг остановилось. Но на удачу прямо под сорвавшимся следопытом оказалась толстая ветка противоположного дерева. Роам оседлал ее и крепко обнял обеими парами рук. Около минуты переводил дыхание, затем пополз к стволу. Там вместо того, чтобы начать спускаться, полез выше. Густая листва скрыла его от наших глаз.

– Здесь дупло, – донеслось из кроны, – Они в нем ночевали. Судя по тому, что дупло расширили, ночевали точно вдвоем. Ветки вокруг посыпаны плиммом, значит, змей их не сожрал.

– Покинуть дерево они могли, только когда мы сражались со стахами, – задумчиво почесал подбородок Тарам и, отве-

чая на вопросительные взгляды, пояснил: – Если предположение Роама верно, то змей сорвался с той же ветки, что и он. Но такая туша не могла задержаться на нижней ветке, и рухнула вниз. Внизу произошло его столкновение со стахами, финал которого лежит перед нами. Чтобы сожрать такого змея троим стахам нужно сильно потрудиться в несколько заходов. А судя по кускам шкуры, они пожирали добычу на месте, не оттаскивая к логову. Это, кстати, говорит о том, что нора где-то рядом. Наверняка вон за теми кустами.

Тем временем Роам спустился, и мы направились к кустам. Оружие и факелы держали наготове, помня о самке. Под ногами тускло поблескивала слизь, которой стахи метят территорию вокруг логова. Тарам прорубил боевым топором просеку в зарослях, и нашим взорам предстала поляна, в центре которой чернел провал вертикальной норы.

– Стах их побери! – воскликнул Тарам, приседая у вбитого в землю дротика, которому был привязан сплетенный из нитей стаха шнур. Шнур спускался в нору.

– Ну, сестренка, – покачал головой Витон, – дай Создатели тебе выжить, гарантирую, что пару седмиц ты не сможешь сесть на мягкое место!

Потому, как старший брат в своей угрозе помянул только Ледиву, было понятно, что только именно от нее можно ожидать всяких авантюрных предприятий. Вероятно Валаду, как младшему брату, ничего не оставалось, кроме как следовать за ней.

Тарам вытащил шнур из норы, Мы прислушались. Никаких звуков оттуда не доносилось.

– Вряд ли там кто-то есть, – проговорил Поут, и неосторожно добавил: – Живой...

Хмуро глянув на сына лавочника, Витон привязал факел к шнуру и опустил в нору. Однако из-за поднимающегося в глаза чада оказалось сложно что-либо рассмотреть в мерцающем свете. Лишь подтвердилось, что, по крайней мере самки в норе не было.

– Я спущусь и посмотрю, – мои слова прозвучали неожиданно для самого меня. До сих пор ни один стор не спускался в логово стахов. Но, в конце концов, по праву избранного Создателями я имею право стать первым. Да мое право, похоже, никто оспаривать не собирался.

Я хотел спускаться по специально навязанным на шнуре узелкам, но Тарам привязал шнур к моей сбруе.

– Ори, еже ли что, – сказал здоровяк и начал, перебирая тремя руками, легко опускать меня в логово кошмарных тварей.

Чтобы чад не мешал обзору, я поднял факел над головой, стены земляного колодца были покрыты противной слизью, которая трещала и смердела всякий раз, когда факел касался ее. Было трудно представить, как какая-то девчонка осмелилась спуститься в это мрачное место. Я не мог понять, что чувствовал в данный момент к Ледиве, толи уважение за храбрость, то ли раздражение за безрассудство. Вот же до-

станется кому-то такая жена. Не позавидую я тому счастливцу...

За размышлениями о Ледиве я не заметил, как шахта расширилась. Спуск прекратился. Вероятно, закончился шнур, Я повис в каком-то полуметре от пола небольшой пещеры. Вопреки ожиданиям, нигде не валялись груды обглоданных костей и черепов, не смердели куски гниющей плоти и экскрементов. Наоборот, кругом царила исключительная чистота. Не было ни единого следа чьего-либо здесь пребывания, если не считать покрывающую стены слизь. И лишь на потолке пещеры находилось нечто. Весь потолок покрывало отблескивающее в свете факела полотно, подобное тому, что ткал Мизгирь. Сквозь полотно проступали несколько десятков яйцеобразных выпуклостей, Судя по всему, это и были коконы с зародышами летунов. А я-то, впрочем, как и все стору, представлял себе кладке стахов в виде единого большого кокона. И одним из вариантов наших планов было умыкнуть из логова монстров именно такой единый кокон. Теперь стало понятно, что соскрести с потолка такую кладку вряд ли получится. Разве что вырубать каждый отдельный кокон, но при таком способе изъятия наверняка погибнет зародыш.

– Эй! Леег! Ну что там? – нетерпеливо проорал сверху Тарам.

– Здесь никого нет! – отозвался я и, еще раз внимательно осмотрев подземелье, прокричал: – Вытаскивайте меня!

Наверху меня встретил обиженно верещащий Мизгирь. Оказалось, он несколько раз нырял за мной в нору, но всякий раз натыкался на огонь факела, который я держал над головой.

Мой рассказ выслушали вполуха, ибо Роам обнаружил уходящие от нор следы Ледивы и Валада, В том же направлении шли следы самки стаха. Нам следовало спешить со всех ног, на ходу моля Создателей, чтобы разъяренная тварь не нагнала беглецов раньше нас.

Следы были свежие, потому Роам с Тарамом практически не останавливались, а порой и вовсе переходили на бег. Витон из-за сломанного ребра сильно отстал, но все равно упорно двигался за нами, отказавшись от помощи, предложенной молодым рыбаком.

По времени прошло около земного получаса, или примерно треть сторанского шага, когда следопыты неожиданно остановились. Их лица выражали непонимание. Они прошли сперва в одну сторону, потом в другую, о чем-то тихо советуясь.

– Что случилось, Роам? – первым не выдержал Ваал. – Почему остановились?

– Почему-то самка прекратила преследование и свернула в ту сторону, – пояснил наш односельчанин.

– Так это ж хорошо! – воскликнул Боат.

– Хорошо-то хорошо, – задумчиво почесал подбородок Тарам, – но стахи хитрые твари. Сделаем так, Роам, Леег и

вы, парни, как самые быстроногие, отправляетесь дальше за нашими потеряшками. А мы все же пройдем по следу твари, пока не убедимся, что она окончательно отказалась от пого-ни. Встретимся здесь же.

Повторять распоряжение старшего товарища не было нужды. Мы сорвались с места и понеслись за Роамом. Вскоре он замедлил бег, внимательно рассматривая понятные только ему следы.

– Здесь недавно проходили сторы, – сообщил следопыт. – Тарам говорил, что мы уже недалеко от порубежной крепости, Вероятно, здесь ходил кто-то из ее обитателей.

Такая новость еще больше обнадежила, и мы вновь со всех ног понеслись вперед.

Прошло еще четверть часа, и впереди меж деревьев я заметил мелькающие фигуры. Вырвавшись вперед, узнал длинноногую дочку старосты рыбацкого поселка.

– Ледива! – заорал я.

Девушка на бегу оглянулась, и тут же упала, обо что-то споткнувшись. Второй беглец, коим естественно оказался Валад, остановился и вернулся к упавшей сестре.

За моей спиной уже какое-то время панически верещал Мизгирь. Однако я, поглощенный погоней, не обращал на него внимания. А зря. Впрочем, как выяснилось позже, я уже вряд ли смог бы что-то изменить.

Мои глаза расширились от ужаса, когда я увидел, как над наклонившимся к упавшей сестре Валадом вдруг появилась

фигура огромного стаха. Этот монстр не только превосходил размерами всех, виденных мною до сих пор, но и имел совершенно другой окрас. Его панцирь был гораздо светлее и имел желтовато-коричневые и серые оттенки.

Взметнувшийся хвост твари нанес два коротких укола, и Валад рухнул рядом с сестрой.

Краем глаза я отметил появление еще пары восьмилапых гигантов, напавших на моих товарищей. За спиной продолжал паниковать Мизгирь. Но все это не находило никакого отклика в моем сознании, наполнявшемся яростной ненавистью к первому монстру, который уже успел оплести Ледиву нитью, и сейчас подвешивал ее вверх ногами на толстой ветке.

Дико заорав, я безрассудно бросился на стаха. От удара шипа мне чудом удалось увернуться. Но удара хоботом опять не избежал. Пусть тот на этот раз пришелся вскользь, но все же сбил меня с ног. Когда я поднялся, перед монстром, заслоняя меня, плясал Мизгирь. Летун тонко верещал и размахивал зажатой в хвосте булавой. Гигант, вероятно, сильно удивился и пожелал лучше рассмотреть непонятное явление – только этим можно объяснить, что он склонил морду перед летуном. Тот не преминул воспользоваться удобным моментом и разmozжил булавой пару глаз в короне любопытного монстра.

Последовавший визг заставил меня отшатнуться и зажать ладонями уши. В следующий миг гигант пронзил шипом мо-

его Мизгирия и принялся рвать его передними лапами, расшвыривая части тела.

– Мизги-ирь! – эмоционально мой вопль не уступал в громкости воплю частично ослепленного монстра.

Я набросился на стаха, неистово рубя топорами. Не знаю, успел ли я нанести какой-нибудь ущерб восьмипалому гиганту до того момента, как почувствовал дикую боль от рвущего плоть укола в плечо у основания шеи. Тело перестало слушаться, и я свалился на землю безвольной куклой. Сознание будто обволокло вязкой пеленой. Появилось желание совсем отключиться от реальности и провалиться в уютное небытие. Однако свербящая боль утраты дорогих мне созданий не давала этого сделать.

Появилось знакомое, но давно забытое ощущение присутствия чужой сущности. Боль сразу отступила. Повинуясь чужому разуму, тело поднялось, сделало несколько шагов, повернулось туда-сюда, помахало руками. Некто словно примерял его на себя. Некто, похожий на когда-то вселившегося в мое былое земное тело Странника.

Неужели мне повезло встретиться с еще одним меж мировым скитальцем? Неудачный же момент он выбрал для вселения...

Осознание вселение в мое тело нового паразита взбодрило меня, но и заставило насторожиться. Почувствовав, что тот пытается пробиться к моему сознанию, я предпочел до времени затаиться. Мне попросту не хотелось с кем бы то

ни было общаться, ибо на душе тяжелым гнетом лежала гибель дорогих мне сторов и Мизгиря. Плевать было даже на то, что чужак полностью завладел телом. Без особых эмоций я принял и то, что стахи не напали на него. Более того, ближайший из них, тот, которому Мизгирь выбил пару глаз, позволил паразиту по-хозяйски похлопать себя по морде.

Поглощенный горем, я не заметил, когда на месте побоища появился еще один персонаж. Это был загоревший до черна невысокий жилистый стор. Лысую голову пересекал уродливый шрам. Кожаная сбруя надета прямо на голый торс. На ногах непривычно просторные штаны.

И вновь я почувствовал нечто знакомое, исходящее от этого диковатого на вид парня.

Между паразитом и дикарем завязалась беседа, суть которой поначалу ускользала от меня. Но постепенно я начал вникать и осознавать, что вселившаяся в мое тело сущность с восторгом рассказывает, как подвластные ей стахи уничтожили моих друзей. И более того, паразит намеревался добраться до моей сущности и выпотрошить ее, как подопытного лягушонка...

Ах ты ж! В памяти всплыли давно забытые русские слова. Я вскипел гневом! Я готов был зубами вцепиться в глотку врагу! Но... Вцепиться зубами в собственную глотку весьма сложно. Если конечно вместо зубов во рту не находятся вставные челюсти. Впрочем, самоубийство любым способом меня не устраивало. Кому как не мне знать о его бесполез-

ности.

И тогда я вспомнил, как когда-то удалось усмирить вселившегося в мою земную оболочку Странника, и запел. Сперва мне удавалось воспроизводить слова песни Высоцкого только мысленно. Но вселившийся паразит почувствовал их, насторожился и потерял контроль над телом. Овладев голосовыми связками, я заорал во все горло, с оттяжкой, с хрипотцой, щурясь от наполненного яростью удовольствия, испытывая давно забытые ощущения. До сих пор даже и не задумывался над тем, что в этом мире ничего не слышал о музыке, песнях и поэзии. Но сейчас с наслаждением долбил по паразиту тяжеловесными словами русского классика. А как смешно выпучил глаза от удивления дикарь...

– Оле-ег? Ты-ы?!

Восклицание дикаря заставило меня заткнуться на полуслове. Я себя не видел, но чувствовал, что выпучил глаза так же, как и он. Некоторое время мы молча таращились друг на друга.

– Т-ты к-кто? – спросил я заикаясь, хотя уже точно знал, что стоявшую передо мной оболочку занимает мой потерявшийся друг, мой первый паразит, мой наставник в бестелесном мире.

Вдруг меня словно оглушило. Мой разум как будто сдавило в тисках, и одновременно в него впились десятки визжащих сверл. Это новый паразит воспользовался заминкой и набросился, стремясь подмять, раздавить и полностью уни-

чтожить мою сущность. И я ничего не мог сделать с навалившейся на меня мощью. Перед глазами встали павшие от шипов стахов Ледива и Валад, Боат и Ваал, Роам и Поут. Словно в телевизионном повторе я увидел бросившегося на мою защиту Мизгиря... И теперь тварь, убившая всех их, пыталась убить меня!

Когда-то, чтобы выбить смертные сущности из занимаемых ими оболочек, я представлял в своем воображении миллиардный шар, которым бил по той самой сущности. Сейчас в моем воображении сама собой возникла булава, которой Мизгирь вышибал челюсти змеям. И я со всей злости влупил ею по паразиту!

Право Избранного

Повозка катила по новой мощеной дороге не в пример спокойнее, чем по старой грунтовке. Слегка придерживав разбежавшегося Буцефала, я оглянулся. На моем лице расплылась умиленная улыбка. Ледива улыбнулась в ответ. Она на заднем диване кормила полугодовалых Петра и Павла. На переднем диване дремали уставшие от игр Ванька и Машка. Им Через седмицу исполнится по пять лет. Приготовленные в подарок летуны уже ждут своих маленьких хозяев.

Да, у моих детей земные имена... Да, я не ходил к жрецам на остров, а сам назвал своих детей. В конце концов, кто такие жрецы? А я сам Избранный! Избранный Создателями! И сей факт, подтвержден уже не только тем, что я когда-то выковырял из зуха два семени, но и тем, что Ледива второй раз разродилась от меня двойней. Если два семени в одном зухе еще можно было списать на причуду природы, то рождение двойни для сторов событие вовсе невероятное. Дошло до того что в наше лесное селение потянулись паломники, дабы узреть чудо и прикоснуться к Избранному. Что характерно, Ледиве никто заслуг в рождении двойни не вменял. Женщина есть сосуд для вынашивания семени, которое вкладывает в этот сосуд мужчина, – вот и все.

В общем, вынуждены мы были бежать от назойливых па-

ломников сперва в рыбацкий поселок к родственникам Ледивы, а потом и вовсе в град на холме, который возводил Крик. Крик – это сторанская ипостась Странника.

Несколько лет прошли в относительном спокойствии, но когда у нас родилась вторая двойня, паломники добрались и до порубежья. Ходили слухи, что жрецы собираются в кои-то веки покинуть Священный Остров и явиться для личного засвидетельствования чуда. И мол, не явились они до сих пор лишь потому, что никак не могут решить, должно ли им покидать Священный Остров, и не накличут ли они гнев Создателей, ежели повелят Избранному самому явиться перед их очи?

Не знаю насчет гнева Создателей, но я им не клоун, и дети мои не какие-то диковинные зверушки, чтобы возить их на показ. Нам и так пришлось вновь перебраться в лесной поселок. Но теперь я возвращался в город, чтобы раз и навсегда положить конец этому безумию. Решение вопроса мы нашли совместно с Криком. Он уже ввел в своем граде понятие Нового Года, приурочив его к сбору урожая клада перед началом сезона дождей. Теперь нам предстояло объявить на это время Седмицу Избранного. А куда деваться? Ради круглогодичного спокойствия мне придется жертвовать одной неделей, в течение которой буду являться перед сторами, сартуками и марыками, и возможно творить какие-нибудь чудеса. Например, исцелять кого-нибудь с помощью Странника. Сам-то я такого пока не умею, ибо опыта маловато. Все

ж живу какие-то несчастные пару сотен земных лет. А может, мне удастся приручить находящегося в одной со мной оболочке настоящего Создателя.

Да-да, это покажется невероятным, но новым паразитом, вселившимся в мою сторанскую оболочку, оказался сам сторанский Создатель. Я едва не убил его в первые минуты сожительства. Да и убил бы, если бы знал как. До сих пор не могу простить ему гибель Мизгиря, я тогда забил воображаемой булавой сущность паразита в дальний уголок сознания, и в течение прошедшего с тех пор времени молотил по нему всякий раз, как только чувствовал малейшее шевеление. Делал это уже подсознательно, на уровне рефлексов. Как, оказалось, совсем уничтожить бессмертную сущность можно лишь поглотив ее. Как такое делается, я не знал, и знать не хотел. По словам Странника, при поглощении одной сущности другой, появлялось производное от обеих. Вывод: я перестану быть самим собой. Меня такой результат не устраивает. Лучше буду до конца жизни оболочки Леега гнобить гада, убившего моего любимого питомца, и покушавшегося на жизни моих друзей и моей будущей супруги.

Оно, как выяснилось, и мой друг Странник был в сговоре с Создателем. Более того, именно Странник заварил всю эту кашу. Но, во-первых, он не знал о моем присутствии на Сторане. Во-вторых, именно он настоял, чтобы подвластные Создателю стахи не убивали пойманных сторов, а лишь парализовали. После чего Странник нейтрализовал яд и исцелял

полученные сторонами раны. И в-третьих, моего друга полностью оправдывала благородная цель примирения сторонских народов и создания единой великой цивилизации.

Конечно мы понимали, что объявление Седмицы Избранного не прекратит в одночасье поток паломников. Придется стараниями все того же Странника продемонстрировать гнев Создателей, наслав на первых ослушавшихся столбняк или иную напасть. Придумали мы так же и как утолить жажду страждущих, желающих прикоснуться к святому в любое время года. Им будет указан путь паломничества к моему первому дому, вырубленному из того самого зуха, в котором оказалось два семени. Вот и пусть идут и прикасаются, буде припрет нужда. И для деревни польза, Туристический бизнес еще никому не повредил. Со старостой все уже согласовано. Организовать процесс на месте взялся Поут, под надзором отца, естественно. Вот только чтобы уберечь родителей от назойливого внимания паломников, их тоже пришлось переселить в город.

К сожалению Ната так и не смогла привыкнуть к мысли, что стахи могут быть дружелюбны к сторонам. Потому наотрез отказалась садиться в повозку, запряженную восьмипалым скакуном. Пришлось сопровождать их пеший караван до Лабы. Там родители остались погостить у сватов, После они все вместе придут на празднование Нового Года, совмещенного с Седмицей Избранного.

Деревья расступились, и дорога вывела нас к питомнику.

Буцефал беспокойно заскрежетал челюстями, почувяв самок. Я строго прикрикнул на него, и В ответ услышал от скакуна укоризненный писк.

В груди защемило. Я тяжело вздохнул, глядя на скульптуру Мизгиря, воздевшего хвост с зажатой в нем булавой. Резчик по каменному дереву намеревался создать целую композицию, изображавшую как летун защищает Избранного от горного стаха, но я категорически этому воспротивился. Только прижизненных памятников мне не хватало. А вот образ Мизгиря в народной молве обрастал все более невероятными подробностями. Трудно представить в какое сверхестественное существо он превратится через пару-тройку веков.

За спиной вздохнула Ледива. Она считает себя виновной в гибели Мизгиря. Но даже сами Создатели не могут знать, как все повернулось бы, не отправься она тогда на поиски логова стахов. Ведь не вселись в меня Создатель, и мы со Странником не узнали бы друг друга.

Кстати, в тот раз ни Ледива, ни Валад в нору не спускались. Они только успели опустить в нее веревку, как вернулась разъяренная самка, и пришлось срочно уносить ноги.

Миновав питомник, мы выехали к изгороди, за которой паслись многочисленные гераты. Если последовать вдоль изгороди, то дорога выведет к ферме, где в искусственных заводях разводят личинок этих бронированных крабо-жуков. Но наш путь лежит прямо. Далее будет глиняный карьер и

кирпичный заводик. Потом поселок гончаров. А там за плантацией кувшинных деревьев уже будут видны крыши самых высоких зданий града на холме.

Как же трудно оказалось подобрать название для будущего центра сторанской цивилизации. Естественно, мы со Странником примеряли земные названия. Пробовали и Рим, и Москву, и Нью Йорк, и многое другое. В конце концов остановились на Вавилоне.. Сие земное название созвучно со сторанским словом, обозначающим союз.

Первое время все заботы по созданию должной инфраструктуры естественно лежали на плечах Крика. Однако через год он решил уйти в тень, мотивируя тем, что основную задачу по заданию направления в развитии цивилизации выполнил, и теперь хочет больше времени посвятить изучению других территорий северного полушария. После того, как я пленил одного из Создателей, у Странника прошел последний страх перед этими сущностями. Были разговоры и о перспективах проникновения на территорию южного полушария, но с этим решили повременить до того момента, когда выяснится, восстановилась ли моя сущность от сожительства с Создателем до прежних возможностей, и могу ли я покидать физическое тело. Возможно придется ждать до естественной смерти моего тела.

В общем, я, добросовестно исполняя роль Избранного, объявил народу, что Крик выполнил волю Создателей по принуждению враждующих народов к миру. И теперь жите-

ли Вавилона должны сами выбрать своего мэра. Разумеется, пришлось объяснить, что мэр – это тоже, что и совет старшин в крупных городах, но в едином лице. В итоге на предвыборную гонку вышли три кандидата – старшина порубежной стражи Мак, бывший порубежник Тарам и старший советник самого Крика Молок. За последний год все трое заработали непререкаемый авторитет у растущего населения нового города. Кроме того сдружились между собой, и часто обращались друг к другу за советами по тому или иному вопросу. В сущности, там, где не требовалось авторитетного участия Крика, уже давно фактически правила эта троица. Но когда Странник предложил им возглавить Вавилон официально, привыкшие находиться под его сенью отважные воины стусевались и принялись дружно отказываться от оказанной чести. Тогда я и предложил Страннику провести демократические выборы, чтобы троица ощутила и осознал народную поддержку. Разумеется с народом была проведена соответствующая агитационная работа.

Так с небольшим перевесом в голосах мэром стал Тарам. Мак был назначен замом по страже. Молок замом по социальным вопросам. Что такое социальные вопросы бывший степняк не понимал, но мы со Странником как смогли объяснили ему, что тут главное не понимать, а делать, что положено. Себя Крик назначил главным советником. Мне должностей не досталось, ибо я Избранный. Мое дело совершать деяния, в коих скрыта воля Создателей. Интересно, Что бы-

ло бы, узнай народ, что во мне самом скрыт настоящий Создатель? М-да...

Срок мэрства решили не ограничивать конкретными сроками. Пока Тарам и его замы устраивают жителей Вавилона, пусть себе мэрят на здоровье.

Теперь мой друг частенько надолго исчезал, путешествуя по миру в бестелесном состоянии. Мне при этом приходилось следить за его оболочкой. Троица правителей и Ледива были в курсе, что Крик может на несколько дней впасть в беспамятство. Пришлось им объяснить это болезнью, из-за которой вождь и отказался от роли правителя.

Не следовало нам забывать и о сартуках. Крик привел с собой только одно степное племя. Остальных, по крайней мере ближайших соседей планировалось ассимилировать по мере взросления новой цивилизации. А пока радовались и удивлялись тому, что хотя бы одно племя степняков понемногу срасталось с лесным народом. И процесс шел довольно успешно, Уже через год появились первые смешанные браки.

Однако не зря Крик велел построить укрепленные форты в степи, расположив их полукругом в сутках пешего пути от полей клода. В дальнейшем планировалось соединить их общей стеной. А пока лишь вскопали контрольно-следовую полосу, Идею с КСП подал я после того, как кто-то изрядно попасся на наших полях. Вскоре патруль обнаружил многочисленные следы, Порубежники во главе с Маком догнали и

окружили отряд молодых сартуков.

К великому удивлению степняков, превышающие их числом лесные воины, не стали убивать своих извечных врагов. Сартуков отпустили, наказав сообщить своему народу, что отныне в эти земли нужно приходить не как воры, а только как добрые соседи.

Молодые сартуки передали слова своему вождю. Однако тот истолковал их по-своему. Не в состоянии допустить даже мысли о возможности дружеских отношений со сквилами, степняк приписал эти слова трусости лесных жителей. Пожурив молодых воинов за то, что не разогнали трусливых сквиллов, он задумался. Несколько раз побывавшие в тех краях отряды его соплеменников рассказывали невероятные истории о ровных полях шиповника, о растущем ровными рядами клуде, о взявшихся невесть откуда ягодных кустарниках, растущих тоже ровными рядами. А принесенная в племя добыча свидетельствовала о правдивости рассказов. Но ему и раньше доносили о построенных сквилами в степи небольших крепостицах, отчего вождь и не спешил двинуться в благодатные земли всем племенем, а теперь вот произошло первое столкновение, не отнявшее ни одной жизни ни с одной стороны. И как еще это можно было истолковать, если не трусостью сквиллов? А трусость соседа как правило провоцирует к нападению на него. А если нападать, то по всем правилам. И вождь поднял племя для похода к горам, где намеревался заручиться поддержкой марыков.

Несмотря на то, что удар волны стахов приняли на себя вынесенные в степь форты, жертв среди населения Вавилона оказалось слишком много. Конечно же вина за это лежит на нас со Странником. Слишком уж уверились мы в свою силу и исключительность. И вот степные дикари при поддержке нескольких десятков восьмилапых монстров опустили нас на грешную сторанскую землю, обagrив ее кровью доверившегося нам народа.

Жертв было бы гораздо больше, если бы несколько седмиц назад на службу к порубежникам не поступил первый десяток выращенных в питомнике и обученных боевых стахов. Конечно же восьмилапые порубежники уступали в силе и численности более массивным горным сородичам. Да и вместо купированных ядовитых шипов они держали хвостами булавы. Но тем не менее лесные стахи самоотверженно бросались на защиту порубежников, погибая под ударами ядовитых шипов, умудряясь при этом все же калечить, а то и убивать горных сородичей. Они погибли все до единого. Мало кто уцелел и из порубежников. Но выжившие рассказали жителям Вавилона о подвиге восьмилапых питомцев. После этого многие сторы и вавилонские сартуки, все еще испытывающие недоверие к приручению недавних самых жутких врагов, сменили недоверие на желание завести личного летуна и вырастить из него боевого стаха.

В тот раз Странник нейтрализовал погонщиков стахов, но вышедшие из-под контроля твари натворили еще много бед,

убивая и своих и чужих. Когда обезумевшие монстры ворвались в гущу готовившегося к нападению племени степняков, тем, естественно, стало не до нападения. Заваривший эту кашу вождь погиб один из первых.

После того, как стахи частично разбежались, частично были уничтожены, не удалось избежать кровавых стычек между степняками и вавилонянами, Особенно отличились, мстя за погибших товарищей вавилонские сартуки. Нам со Странником с трудом удалось их усмирить, напомнив, что еще менее двух лет назад они были такими же дикарями, ходившими в грабительские походы на лесных жителей.

В конце концов, оставшиеся в живых степняки были захвачены в плен. Пленили их, разумеется с целью ассимиляции. Женщины и дети тут же были взяты в оборот вавилонянками. Через седмицу им было позволено свободно перемещаться по территории города и его окрестностям. С воинами беседовали вавилонские сартуки. Когда через пару месяцев пленённым степнякам было предложено на выбор уйти обратно в степь или остаться в Вавилоне на правах равноправных горожан, не ушел ни один.

А вот для выдворения троицы марыков пришлось выделять отряд сопровождения. Сами коротышки ни за что не добрались бы через всю степь до своих гор. Воспользовавшись случаем Крик отправился к горному народцу в качестве посла для установления дипломатических и торговых отношений.

Итак, нападение диких сартуков лишней раз подтвердило известную истину, что сильное государство не может существовать без надежной оборонительной системы. А говоря о государстве, мы со Странником имели в виду не только Вавилон, а всю Сторанскую республику. Ну, пусть будет, будущую Сторанскую республику, границы которой пока только визуально определил Крик в своих бестелесных путешествиях. Понятно, что с юга граница проходила по степи, но в планах должна была сдвинуться к горам. Не зря это было одно из двух направлений, в котором уже сейчас мостилась дорога. С севера будущую республику ограничивал океан. А вот на востоке и на западе жили воинственные народы, проводящие время в междоусобных войнах. Восточный народ называл себя халками, западный тельгами.

Со сторами халки и тельги не сталкивались до сих пор лишь благодаря пока непреодолимым преградам. На востоке текла река, противоположные берега которой скрывались друг от друга за горизонтом. Судходство на реке отсутствовало. Причиной этого, как полагал Странник, были твари размером с кита, внешне напоминающие земных крокодилов. По той же причине близ берегов не было ни единого селения. В верховья, где великая река собиралась из множества мелких речек и ручьев, халки предпочитали не соваться. Добычи там никакой не было. Зато обитали племена особенно агрессивных сартуков, грешащих канныбализмом.

На западе между тельгами и сторами пролегали многоки-

лометровой преградой непроходимые болота, в которых воля Создателей поселила гигантских сороконожек, размеры которых не имеют аналогов в животном мире земли. Достаточно просто представить сороконожку диаметром тела с автомобильную цистерну.

Итого, весь лесной пояс вокруг северного океана делился на три сектора – сектор сторов, сектор халков и сектор тельгов. В отличие от сторов, земли между тельгами и халками ни что не разделяло, и они спокойно убивали друг друга в бесконечных пограничных конфликтах и частых военных набегах.

Как водится во Вселенной, войны двигали прогресс. На момент пришествия на Сторан нас со Странником, как халки, так и тельги продвинулись в техническом развитии гораздо больше, чем сторы. О брошенных Создателями сартуках не стоит и говорить. Было очевидно, пройдет еще век-другой, и воинственные народы найдут способ усмирить или уничтожить речных и болотных монстров. Они узнают, что болота и Великая река не являются краями мира, и за ними есть огромные лесные пространства, на которых можно всласть повоевать с живущим там народом.

Меня, привыкшего мыслить категориями смертного, подобные отдаленные перспективы мало волновали. Но Странник уже сейчас задумывался о будущем контакте с воинственными соседями и строил далеко идущие планы. Он много времени проводил, обследуя пограничные земли, до

которых от Вавилона было по году пешего хода, что в одну, что в другую сторону. Понятно, что в нынешнем положении я не мог составить ему компанию. Странник часто сетовал на сей факт, ворча, мол, все приходится делать ему одному. Однако он и не торопил меня с решением попробовать покинуть физическую оболочку. Несмотря на то, что благодаря симбиозу с Создателем, я вновь ощущал себя полноценной сущностью, и уже экспериментировал с взятием под контроль других оболочек, нельзя было забывать и о запертом в моем нынешнем теле соседе. Нельзя было оставлять его без присмотра. И уничтожить его, или поглотить без риска, перестать быть самим собой, я не мог.

И еще, что касается Создателя, у меня в душе свербела одна мысль, которой я пока не делился даже со Странником. Когда-то, еще на земле, я пережил не одну любовь, пережил своих детей и даже внуков. Мне было больно смотреть как стареют и увядают любимые люди. Пусть век жителей Сторана вдвое больше земного, но все же перспектива будущих потерь меня не радовала. Я хотел когда-нибудь, когда дети станут взрослыми и самостоятельными, поведать о своей настоящей сущности Ледиве, и предложить ей попробовать вселить в ее оболочку Создателя. Хотя конечно меня корбило от мысли, что в теле любимой женщины будет присутствовать чужая противная мне сущность. Но если ценой вопроса станет бессмертие сущности Ледивы, то можно будет какое-то время перетерпеть. Но до того момента на-

до будет придумать, как контролировать Создателя, чтобы он, не дай Создатель, не захватил оболочку и не уничтожил Ледиву. Может, для начала мне надо будет самому почаще вселяться в супругу. Вдруг ей передастся моя сопротивляемость паразитам.

Странника я не хотел просить вступить в симбиоз с Ледивой потому, что для получения бессмертия возможно понадобится не менее сотни лет сожительства, и то результат не гарантирован. Не пойдет он на такое добровольное заточение.

В общем, тут существовало множество нюансов, которые все же придется обсудить сперва со Странником, а потом с Ледивой. А если не получится с супругой, то возможно шансы будут у детей. Ведь их сущность наполовину унаследованы от меня.

Мысли о семье напомнили связанную с ней загадку, которая уже некоторое время мучила даже Странника. Загадка была связана с Натой. Как-то я попросил друга, чтобы он в своих бестелесных путешествиях попытался найти родню моей матери. Все же интересно, откуда она появилась вблизи нашей деревни. Странник пообещал и словно бы, как мне показалось, забыл о моей просьбе. Потом я и сам забыл о ней. И вот, спустя какое-то время он явился с озабоченно-заинтересованным настроением и поведал загадочную информацию. Оказывается мой друг действительно искал родственников Наты, определяя их по каким-то антро-

пологическим меркам. К его удивлению таковых не нашлось не только вблизи той местности, где находилось родное селение моей оболочки, но и среди всех остальных сторов. Сей факт породил у Странника азарт. Он прочесал земли халков и тельгов, Результат нулевой. Уже без особой надежды прочесал племена сартуков. Поразмыслив, отправился проверять острова, допуская, что Ната может оказаться дочерью одного из жрецов. Но жрецы оказались невинны. Да и как им согрешить, ежели женщины на острова категорически не допускались. Теперь узнать секрет Наты стало для Странника делом принципа. Гонимый азартом, он даже не поставил меня в известность, когда попытался проникнуть в оболочку женщины, надеясь взять под контроль ее сущность и выяснить секрет ее происхождения. Разумеется, Странник действовал не так грубо, как некогда вселившийся в мое тело Создатель. Однако напоролся на неожиданную непреодолимую преграду. То есть, абсолютно непреодолимую. Нет, никакого сопротивления его действиям не было. Перед Странником стояла абсолютная несокрушимая подавляющая стена. За всю вечность своего скитания по мирам, он еще ни разу не сталкивался с таким явлением. И сейчас почувствовал себя муравьем, на пути которого высилась отвесная скала. Повинуясь инстинктивному страху, мой друг отскочил от ментальной скалы и затаился, пытаясь понять, не заметило ли его муравьиную сущность это скало подобное нечто. Но скала осталась скалой, и Странник поспешил убраться

прочь.

Явившись ко мне, он ошаршил меня данной информацией, словно пыльным мешком. Подождав, пока осядет вихрь взметнувшихся мыслей, я хотел немедленно отправиться к матери для прояснения вопроса. Однако Странник вцепился в меня и принялся настойчиво требовать повременить с этой затеей. Он не мог объяснить толком, что заставляло его держаться на расстоянии от сущности Наты, но то, что ее оболочкой владеет нечто могущественное, ранее ему не известное, мой друг не сомневался. Его, мягко выражаясь, настороженность передалась и мне. Я больше не рвался к откровенному разговору с Натой. Но теперь ее присутствие вызывало во мне дискомфорт. Поневоле мои контакты с родителями сократились до минимума. При всем при этом в моем сознании никак не складывались внешняя беззащитность немой женщины, в глазах которой читался откровенный ужас при каждой встрече даже с одомашненными стадами, и та мощь, которая по словам Странника, скрывалась за ее сущностью. С тех пор мой друг старательно обходил эту тему, благодаря чему мои отношения к матери вернулись почти в прежнее русло. Но иной раз, например, как сейчас, червячок беспокойного любопытства выползал и начинал подтачивать стопочку уже улегшихся мыслей...

– Леег, ты уснул, что ли? – оборвал течение мыслей возглас Ледивы.

– А? – встрепенулся я, только теперь сообразив, что до

меня пытаются докричаться Ванька с Машкой. – Извините, задумался.

– Пап, пап, а мы пойдем вечером в парк кататься на гиратах?

– Если мама отпустит, – перевел я стрелки на супругу.

Повозка уже катила по мостовой одной из городских слобод. Здесь все говорило о приближающемся празднике. Между рядами ажурных фонарей со спящими дневным сном фиалами тянулись разноцветные гирлянды из шарообразных семян болотного выюнка. Заборы и фасады домов слепили глаз свежей краской. Аккуратно подстриженные кустики дождевика покрылись пирамидками готовых вот-вот распуститься бутонов. Но народ на улицах практически отсутствовал. Праздники еще не начались, а рабочий день в самом разгаре. Детвора тоже в садах и школах.

Впрочем, такое безлюдье днем царит только на окраинах. За окружающей холм крепостной стеной улицы всегда полны куда-то спешащих горожан и прогуливающих с неспешным любопытством гостей Вавилона. Потому-то мой дом находится не в центре, а у самой стены недалеко от северных ворот.

М-да... Даже не верится, что еще какие-то неполные семь сторанских лет назад здесь была лишь маленькая крепостица, а степняки и лесные жители контактировали только с намерением убить друг друга. Не берусь представить, как при таком же активном участии Странника продвинется про-

гресс на северной части Сторана через пару-тройку веков. А ведь есть еще и южное полушарие, Создатели которого пока не подозревают об угрозе, нависшей над их устоявшимся миропорядком.

Январь 2019